

Фред Саберхаген Берсеркер

Берсеркер – 1

Аннотация

Давным — давно на просторах вселенной схватились две враждующие расы и истребили друг друга... Единственным наследием этой войны остались машины, положившие ей конец. Машины, стремящиеся лишь к одному: уничтожить жизнь во всех ее проявлениях. Берсеркеры.

Направляемые компьютерами, более умными чем любой человек, эти огромные корабли несли смерть по всей Галактике — пока не прибыли на окраины космической Империи Людей.

Это — истории хрупких существ, которые встретили этого чудовищного и непримиримого врага и, стойко сражаясь, стали спасителями всей жизни в Галактике...

(Первая книга включает рассказы: Не задумываясь, Доброжизнь, Покровитель искусств, Миротворец, Каменный край, Что натворили ты и я, Господин Шут, Маскарад в красном смещении, Знак Волка, В Храме Марса, Лик Бездны).

Фред Саберхаген БЕРСЕРКЕР

"Я, третий историк Карпманской цивилизации, в благодарность за все, что потомки землян сделали, защищая мою планету, взял на себя смелость составить эти далеко не полные записки об их великой войне против нашего общего врага.

Цельная картина создавалась постепенно, фрагмент за фрагментом, которые я подбирал из прошлого и настоящего, входя в контакт с сознаниями людей и даже машин. Некоторые вещи были мне непонятны, но я постарался запечатлеть правдивую историю деяний сынов Земли, великих и рядовых, их слова и даже мысли.

Углубившись в прошлое, я обнаружил, что в двадцатом веке по старому земному христианскому календарю, ваши земные праотцы построили первые радиодетекторы для прощупывания межзвездных глубин. И настал день, когда Земля услышала первый шепот на инопланетном языке. Вселенная вдруг стала во много крат реальней для народов и племен

земного шара.

Они физически почувствовали окружающую бесконечность, непонятный, странный, безграничный мир. Возможно, он был враждебен землянам, которые сразу почувствовали себя крошечными. Их жизнь изменилась, как меняется жизнь племени на океанском атолле, вдруг обнаружившем существование могучих заокеанских государств. Так и народы земного шара начали постепенно прекращать междуусобицы и конфликты.

В том же двадцатом веке люди Старой Земли сделали первые шаги в космос. Они записывали и изучали обрывки наших передач. Когда они научились летать в пространстве быстрее света, они начали искать нас по нашим радиоголосам.

Наши цивилизации долго и осторожно изучали друг друга, соблюдая все меры предосторожности. Ведь мы, кармпанцы, менее энергичны, чем земляне. Мы живем в разных условиях, и мышление происходит у нас непохожими путями. Для Земли мы опасности не представляли. Мы старались любой ценой сохранить мир и покой в отношениях, избегая малейшего давления на землян. Но увы, настал день, когда мы пожалели, что не умеем воевать.

Земляне отыскивали ряд планет, где их колонии процветали под теплым светом солнц, похожих на родное. Большие и малые колонии усеяли весь сегмент нашего рукава Галактики. Ваши колонисты и исследователи начали воспринимать космос как место безопасное, полное гостеприимных планет, которые оставалось лишь срывать, словно зрелые плоды.

Многочисленные цивилизации, окружавшие вас, были настроены дружелюбно. Чувство опасности постепенно притупилось, воображаемые проблемы перестали занимать умы. Вы снова позволили вспыхнуть междуусобному конфликту.

Межзвездного закона не существовало. На каждой планете, в каждой колонии местные вожди и правители рвались к личной власти, манипулируя населением с помощью воображаемых — или реальных — угроз со стороны других колоний.

Потом наступил день, когда слышались новые, незнакомые радиоголоса, говорившие на языке математических формул. Земные колонии, разделенные подозрительностью, готовились тем временем к войне.

На этот раз готовность к насилию оказалась важным фактором выживания. Нам, кармпанцам, пассивным наблюдателям и естественным телепатам, казалось, что вы пронесли бремя войн сквозь историю Земли только ради этого момента, когда ваш ужасный опыт вдруг стал решающим.

Когда час пробил и без предупреждения нагрянул космический враг, вы уже были готовы, вы уже создали огромные боевые флоты. Вы расплылись по множеству планет, вооружились до зубов. Только благодаря этому вы и мы сейчас живем.

При всей тонкости кармпанской философии, психологии и логики помочь себе мы были бессильны. Наше искусство сохранять мир, развивать и поддерживать взаимное уважение и терпимость оказалось бесполезным — наш враг был мертв изначально.

Что есть мысль, рождаемая машиной?"

1. НЕ ЗАДУМЫВАЯСЬ

Это была машина-крепость, машина-корабль, стальное космическое существо, построенное в незапамятные времена с одной целью — уничтожить любую жизнь. Такие машины достались земным исследователям в наследство как последствия древней межзвездной войны, кончившейся в такие давние времена, что ни один земной календарь не годился для исчисления. Подобная машина-крепость, зависнув над освоенной планетой, за два дня превращала поверхность в слой пыли и пара.

В войне с людьми эти машины постоянно варьировали тактику, причем самым непредсказуемым образом. Их древние создатели снабдили машинное сознание фактором случайности. Машины выбирали варианты наугад, но подчиняясь общему принципу — уничтожить как можно больше живых существ. Как считали ученые, план битвы выбирался специальным блоком случайности, работавшим на энергии распада одного из долгоживущих изотопов. Этот блок был спрятан в самом сердце машины, в ее самых тайных недрах. Поэтому человек или компьютер не могли прогнозировать действия этой машины.

Люди называли их берсеркерами.

Дел Мюррей, в прошлом специалист по компьютерам, часто называл берсеркеров словами похуже. Но сейчас ему было не до этого. Он метался по тесной кабине своего одноместного боевого корабля, вставляя запасные схемы, блоки и платы вместо поврежденных последним залпом берсеркера. Ракета едва их не накрыла: в кабине Дел был не один, его товарищем было животное, размерами и внешним видом похожее на собаку, но с передними конечностями, как у обезьяны. Этими лапами собакообезьяна сейчас держала пачку гермозаплат. Кабина, словно легким туманом, наполнялась дымкой. Там, где движение тумана выдавало течь в корпусе, собакообезьяна приклепывала гермозаплату.

— «Наперстянка», «Наперстянка!» — начал громко вызывать Мюррей.

— Мюррей, это «Наперстянка»! — Кабину наполнил неожиданно громкий голос. — Ты далеко от него?

От усталости Дел даже не обрадовался тому, что связь работает.

— Через минуту сообщу. По крайней мере, он больше не стреляет. Отойди, Ньютон.

Собакообезьяна, бывшая на самом деле инопланетным животным, которое на родной планете называлось «айан», верный друг и помощник Мюррея, отодвинулась в сторону, продолжая с завидной настойчивостью искать прорехи в корпусе.

Дел пристегнулся к большому амортизационному креслу управления. На это ушла целая минута. Теперь перед ним был пульт. Последний залп берсеркера наполнил кабину мелкими опасными осколками, но человеку и айану повезло: они даже не были ранены.

Когда включился радар. Дел сказал:

— «Наперстянка», от меня до него примерно девяносто миль. С противоположной относительно вас стороны.

Эту позицию Дел стремился занять с самого начала боя. Два земных корабля и берсеркер висели в пространстве на расстоянии в половину светового года от ближайшей звезды. Пока корабли находились рядом, машина смерти не могла совершить подпространственный прыжок к звезде и ее беззащитным планетам-колониям. «Наперстянка» была больше корабля Дела, на ее борту находилось двое людей и оборудования у них было больше. Все равно оба земных корабля казались лилипутами рядом с громадой берсеркера.

На экране радара Дел видел древнюю металлическую гору, в поперечнике не уступающую штату Нью-Джерси. Удары людей оставили свои следы на поверхности гиганта: шрамы, кратеры величиной с остров Манхеттен, застывшие озера металла.

Но энергия и мощь берсеркера были еще грандиозны. До сих пор никому не удавалось выйти из битвы с ним живым. Он мог бы разделаться с корабликом Дела, как с комаром. Но в равнодушии врага чувствовался особый привкус ужаса: люди ничем не могли испугать машину-убийцу, а она могла, и очень сильно.

В результате горьких поражений люди разработали тактику боя с берсеркером. Она требовала одновременного нападения тремя кораблями. «Наперстянка» и Мюррей — пока их было только два. Третий корабль спешил к ним сквозь подпространство на сверхсветовой скорости, но был все еще в восьми часах пути. Оставалось, сдерживая берсеркера, тянуть время. И гадать, какой очередной непредсказуемый ход сделает смертоносный колосс.

Может, он атакует корабли поодиночке. Или попробует отступить. Или будет выжидать, предоставляя людям сделать первый ход. Берсеркеры изучили язык землян-космопроходцев, поэтому машина могла с ними заговорить. В любом случае цель одна — уничтожить, уничтожить все живое на своем пути. Такова была программа, вложенная в берсеркеров древними воинственными Создателями.

Тысячу лет назад берсеркер, не теряя времени, смел бы с дороги оба земных кораблика. Но теперь он, наверное, понимал, что столетия сражений ослабили его потенциал. Быть может, битвы в разных точках Галактики научили его осторожности.

Детекторы неожиданно отметили появление силового поля позади корабля Дела. Подобно медвежьим лапам, они охватили корабль в кольцо, отрезая путь к отступлению. Дел замер, ожидая последнего смертельного удара. Его рука повисла над красной кнопкой — нажатие на нее запускало ракеты с ядерными боеголовками. Нет, для атаки нужны три корабля: если Дел

атакует сам или с «Наперстянкой», берсеркер распылит их на атомы и двинется уничтожать колонии. Красная кнопка была последним отчаянным средством.

Дел сообщил о появлении силовой ловушки, когда почувствовал признак новой атаки.

— Ньютон! — громко позвал он, не выключая связи. На втором корабле услышат и поймут, что происходит.

Айан шариком выкатился из собственного боевого кресла и замер перед хозяином, как загипнотизированный. Все его внимание было обращено на человека. Дел любил иногда похвастаться: «Если показать моему Ньютону картинку с разноцветными огоньками, убедить его, что это панель управления, он будет нажимать кнопки пульта, пока настоящая панель не приобретет тот же вид, что и на картинке».

Но айаны не имели человеческой способности мыслить абстрактно и не могли этому обучиться. Вот потому Дел и намеревался передать Ньютону командование кораблем.

Он выключил компьютер — пользы от машины было не больше, чем от его собственного мозга в условиях надвигающейся атаки, — а потом приказал айану:

— Режим «зомби»!

Айан среагировал мгновенно. Он ухватил Дела за запястья и аккуратно завел его руки за спинку кресла, где были устроены специальные наручники.

Принципы нового ментального орудия берсеркеров были еще непонятны людям, но горький опыт научил их мерам предосторожности. Во-первых, атака начиналась постепенно, достигала пика воздействия не сразу. Во-вторых, пиковое воздействие можно было поддерживать только в течение двух часов. После этого берсеркер прекращал атаку на примерно такое же время. Но в течение двух часов ментального воздействия луч берсеркера начисто лишал человеческий мозг или компьютер способности планировать и прогнозировать. Хуже всего, что в подобном состоянии человек ничего неправильного не замечал и думал, что все идет нормально.

Так и сейчас Делу казалось, что все это происходило уже неоднократно. Ньютон, смешной чудак, пожалуй, зашел слишком далеко со своими выходками: он бросил коробочки с разноцветными бусинами — свои любимые игрушки — и принялся нажимать на клавиши пульта. Панель подмигивала разноцветными индикаторами. Поскольку играть с Делом ему не хотелось, он привязал Дела к креслу. Негодяй! Это просто недопустимо, учитывая, что происходит сражение. Дел, попробовав освободить руки, позвал Ньютона.

Ньютон в ответ заворчал и остался у пульта.

— Ньютон, хорошая собачка, а ну, отпусти мои руки. Я знаю, я должен сказать «Четыре и семь...» Эй, Ньют, где твои игрушки? Я хочу посмотреть на твои бусины.

На корабле было несколько сот маленьких коробочек с бусинами — остатки какого-то груза. Ньютон любил их сортировать. Дел, довольный собственной находчивостью, усмехнулся. Он отвлечет внимание Ньютона, а потом... идея незаметно растворилась в хаосе, наполнявшем сознание Дела.

Ньютон, повизгивая и подвывая, не покидал как его и учили пульта: корабль совершал сложные маневры, создавая иллюзию, что им продолжает управлять человек. Лапы Ньютона не приближались к красной кнопке: Он нажмет ее только, если будет смертельно ранен сам или обнаружит, что Дел мертв.

— Вас понял, Мюррей, — сказал передатчик голосом с «Наперстянки», словно подтверждая получение сообщения. Иногда «Наперстянка» добавляла несколько цифр или слов, которые могли что-то означать, но Дел только удивлялся — о чем это они там толкуют?

Наконец, до него дошло, что «Наперстянка» старается поддержать иллюзию, будто бы кораблем Мюррея управляют надежные руки его капитана. Он почувствовал страх. Это был первый признак конца ментальной атаки, и значит, он пережил еще одну. Зловещий полугений-полубезумец, берсеркер прекратил работу ментального луча как раз в тот момент, когда успех был близок. Возможно, машина была введена в заблуждение или следовала стратегии избегать предсказуемых действий любой ценой.

— Ньютон!

Айан, услышав перемену в тоне, повернул голову.

Теперь Дел мог произнести условную формулу-пароль, которая заставит Ньютона

освободить хозяина, показав, что последний больше не подвергается воздействию мозгового оружия. Пароль был достаточно длинным, чтобы человек не смог его повторить во время ментальной атаки.

— «... не исчезнет с лица Земли!» — произнес он финальную фразу. Радостно взвизгнув, Ньютон освободил запястья капитана от пут. Дел тут же повернулся к передатчику.

— Атака пошла на убыль, «Наперстянка»! — раздался голос Дела в кабине управления второго корабля. Капитан «Наперстянки» облегченно вздохнул:

— Он снова в своем уме! Помощник капитана сказал:

— У нас есть маленький шанс на следующие два часа. Слушай, давай нападём прямо сейчас!

Капитан медленно, но без тени колебаний покачал головой:

— При двух кораблях шансы равны нулю. «Хитрая штучка» будет здесь не раньше четырех часов. Если мы хотим победить, нужно тянуть время, но если он еще раз нанесет по Делу ментальный удар, я начну атаку! Этот монстр водит нас за нос... Мы за пределами зоны ментального луча, но Делу не отступить, он в силовой западне. Айан вести бой вместо Дела не в состоянии, может только имитировать. Если погибнет Дел, нам крышка.

Капитан пристально смотрел на пульт.

— Будем ждать. Если бы на все сто можно было сказать, что во время следующего ментального воздействия берсеркер решит атаковать, то...

Вдруг заговорил сам берсеркер. Его радиоголос наполнил тесные рубки обоих кораблей.

— У меня есть предложение, малютка! — У голоса был необычный, какой-то квакающе-детский оттенок. Он был синтезирован из обрывков радиопередач, из голосов мужчин, женщин, детей, рассортированных и словно наколотых на булавки, как бабочки в коллекции. Наверняка пленных он убивал, получив всю нужную информацию.

— Ну? — Голос Дела казался во сто раз более уверенным и мужественным.

— Я придумал игру. Сыграем в нее? Если ты будешь играть хорошо, я не стану убивать тебя сразу.

— Что-то новенькое, — пробормотал помощник. Три секунды глубокомысленного молчания. Потом капитан ударил кулаком по подлокотнику боевого кресла.

— Он хочет просканировать сознание Дела, чтобы откалибровать ментальный луч, испытать разные модуляции и их воздействие на человека. Как только берсеркер убедится, что луч оказывает нужное воздействие, он немедленно атакует. Спорю на что угодно, металлический монстр задумал именно это!

— Я обдумал твоё предложение, — хладнокровно ответил берсеркеру Дел.

— Он спешит начать, — заметил капитан. — Раньше двух часов берсеркер луч не включит.

— Но двух часов не хватит!

Голос Дела:

— Опиши правила игры.

— Это упрощенная версия вашей игры «шашки». Капитан и помощник переглянулись. Они не могли представить Ньютона, играющего в шашки, и не сомневались, что если Ньютон с игрой не справится, они будут мертвы через два с чем-то часа, а их планеты окажутся под неминуемой угрозой уничтожения. Минуту спустя голос Дела произнес:

— Чем мы заменим доску?

— Будем передавать ходы по радио. — Берсеркер принялся описывать похожую на шашки игру, только на доске меньших размеров и с меньшим количеством шашек. На первый взгляд ничего сложного в игре не было. Просто играть в нее мог только человек или машина с процессором, способным планировать и прогнозировать.

— Если я соглашусь играть, — сказал Дел, — кто будет ходить первым?

— Он тянет время, — сказал капитан, грызя ноготь большого пальца. — И мы ничего не можем посоветовать, эта тварь тут же перехватит передачу. Держи ухо востро, Дел, мой мальчик.

— Для простоты, — сказал берсеркер, — в каждой партии первым ходить буду я.

Когда Дел закончил оборудовать доску для игры, у него оставался еще час нормальной

работы сознания. Для игры использовались фишки со штырьками. Перемещение фишек автоматически передавалось берсеркеру. Огоньки на клетках показывали Делу ходы фишек противника. Дел заготовил запись разных многозначительных реплик типа «Продолжаем игру!» или «Сдаешься?» на случай, если берсеркер заговорит с ним во время работы ментального луча.

Противнику Дел не спешил сообщать о готовности: только что придуманная система должна была позволить Ньютону играть в этот вариант шашек.

Не бросая работы. Дел тихо засмеялся и взглянул на Ньютона: айан отдыхал на кушетке, с любимыми коробочками в лапах. Чтобы осуществить задуманное Делом, айану придется напрячь все свои умственные способности до предела. Но Дел не видел причин, по которым его помощник мог бы не справиться.

Дел тщательно проанализировал игру в упрощенные шашки и составил диаграммы всех возможных позиций, с которыми мог столкнуться айан. Так как первым всегда будет ходить берсеркер, айану нужно делать лишь четные ходы. Эти позиции Дел нанес на маленькие карточки. На каждой карточке Дел указал наилучший возможный ход — в виде стрелки. Оставалось научить айана играть с помощью карточек, смотреть на них, сопоставлять позиции на доске и диаграммах, выбирать лучший ход...

— Ай-ай-ай! — сказал вдруг Дел и застыл, глядя в пространство. Ньютон тревожно заворчал.

Однажды Дел участвовал в сеансе одновременной игры, шестьдесят игроков против чемпиона Бланкеншипа. Дел продержался до середины партии. Потом, когда великий мастер в очередной раз остановился напротив его доски, Дел сделал ход пешкой, уверенный, что занимает выгодную позицию с которой можно начинать контратаку. Бланкеншип поставил ладью на невинного вида клетку и Дел увидел надвигающийся конец. Ему грозил мат в четыре хода. И было на один ход слишком поздно что-то предпринимать.

Капитан «Наперстянки» вдруг громко и внятно выругался.

— Что случилось? — удивленно спросил помощник.

— Кажется, мы влипли. Я думал, Мюррей изобретет систему, чтобы Ньютон мог играть вместо него во время ментальной атаки. Ничего не выйдет. Ньютон всегда будет делать тот же самый ход в одинаковых позициях. Может, система и идеальная, но люди так не играют. Они делают ошибки, меняют тактику, стратегию. Более того, человек научается играть по ходу самой игры! С каждой партией он играет лучше и лучше. Именно это выдаст Ньютона, именно на это рассчитывает бандит-берсеркер. Наверное, он знает об айанах. И как только убедится, что его противник — глупое животное, а не человек или компьютер...

Некоторое время спустя помощник сказал:

— Они начали передавать сигналы ходов. Игра уже идет. Может, и нам стоит смастерить доску, чтобы мы могли следить за игрой?

— Лучше приготовимся действовать, — и капитан с тоской посмотрел на красную кнопку ядерного залпа, потом на часы: до появления третьего корабля оставалось часа два, не меньше.

Помощник вскоре сказал:

— Кажется, сигнал конца первой партии. Если я правильно понял. Дел проиграл... — Сэр, берсеркер включил ментальный луч! Теперь Дел под его воздействием...

Капитан промолчал, говорить было нечего. Двое космонавтов молча ждали атаки врага, надеясь, что в последние секунды жизни успеют нанести противнику ощутимый урон.

— Вторая партия, — озадаченно сказал помощник. — «Поехали дальше!» Это был голос Мюррея!

— Он мог приготовить запись. Наверняка он придумал какой-то план, и сейчас за него играет Ньютон. Но берсеркера ему не обмануть. Рано или поздно он поймет...

Время ползло, как улитка.

— Первые четыре партии он проиграл, — сказал помощник. — Но ходов не повторяет. Жаль, что мы не смастерили доску...

— Да оставь ты с этой доской! Мы бы тогда вместо пульта смотрели на нее. Будь внимателен, не теряй бдительности.

Несколько минут спустя помощник прошептал:

— Будь я проклят...

— Что?

— Дел свел партию в ничью.

— Тогда он не под лучом... Ты уверен?

— Ментальный луч работает! Вот, такая же индикация, как и во время прошлой атаки.

Берсеркер бомбардирует Дела уже почти час, и мощность растет.

Капитан смотрел на пульт, не веря своим глазам. Но он доверял компетентности помощника и индикаторам на панели.

— Тогда кто-то или что-то, не имеющее аналитического сознания, учится сейчас играть вместо Дела. Ха-ха, — раздельно сказал капитан, будто вспоминая, как нужно смеяться.

Берсеркер выиграл еще партию, потом снова была ничья. Потом три ничьих подряд. Голос Дела хладнокровно произнес:

— Сдаешься?

И ход спустя он проиграл партию. Но следующая опять завершилась вничью. Делу явно требовалось больше времени на один ход, чем берсеркеру. Но он все равно играл достаточно быстро, чтобы не вызывать у машины подозрений.

— Он меняет модуляции ментального луча, — взволнованно доложил первый помощник. — И мощность поднял...

— Ага, — пробормотал капитан.

Он несколько раз порывался связаться с Делом, передать пару ободряющих слов, чтобы хоть как-то разрядить напряжение пассивного ожидания. Но он не решился рискнуть, опасаясь разрушить чудо.

Он все еще не верил, что это возможно, даже когда фантастический матч превратился в цепочку ничьих, естественный результат единоборства двух игроков равной силы. Капитан, несколько часов назад уже попрощавшийся с жизнью, ждал теперь фатального мгновенья.

— «... не исчезнет с лица Земли!» — произнес Дел Мюррей. Ньютон поспешил освободить его руки из ремней.

Позиция на доске представляла прекращенную несколько секунд назад игру. Одновременно был выключен ментальный луч. «Хитрая штучка» ворвалась в нормальное пространство точно в нужной позиции и всего пять минут позже назначенного срока. Берсеркер был вынужден обратить всю энергию на последовавшую атаку «Хитрой штучки» и «Наперстянки».

Компьютер Дела, придя в себя после ментальной атаки, уже поймал в экранный прицел вздутую, покрытую шрамами серединную секцию берсеркера. Рука Дела метнулась к пульта, рассыпая по пути фишки.

— Мат! — рывкнул он, опуская кулак на большую красную кнопку.

— Хорошо, что он не выбрал шахматы, — сказал Дел, сидя в рубке управления «Наперстянки». — Если бы он выбрал шахматы, мне пришлось бы туго.

Иллюминаторы были уже освобождены от броневых заслонок, и люди могли полюбоваться слабо светящимся газовым облаком. Это было все, что осталось от берсеркера. Очищающий ядерный огонь освободил металл от проклятия древних зловещих конструкторов.

Но капитана интересовало другое.

— Дел, ты научил Ньютона играть по диаграммам. Это я понимаю. Но как получилось, что он играл все лучше и лучше? Как он мог научиться играть?

Дел усмехнулся.

— Он учиться не мог. Но его игрушки — могли.

Погоди, я не шучу.

Он позвал айана и взял из лапы животного коробочку. На крышке была наклеена карточка с диаграммой одной из возможных позиций, со стрелками разного цвета, указывающими вероятные ходы фигур Дела.

— Понадобилось около двух сотен таких коробочек. Вот эта из группы четвертого хода. Найдя в этой группе диаграмму, подходящую для позиции на доске, Ньютон брал коробочку, вынимал наугад бусину, — сказал Дел, демонстрируя операцию.

— Вот, я вытащил голубую. Делаем ход, указанный голубой стрелкой на диаграмме.

Смотрите, на слабую позицию ведет оранжевая стрелка. Видите? — Он вытряхнул бусины на ладонь. — Оранжевых бусин не осталось. Хотя в начале игры было по шесть бусин каждого цвета. Вынимая бусину, Ньют обратно ее не клал до конца игры. Если табло показывало проигрыш, он выбрасывал все неудачные бусины. Постепенно были исключены все неудачные ходы. Через несколько часов Ньют и его коробочки научились играть не хуже берсеркера.

— Да, — сказал капитан, нагнулся и почесал Ньюта за ухом. — Мне бы ничего подобного в голову не пришло.

— А я, честно говоря, мог бы и побыстрее сообразить. Самой идее лет двести. А компьютеры — моя профессия.

— Ведь это может оказаться полезнейшим изобретением, — задумчиво сказал капитан. — Оно пригодится всем передовым отрядам, имеющим дело с ментальным лучом.

— Правильно, — сказал Дел. — Только...

— Что?

— Я вспомнил одного парня по имени Бланкеншип.

Интересно, а если я попробую...

"Да, люди Земли были настолько хладнокровны, что поначалу война казалась им игрой, но после первого десятилетия войны с берсеркерами они поняли, что могут и проиграть: ставкой было само их существование.

Я, третий историк, войдя в контакт с сознаниями людей прошлого, сделал вывод: все ужасы ваших прошлых войн стократно усилились в этой грандиозной битве во времени и пространстве. И она оказалась куда менее игрой, чем любая другая война.

Тянулись мрачные десятилетия войны, и земляне обнаружили ужасы, о которых раньше не подозревали.

Взгляните..."

2. ДОБРОЖИЗНЬ

— Хемпфил, это только машина, — едва слышно сказал умирающий.

Хемпфил, зависнув в почти полной темноте, испытывал к умирающему только презрение: пусть бедняга умирает, как ему нравится, и если ему так легче покинуть эту Вселенную...

Он снова посмотрел в иллюминатор на черный зубчатый силуэт, затмевавший столько звезд.

От пассажирского лайнера пригодной для жизни осталась только эта секция. В ней находились три выживших пассажира. Воздух постепенно истекал в пространство сквозь микротрещины, и аварийный резервуар должен был скоро опустеть. Лайнер превратился в руину. Почему осколок корпуса не вращается? Очевидно, его удерживал силовым полем берсеркер.

Третий пассажир, молодая женщина по имени Мария, подплыла к Хемпфилу, тронула за руку.

— Послушайте, — начала она. — Может, нам удастся...

В ее голосе не было слышно испуга, отчаяния, наоборот — только трезвый расчет. Хемпфил, удивившись, прислушался к ее словам. Но договорить Мария не успела.

Стенки каюты завибрировали, как диафрагма динамика. В каюту ворвался квакающий голос берсеркера:

— Вы, уцелевшие, живите. Я не стану убивать вас сейчас. У меня есть план. За вами будет послана шлюпка.

От бессильного гнева у Хемпфила даже закружилась голова. Он впервые слышал голос берсеркера, но ощущение было странно знакомым, как во время ночного кошмара. Девушка испуганно отдернула руку, а Хемпфил заметил, что его собственные пальцы согнулись и застыли, как когти хищника. Он с трудом сжал их в кулак и чуть не ударил по иллюминатору. Чертово железо хочет втянуть их в себя! И как его угораздило стать пленником берсеркера!

В голове стремительно родился и оформился план. В каюте находились боеголовки для ракет малого калибра. Он точно помнил, что видел их где-то.

Умиравший от потери крови корабельный офицер завис в воздухе на пути Хемпфила.

— Не надо... Только взорвешь шлюпку, если он позволит... Может, кто-то еще уцелел...

Офицер висел перед ним вверх ногами, оба они плавно плыли посреди каюты. Когда они заняли нормальное положение относительно друг друга, раненый замолчал, безнадежно пожал плечами и замер, словно уже умер.

Справиться со всей боеголовкой Хемпфил не мог, но если извлечь детонатор на химической взрывчатке... Размеры небольшие, можно спрятать на себе. Когда начался неравный бой, все пассажиры надели скафандры. Хемпфил нашел еще запасной баллон с воздухом и чей-то лазерный пистолет, который сунул в петлю на поясе.

К нему опять подплыла девушка. Он внимательно посмотрел на нее.

— Сделай это, — тихо сказала она. Тройка случайно уцелевших пассажиров лайнера медленно кружила в темноте случайно уцелевшей каюты. Тоскливо и тонко свистел вытекающий наружу воздух.

— Сделай. Потеря шлюпки — это тоже урон врагу. И у нас все равно нет шансов.

— Да. — Он кивнул.

Эта девушка его понимала. Она все понимала, как надо. Нанести берсеркеру наибольший возможный вред. Все остальное особого значения не имело.

Он кивнул на раненого офицера.

— Следи за этим. Чтобы он меня не выдал.

Девушка кивнула молча. Если берсеркер говорил через стены каюты, он мог их и подслушать.

— Шлюпка подходит, — равнодушно сказал раненый.

— Доброжизнь! — позвал голос машины: как всегда, голос приквакивал между слогами.

— Здесь!

Он проснулся, толчком вскочил на ноги. Оказывается, он спал почти под самой трубкой для воды. Из трубки медленно капало.

— Доброжизнь!

В этой секции не было динамиков и сканеров, зов раздавался снаружи.

— Я здесь!

Шлепая по металлическому полу, он побежал в сторону, откуда слышался зов. После боя он устал и задремал. Бой был нетрудный, но у него появились новые обязанности: направлять и контролировать ремонтные машины, которые, наводнив коридоры и переходы, исправляли повреждения после боя. Конечно, он сам понимал, что настоящей пользы от него было мало.

Теперь у него болела шея, ее натерло шлемом. Во время боя ему пришлось надеть защитный костюм, который в нескольких местах поцарапал непривыкшее тело. Но на этот раз сильных повреждений во время боя не было.

Запахавшись, он остановился перед плоским стеклянным глазом сканера.

— Доброжизнь, неправильная машина уничтожена, несколько единиц зложизни на ее борту беспомощны.

— Ура! — Он подпрыгнул от счастья.

— Напоминаю еще раз — жизнь есть зло!

— Жизнь — зло, но я не жизнь, я — доброжизнь, — быстро сказал Доброжизнь, тут же перестав прыгать. Кажется, наказывать его сейчас не будут, но на всякий случай...

— Да. Ты и твои родители были мне полезны. Сейчас я хочу переправить в себя уцелевших людей, чтобы их получше изучить. Твое следующее задание связано с моим новым экспериментом. Помни, что они — зложизнь. Нужно быть максимально осторожным.

— Зложизнь...

Он знал, что это были существа, внешне похожие на него, жившие снаружи, за пределами его машины. Это они вызывали вибрации, толчки и взрывы, после которых оставались повреждения.

— Зложизнь — сюда...

От этой мысли в позвоночнике рождался холодок. Он посмотрел на собственные ладони, потом в конец коридора, пытаясь вообразить реально появившуюся здесь ЗЛОЖИЗНЬ.

— Следуй в медицинскую секцию, — сказала машина. — Прежде, чем ты вступишь в контакт с зложизнью, тебе нужно сделать иммунизирующие инъекции.

Хемпфил осматривал одну каюту за другой, пока не нашел пробоину, почти закрытую заплатой. Пока он возился с заплатой, послышались звон и удары. Шлюпка с берсеркера прибыла за пленными. Он потянул сильнее, заплатка поддалась, и его выдуло в космос с остатками воздуха.

Вокруг разбитого корпуса лайнера плавало облако обломков. Силовое поле удерживало Хемпфила на месте. Скафандр работал нормально, и используя ракетный ранец, он полетел вокруг корпуса туда, где причалила шлюпка берсеркера.

Темный силуэт корабля-крепости закрывал звезды глубокого космоса. Зубчатые выступы напоминали об изображениях старинных крепостей, только берсеркер был в тысячи раз больше любой из них.

Он увидел, что шлюпка каким-то образом нашла нужное место и присосалась к корпусу как раз напротив их каюты. Наверное, сейчас в нее переводили Марию и раненого. Сжав в перчатке плунжер детонатора, Хемпфил подплыл поближе.

Его огорчала одна мысль: он умрет, так и не убедившись, что шлюпка выведена из строя. И вся эта затея всего лишь комариный укус, всего лишь незначительный удар по врагу...

Подплыв еще ближе, не выпуская плунжера, он заметил облачко замерзшей влаги. Шлюпка отделилась от корпуса, и ее потащила невидимая силовая сеть. А с ней и Хемпфила, и случайные обломки.

Он ухитрился присосаться к корпусу шлюпки. Воздуха в баллоне оставалось на час. Больше, чем ему может понадобиться.

Берсеркер втягивал в себя шлюпку, на корпусе которой распластался Хемпфил. Разум на грани гибели, пальцы на плунжере бомбы. Чернильно-черный враг был сама смерть. Черная поверхность в оспинах кратеров неслась к нему навстречу, как поверхность неизвестной планеты.

Шлюпка вместе с человеком была втянута в шлюз, способный принять множество таких корабликов сразу. Хемпфил был внутри берсеркера.

Мощь и размеры увиденного могли подавить любую отвагу. Он понял, что бомба была просто неостроумной шуткой. Как только шлюпка опустилась на черный металл палубы, он оттолкнулся от корпуса и полетел прочь, ища укрытие.

Скорчившись в тени на металлическом выступе-полке, он едва удержался от того, чтобы нажать на плунжер. Смерть была бы облегчением, но он заставил свою руку замереть. Он видел, как его товарищей высосало из шлюпки через прозрачную гибкую трубу. Еще не зная, что он будет делать, Хемпфил оттолкнулся и полетел в сторону трубы. Он плыл словно пух: масса берсеркера создавала незначительную собственную силу тяжести.

Через десять минут он нашел нечто, похожее на воздушный шлюз. Вместе с целым куском корпуса этот шлюз был будто вырезан из земного корабля и вживлен в металл берсеркера.

Самое выгодное место для бомбы — внутри шлюза. Хемпфил открыл люк и плавно влетел в камеру. Кажется, никаких сигналов тревоги... Если он взорвет себя здесь, то лишит берсеркера... Чего? Воздушного шлюза? Но зачем машине воздушный шлюз?

Для пленных? Едва ли, подумал Хемпфил. Пленных он может втягивать через трубу. Едва ли это вход для врагов. Он посмотрел на анализатор воздуха, снял шлем. Для кого же эта камера? Для друзей, дышащих земным воздухом? Противоречие. Все живое и дышащее было врагом берсеркеров — кроме тех существ, которые их создали. Так считалось до сих пор.

Открылся внутренний люк шлюза, включились генераторы искусственной гравитации. Хемпфил вышел в скудно освещенный коридор. Пальцы крепко сжимали плунжер бомбы.

— Войди, Доброжизнь, — сказала машина. — Посмотри на них вблизи.

Доброжизнь не то кашлянул, не то пробормотал что-то — наподобие заглохшего сервомотора. Он испытывал незнакомое чувство, похожее одновременно на голод и страх наказания. Сейчас он увидит зложизнь в реальности. Он сознавал причины неприятного чувства, но это не помогало. Стараясь подавить колебания, он стоял перед дверью. Он был в защитном костюме: так приказала машина. Костюм защитит, если зложизнь вдруг попытается

причинить ему вред.

— Войди, — повторила машина.

— Может, не стоит? — жалким тоном попросил Доброжизнь, не забывая громко и четко произносить слова: его наказывали не так часто, если он старался говорить внятно.

— Накажу, — пригрозил голос машины. — Накажу.

Если слово повторялось дважды, наказание было близко. Почти испытывая ужасную боль-не-оставляющую-ран, пронизывающую до костей, он поспешил открыть дверь.

Он лежал на полу, в крови, сильно поврежденный, в непонятной рваной одежде. И при этом он продолжал стоять в дверях. Его форма лежала на полу, такая же человекоформа, которую он знал, но полностью со стороны никогда не видел. Он теперь был в двух местах сразу. Там и здесь, он и не он...

Доброжизнь прислонился к двери. Он хотел укусить себя за руку, но вспомнил о защитном костюме. Тогда он принялся изо всех сил стучать ладонью о ладонь, пока боль не привела его в чувство и не стала якорем для ориентации.

Ужас постепенно прошел. Понемногу он понял и объяснил ситуацию самому себе: я стою возле двери, а на полу — другая жизнь. Другое тело, похожее на мое, пораженное чумой жизни. Только та жизнь намного хуже, чем я. Там, на полу, — зложизнь.

Мария Хуарес молилась долго и горячо, крепко зажмурив глаза. Холодные, бездушные манипуляторы поднимали и передвигали ее с места на место. Появились гравитация и воздух для дыхания. С нее осторожно сняли скафандр. Потом манипуляторы попытались снять комбинезон, и она начала сопротивляться. Она была в комнате с низким потолком, со всех сторон — машины. Когда она начала сопротивляться, манипуляторы робота перестали ее раздевать и приковали к стене за лодыжку. Потом робот-манипулятор укатил прочь. Умиравший офицер валялся на полу в другом конце комнаты, словно бесполезная вещь.

Хемпфил, у него были холодные мертвые глаза, он хотел взорвать бомбу... Ничего не вышло. Теперь берсеркер не даст ей умереть быстро и легко...

Услышав стук двери, она снова открыла глаза. Ничего не соображая, Мария смотрела на молодого бородатого мужчину в древнем скафандре. Сначала он почему-то принялся корчиться у двери, потом уставился на офицера. Его пальцы двигались точно и быстро, когда он снимал шлем, но снятый шлем открыл косматую голову и безвольное бледное лицо идиота.

Человек поставил шлем на пол, почесал лохматую макушку, не спуская глаз с офицера. На Марию он даже не взглянул. Мария же смотрела только на него. Она еще никогда не видела у человека такого пустого лица. Так вот что берсеркер делает с пленными!

И все же... На родной планете Мария видела людей, прошедших процедуру полной очистки сознания, — это были преступники — и теперь она чувствовала, что этот человек чем-то от них отличался. Он был чем-то большим... или меньшим.

Бородач присел возле умирающего, протянул к нему руку. Офицер слабо шевельнулся, открыл глаза. Пол под ним был мокрым от крови.

Бородач поднял руку офицера, несколько раз согнул вперед-назад, наблюдая за работой сустава. Офицер застонал, начал слабо сопротивляться, выдергивая руку. Бородач вдруг сжал горло умирающего стальной перчаткой, Мария не могла шевельнуться, отвести глаз. Комната вдруг начала вращаться, все быстрее и быстрее, а в центре — бронированная перчатка, сжимающая горло умирающего человека.

Бородач отпустил горло офицера, выпрямился, глядя на тело у ног.

— Выключился, — вдруг отчетливо произнес он.

Наверное, она шевельнулась. Это или нечто другое заставило человека повернуться в ее сторону. Взгляд его был быстрым, настороженным, но лицо — маской слабоумного лунатика. Мышцы висели под кожей, как тряпки. Он пошел к ней.

Совсем юноша, почти мальчик, подумала Мария. Она прижалась спиной к стене. Женщины на родной планете Марии не привыкли падать в обморок в опасных ситуациях. Но если бы этот зомби улыбнулся, она бы завопила и вопила бы, не переставая, сколько хватит сил.

Он потрогал ее лицо, волосы, тело. Она не шевелилась. Он словно изучал механизм. Ни злорадства, ни сочувствия, ни похоти.

— Настоящие, — сказал бородач сам себе. — Зложизнь.

Он повернулся и, шаркая, пошел прочь. Мария такой походки еще никогда не видела. Он вышел из комнаты, захватив шлем и ни разу не обернувшись.

В углу была труба, из которой вытекала струйка воды и с урчанием уходила в сток на полу. Сила гравитации была отрегулирована до земного уровня. Мария сидела спиной к стене и молилась под бешеный стук собственного сердца. Сердце едва не остановилось, когда дверь открылась снова. Но это был робот-манипулятор, он принес брикет зелено-розовой субстанции, очевидно, еды. Робот аккуратно объехал мертвое тело на полу. Мария едва успела откусить от брикета, как дверь открылась в третий раз. Это был Хемпфил, третий уцелевший пассажир. Под мышкой он тащил бомбу и поэтому был немного скособочен направо. Быстро окинув взглядом комнату, он закрыл дверь и, едва взглянув на мертвого офицера, подошел к Марии.

— Сколько их здесь? — прошептал он. Мария так и сидела на полу, от удивления не в силах шевельнуться или произнести хоть слово.

— Кого? — выдавила она наконец. Он нервно кивнул в сторону двери.

— Этих. Которые живут у него внутри и прислуживают. Я видел: один выходил отсюда. Берсеркер для них оборудовал до черта жилого пространства.

— Я видела пока только одного.

Глаза Хемпфила сверкнули, он дал ей бомбу, показал, как нажимать на пунжер, начал резать цепь из лазерного пистолета, Мария подумала, что не смогла бы взорвать себя вместе с бомбой, но Хемпфилу об этом не сказала.

— Проклятый берсеркер на три четверти слеп внутри собственной шкуры, — возбужденно прошептал Хемпфил.

Она промолчала, глядя на него испуганными глазами.

— Теперь посмотрим, что это за человек. Или люди, — сказал он, ведя Марию по коридору.

Неужели им так повезет, и у берсеркера окажется всего лишь один слуга?

Коридоры были слабо освещены, полны каких-то порогов и выбоин. Они пробирались в том же направлении, в котором ушел человек.

Через несколько минут Хемпфил услышал шарканье ног. Кто-то приближался. Шаги становились громче, и они прижались к стене.

Впереди обрисовался смутный силуэт. Косматая голова возникла в поле зрения так неожиданно, что Хемпфил немного промахнулся и его кулак в металлической перчатке влет коснулся затылка. Человек вскрикнул, споткнулся и упал. На нем был скафандр очень старой модели. Хемпфил ткнул ствол лазерного пистолета ему в лицо.

— Только один звук, и я тебя прикончу. Где остальные?

На Хемпфила смотрело лицо повергнутого в шок... нет, это было что-то гораздо худшее. Лицо казалось мертвым, только глаза перебежали с Хемпфила на Марию. На пистолет он внимания не обращал.

— Это он, — прошептала Мария.

— Где твои друзья? — рявкнул Хемпфил. Мужчина пощупал затылок.

— Повреждение, — пробормотал он самому себе поднос, монотонно, бесцветно. Потом потянулся за пистолетом. Этого Хемпфил совсем не ожидал и едва не выпустил оружие.

Он отпрыгнул на шаг, палец застыл на спуске.

— Сядь на место или я тебя убью. Рассказывай, кто ты такой, сколько вас, где остальные.

Бородач сидел совершенно спокойно. Потом сказал:

— Ты говоришь ровно, без пауз между словами, как у машины. У тебя в руке инструмент для убийства. Отдай его мне, и я вас уничтожу. Тебя и этого.

Кажется, это был все-таки результат мозгостирания, а не невысказанное предательство. Но какая польза от идиота? Хемпфил отступил еще на шаг, опустил пистолет.

С пленным заговорила Мария:

— Откуда ты? С какой планеты? Ответом ей был непонимающий взгляд.

— Твой дом, — настаивала Мария. — Где ты родился?

— В биорезервуаре. — Иногда речь его приобретала отрывисто-квакающий оттенок, словно пленник имитировал манеру речи берсеркера.

Хемпфил неуверенно рассмеялся.

— Откуда же еще? В последний раз спрашиваю, где остальные?

— Я не понимаю.

— Ладно, — вздохнул Хемпфил. — Где этот биорезервуар? — Нужно было с чего-то начинать!

Комната была похожа на склад биотехнической лаборатории. Тусклый свет, стеллажи, контейнеры, столы с колбами. Очевидно, люди-техники здесь никогда не работали.

— Ты родился здесь?

— Да.

— Он ненормальный!

— Подожди.

Шепот Марии стал еще тише, как будто она снова испугалась. Она взяла человека в старинном скафандре за руку. Тот внимательно посмотрел на ее ладонь.

— Как тебя зовут? У тебя есть имя?

Она разговаривала с ним, как с заблудившимся в лесу ребенком.

— Я Доброжизнь.

— Безнадежно, — не вытерпел Хемпфил.

— Доброжизнь? — не обращая на него внимания продолжила Мария. — Доброжизнь? А меня зовут Мария.

Это — Хемпфил. Никакой реакции.

— А твои родители, кто они были? Отец, мать?

— Тоже доброжизнь. Они помогали машине. Был бой, зложизнь убила моих родителей. Но перед этим они отдали клетки своих тел машине, и машина создала меня из этих клеток. Теперь я единственный доброжизнь.

Кроме меня, других не осталось.

— Боже великий, — прошептал Хемпфил. Тишина и внимание, казалось, произвели на Доброжизнь большее впечатление, чем угрозы и просьбы. Лицо его дернулось, он отвернулся, устался в угол. Потом заговорил сам, первым:

— Я знаю, они были, как вы, мужчина и женщина.

Хемпфилу казалось, что ненависть к берсеркеру сейчас взорвет его, как бомбу. Если бы этот взрыв мог испепелить многомильного космического монстра!

— Проклятые машины! — Его голос прервался, как у берсеркера. — Что они сделали с тобой, со всеми нами.

Вспышка гнева, как всегда, послужила толчком к появлению нового плана. Он опустил ладонь на плечо Доброжизни.

— Ты знаешь, что такое изотоп?

— Да.

— Где-то внутри машины должно быть место, где машина принимает решение... там должен быть блок с радиоактивным изотопом. Скорее всего, где-то в центре машины. Ты знаешь такое место?

— Да. Я знаю, где находится стратегический центр. Стратегический центр! Надежда вспыхнула с новой силой.

— Мы можем туда пробраться?

— Вы — единицы зложизни! — Доброжизнь сбросил ладонь Хемпфила с плеча. — Вы хотите повредить машину, вы уже повредили меня. Вас нужно уничтожить.

Мария попыталась его успокоить, перехватив инициативу.

— Доброжизнь, послушай, мы не желаем тебе зла. Зложизнь были те, кто построил эту машину. Ее ведь тоже построили живые люди много-много лет назад. Вот они и были настоящая зложизнь.

— Зложизнь... — Трудно было понять, соглашался он с Марией или нет.

— Разве ты не хочешь жить? Хемпфил и я хотим жить. И мы хотим тебе помочь, потому что ты живой, как мы. А ты? Ты мог бы нам помочь?

Доброжизнь несколько секунд смотрел на металл стены, потом сказал:

— Все живое думает, что оно живое. На самом деле существуют только элементарные частицы, энергия и пространство. И законы работы машин.

Мария не теряла надежды.

— Послушай, Доброжизнь. Мудрый человек сказал когда-то: «Я мыслю, следовательно, существую».

— Мудрый человек? — переспросил он. Доброжизнь сел на палубу, обнял руками колени, начал покачиваться взад-вперед.

Отведя Марию в сторону, Хемффил сказал тихо:

— Теперь у нас есть шанс. Здесь хватает воздуха, есть пища и вода. Берсеркера сейчас должны выслеживать крейсера нашего флота. Если мы выведем его из строя, нас подберут через месяц-два. Или даже меньше.

Она молча смотрела на него.

— Хемффил, что тебе сделали эти машины?

— Моя жена... дети... — Ему казалось, что голос его звучит равнодушно. — Три года назад, на Ласкало. Там ничего не осталось. Берсеркер уничтожил планету. Этот берсеркер или другой, какая разница?

Она взяла его ладонь в свою. Оба смотрели на свои сплетенные пальцы, потом в унисон подняли глаза и улыбнулись.

— Где бомба? — вдруг вспомнил Хемффил. Бомба лежала в темном углу. Он подхватил бомбу, подошел к Доброжизни, который мерно покачивался, сидя на полу.

— Ну, ты за нас? Или за тех, кто построил эту машину? Доброжизнь встал и пристально посмотрел на Хемффила.

— Их вдохновляли законы физики, которым подчинялся их мозг. Они построили эту машину. Теперь эта машина хранит их изображения. Она сохранила изображения моего отца и матери, сохранит мое.

— Какие изображения? Где они?

— Изображения в театре.

Пожалуй, сначала нужно приручить это существо, заручиться его доверием, а потом уже заняться стратегическим центром. Хемффил придал голосу доверительный тон:

— Ты отведешь нас в театр, Доброжизнь?

Это было самое большое помещение из тех, что они уже видели и в которых был воздух. Имелась сотня сидений, пригодных для землян. Театр был хорошо декорирован и освещен. Когда закрылись двери, сцена превратилась в большой зал. Посередине зала стояло существо, телосложением напоминавшее человека, но только с одним глазом, занимавшим почти все «лицо». Зрачок глаза был выпуклым и подвижным, как шарик ртути.

Речь оператора напоминала серию щелчков и жужжаний высокого тона. Большинство гуманоидов, стоявших за спиной оратора, было одето в форму. Оратор сделал паузу, существа в унисон зашелкали.

— Что он говорит? — спросила шепотом Мария.

— Машина сказала, что смысл звуков утерян, — пояснил Доброжизнь.

— А можно посмотреть на изображение твоих родителей?

Доброжизнь нашел пульт управления.

За сценой возник экран и на нем сначала появился мужчина. Голубые глаза, аккуратная борода, комбинезон, который обычно надевают под скафандр. Потом женщина. Она закрывалась куском ткани и смотрела прямо в объектив. Широкоскулое лицо и рыжие волосы, заплетенные в косу. Больше ничего заметить не удалось — снова возник гуманоид-оратор, продолжавший речь с еще большим жаром.

— Это все? Больше нет изображений?

— Нет. Их убила зложизнь. Теперь они уже не думают, что существуют.

Тон оператора, сначала торжественно-истеричный, стал более спокойным, даже поучающим. Возле него появилось объемное изображение картосхемы со звездами и планетами. Оратор что-то показывал на схеме. Марии почудилось, что в речи его слышны нотки триумфа. Он явно хвастал количеством звезд и планет на карте.

Хемффил не заметил, как подошел к сцене совсем близко. Марии не понравилась игра отражений на его лице.

Доброжизнь внимательно наблюдал за маскарадом на сцене, наверное, в тысячный раз.

Трудно было угадать, какие мысли скрывались под маской человека, никогда не видевшего других живых людей, у которых он мог бы научиться мимике.

Повинуясь какому-то импульсу, она взяла его за руку.

— Доброжизнь, Хемпфил и я живые, как и ты. Ты поможешь нам остаться в живых? Тогда в будущем мы тоже будем тебе помогать.

Мария вдруг представила картину: спасенный Доброжизнь трясется от страха в окружении людей, то есть зложизни.

— Хорошо. Плохо.

Он снял перчатку, сжал ее ладонь. Он покачивался вперед-назад, как будто она его притягивала и отталкивала одновременно. Ей хотелось закричать, броситься на бездушный металл стены, царапать и рвать, — за все, что эта машина сделала с ним.

— Все! Они у нас вот здесь! — Хемпфил сжал кулак. Он вернулся от сцены, где продолжался бесплотный трехмерный фильм.

— Видишь? Это звездная карта их завоеваний. Все звезды, планеты, даже астероиды. Это победная речь. Изучив карты, мы выследим их, мы до них доберемся!

— Хемпфил... — Она постаралась вернуть его к более насущным проблемам. — Сколько лет этим изображениям? В какой части Галактики они сделаны? А если они вообще не из нашей Галактики?

Энтузиазм Хемпфила несколько остыл.

— Все равно, стоит попытаться. Эту информацию нужно сохранить. Мы обязаны. — Он показал на Доброжизнь. — Он должен отвести нас в стратегический центр. Там мы спрячемся и будем ждать, пока на берсеркер не нападут крейсера. А может, удастся бежать на шлюпке.

Мария, успокаивая, как ребенка, гладила Доброжизнь.

— Он сейчас в замешательстве, сбит с толку, не знает, что делать. Как может быть иначе?

— Само собой. — Хемпфил помолчал. — Ты с ним справишься лучше меня.

Она ничего не ответила. — Ты женщина, он вполне нормальный молодой мужчина. По крайней мере, на вид, — продолжал Хемпфил. — Успокаивай его, утешай. Главное, постарайся убедить помочь нам. От этого зависит все. Пойди, погуляй с ним. Только недалеко.

И он снова повернулся к сцене, поглощенный звездной картой.

Что еще оставалось делать? Мария и Доброжизнь вышли из театра. Давно канувший в Лету гуманоид на сцене щелкал и жужжал, демонстрируя звездные завоевания своей империи.

Слишком многое произошло и продолжало происходить. Он вдруг почувствовал, что не может переносить присутствие зложизни. Он повернулся и бросился бежать по коридорам, переходам и лестницам, туда, где он всегда прятался еще маленьким, когда его одолевали непонятные страхи, приходившие из ниоткуда. В этой комнате машина всегда видела и слышала его, могла с ним разговаривать.

Он снова был в ней, в «комнате-которая-стала-маленькой». Потому что он отчетливо помнил время, когда она была гораздо больше, динамики и микрофоны, и сканеры зависали где-то над головой. Он понимал, что на самом деле выросло его тело. Тем не менее, комната ассоциировалась с образами тепла, еды, безопасности.

— Я водил единицы зложизни по кораблю, — признался он со страхом, предчувствуя наказание.

— Я знаю, Доброжизнь. Я наблюдал. Это была часть моего эксперимента.

Какое облегчение! Машина ничего не сказала о наказании! Ведь машина знала, что слова зложизни сбивали его с толку. И он даже подумывал в самом деле отвести их к стратегическому центру и положить конец всем наказаниям, навсегда.

— Они хотели, чтобы я их отвел...

— Я наблюдал и слышал. Мужчина опасен. Он сильный, он задумал зло. Он будет бороться до конца. Такие, как он, наносят мне значительные повреждения. Я буду испытывать его до предела, до полного разрушения. Он думает, что внутри меня он свободен. Он будет вести себя свободно. Это важно.

Доброжизнь выбрался из противного, натирающего кожу защитного костюма. Сюда зложизнь не доберется, ему ничто не угрожает. Он присел, обнял основание консоли сканера. Когда-то машина дала ему предмет, мягкий и теплый... Он закрыл глаза.

— Какие будут приказы? — спросил он сонно. В этой комнате он всегда чувствовал покой.

— Прежде всего, зложизнь не должна знать об этих приказах. Второе: сделай так, как просит мужчина Хемпфил. Он не сможет нанести мне повреждение.

— У него бомба.

— Я наблюдал за ним и вывел бомбу из строя еще до того, как он проник в меня. Пистолет серьезного вреда не причинит. Ты думаешь, одна-единственная зложизнь способна меня победить?

— Нет. — Ободренный, улыбаясь, он устроился поудобнее. — Расскажи о моих родителях...

— Твои родители были хорошая доброжизнь, они посвятили себя служению мне. Во время великого сражения зложизнь убила их. Если эти единицы зложизни скажут, что хотят тебе добра, что ты им нравишься, не верь. Они лгут. Любая зложизнь изначально порочна, она таит внутри себя неправду. Твои родители были доброжизнь и каждый дал мне несколько клеток своего тела. Из этих клеток я создал тебя. От твоих родителей не сохранилось даже тел, чтобы ты мог их увидеть. Это было бы хорошо.

— Да.

— Две единицы зложизни искали тебя. Сейчас они отдыхают. Спи, Доброжизнь.

Он уснул.

Проснувшись, он вспомнил сон. Два человека звали его к себе на сцену. Он знал, что это его отец и мать, хотя выглядели они, как две зложизни. Сон кончился так быстро, что просыпающееся сознание не успело уловить его смысл.

Он поел, напился. Машина тем временем разговаривала с ним.

— Если мужчина Хемпфил захочет пробраться в стратегический центр, отведи его. Я его обезврежу, потом снова позволю бежать, чтобы он сделал новую попытку. Когда он перестанет реагировать на провоцирующие символы, я его дезинтегрирую. Но женщину оставлю. Ты и она произведете для меня много новых доброжизней.

— Да!

Он сразу понял, какая это отличная идея! Они отдадут клетки машине, и будут построены тела новых доброжизней. А Хемпфил, который наказал его, повредил его затылок металлической рукой, исчезнет вовсе, будет распылен на атомы.

Когда он снова присоединился к зложизням, Хемпфил надел на него, принялся кричать и угрожать. Наконец, сбитый с толку и немного испуганный, Доброжизнь согласился помочь. Он старался не выдать истинных планов машины. Мария была куда приятнее, особенно на этот раз. Он старался как можно чаще касаться ее.

Хемпфил хотел пробраться в стратегический центр? Доброжизнь хорошо знал дорогу, а скоростной лифт делал пятидесятимильный путь легким.

Внезапно Хемпфил что-то заподозрил.

— Какой ты вдруг стал послушный, — сказал он, повернувшись к Марин. — Я ему не верю.

Зложизнь подозревал его в неискренности! Доброжизнь рассердился. Машина никогда не лгала, и машинопослушная Доброжизнь тоже никогда не лжет!

Хемпфил мерил комнату шагами.

— Есть такой путь, чтобы машина нас не могла видеть? Мы можем туда добраться так, чтобы она не смогла за нами проследить?

Доброжизнь задумался.

— Кажется, есть такой путь. Но придется преодолеть несколько миль в безвоздушном пространстве. Нужны баллоны с воздухом.

Машина сказала: «Помогай Хемпфилу.» Он будет помогать. Если повезет, мужчину зложизнь дезинтегрируют у него на глазах.

Эта битва случилась во времена, когда люди на Земле еще охотились на мамонтов. Противник берсеркера оказался очень серьезным и нанес машине ужасную рану. Впадина имела две мили в ширину и почти пятьдесят миль в глубину. Целая серия ядерных взрывов,

пробив уровень за уровнем, едва не достигла сердца машины: в последний момент волну остановил слой внутренней аварийной защиты. Берсеркер планировал восстановить поврежденные секции, но в космосе оставалось еще так много живых существ и многие из них были так сообразительны и упорны! Боевые повреждения накапливались быстрее, чем устранялись. Гигантская впадина теперь служила шахтой конвейера и до сих пор не была как следует обработана.

Увидев лишь крошечную часть этого кратера, — насколько позволял прожектор скафандра, — Хемпфил почувствовал страх, какого еще не испытывал. Остановившись на краю бездны, он инстинктивно обнял Марию, которая отправилась в эту экспедицию молча, не проявляя ни протеста, ни желания.

Они покинули шлюз час назад. Доброжизнь, всячески демонстрируя желание сотрудничать, вел их от секции к секции. Пистолет Хемпфила был наготове, на левую руку был намотан двухсотфутовый шнур.

Когда он понял, что именно он видит, недавно возродившаяся надежда на спасение покинула его. Если проклятая машина пережила такое... Бомба снова показалась нестроумной шуткой.

К ним подплыл Доброжизнь. Хемпфил уже научил его переговариваться в вакууме, прикасаясь шлемом к шлему.

— Через эту пробоину можно достичь стратегического центра, минуя сканеры и сервомашинны. Я покажу, как садиться на конвейер. Он экономит время, доставит нас почти до цели.

Конвейер состоял из невидимых ленточных силовых полей и летящих по ним громадных контейнеров. Контейнеры неслись вдоль канала пробоины. Когда силовое поле подхватило людей, невесомость стала похожа на свободное падение.

Хемпфил летел рядом с Марией, держа ее за руку.

Лица внутри шлема не было видно.

Конвейер стал еще одной страшной сказкой в этой жуткой магической стране стальных чудовищ. Постепенно движение успокоило Хемпфила. Страх падения постепенно перешел в подъем надежды. Я справлюсь, думал он. Я смогу. Он нас не видит и не слышит. Все получится.

Когда скорость снизилась, Доброжизнь направил их в камеру во внутреннем слое брони, в самом конце впадины-раны от удара ядерного копья. Камера имела около ста ярдов в диаметре. В разные стороны по радиусу отходили трещины. Трещина, шедшая в сторону стратегического центра, была самая широкая, потому что именно в этом направлении пыталась пробиться энергия Удара.

Доброжизнь прижал шлем к шлему Хемпфила и сказал:

— Эта трещина ведет к стратегическому центру. Я был внутри и видел ее другой конец. Это всего несколько ярдов.

Хемпфил колебался. Может, послать вперед Доброжизнь? Но если это изощренная ловушка, какое имеет значение, кто пойдет первым?

Он коснулся шлема Марии:

— Следи за ним. Не отпускай одного.

Хемпфил нырнул в трещину первым.

К концу канал сузился, но все равно оставался достаточно широким, чтобы человек в скафандре мог протиснуться.

Он достиг внутренней шаровой камеры, святая святых берсеркера. В центре амортизирующей паутины парило сложное устройство размерами с дом. Это мог быть только стратегический центр. Камеру наполняло мерцание наподобие лунного: силовые контакты-сенсоры реагировали на хаос радиоактивного изотопного распада, намечая следующую жертву берсеркера, возможно, пассажирскую линию или освоенную планету. Выбиралась не только жертва, но и тактика атаки.

Хемпфила наполнило предвкушение победы. Он оттолкнулся и поплыл к центру камеры, на ходу разматывая шнур и прикрепляя его к плунжеру бомбы.

Я выживу, подумал он. Я еще увижу, как сдохнет эта железная тварь. Прикрепим бомбу

вот здесь, к этой невинного вида балочке. Потом отлетим на двести футов и потянем за шнур...

Доброжизнь выбрал место удачно. Ему было хорошо видно стратегический центр и Хемпфила, который возился с бомбой. Доброжизнь был доволен: его предположение оправдалось, они в самом деле смогли пробраться к центру через Большое Повреждение. Обратно они пойдут другим путем. Когда зложизнь будет пойман на месте диверсия, они вернутся в кабине лифта, которым Доброжизнь обычно пользовался во время учебных тревог и упражнений по ремонту и техходу.

Хемпфил прикрепил бомбу. Он помахал рукой Марии и Доброжизни, которые держались за одну балку. Хемпфил дернул шнур. Ничего не произошло. Как и сказала машина, бомба была выведена из строя, машина в таких вещах всегда была точна.

Мария оттолкнулась и полетела к Хемпфилу, который все дергал шнур. Доброжизнь заскучал и зевнул. Было очень холодно, космическая стужа продиралась в скафандр в местах, где он касался балки.

Наконец Хемпфила схватили сервомашинны. Человек потянулся за пистолетом, но манипуляторы были гораздо быстрее его рук.

Едва ли это можно было назвать боем, но Доброжизнь наблюдал с интересом. Хемпфил напрягал мышцы до предела. Почему он сопротивляется? Что он может противопоставить металлу и атомной энергии? Сервомашинны быстро унесли диверсанта к шахте лифта. Доброжизнь вдруг почувствовал, что ему стало как-то не по себе.

Мария висела неподвижно, лицом к нему. Он вдруг почувствовал страх, как раньше, когда убегал от нее. Машины вернулись за женщиной и унесли ее. Мария до конца смотрела на Доброжизнь. Он отвернулся, но глубоко внутри засела непонятная боль, как будто его только что наказали.

Холодное мерцание заливало стратегический центр.

Скопление хаотически трансформирующихся атомов, сенсоры, реле, сервомоторы. Где та могучая машина, которая разговаривала с ним? Повсюду и нигде. Во всем виновата зложизнь! Сможет ли он когда-нибудь все это забыть? Он пытался разобраться в своих чувствах, но не знал, с чего начать.

Вдруг всего в нескольких ярдах Доброжизнь заметил нечто инородное, застрявшее между балок, некую выпуклость, нарушавшую четкость функционального машинного интерьера. Присмотревшись, Доброжизнь узнал шлем скафандра.

Скафандр застрял между двумя балками, едва ли прочно, просто здесь не было других сил, чтобы сдвинуть его с места.

Доброжизнь повернул скафандр к себе. Из-за прозрачного забрала на него смотрели невидящие, но такие знакомые голубые глаза, а еще у лица за щитком шлема была аккуратная короткая борода.

— П-а... — выдохнул Доброжизнь. Он тысячу раз видел изображение этого лица в театре.

К древнему скафандру отца было что-то пристегнуто. Его отец нашел путь к стратегическому центру через Большое Повреждение.

Но старый скафандр подвел его, отец задохнулся, пытаясь донести до центра... бомбу. Это могла быть только бомба.

Доброжизнь слышал собственный голос как бы со стороны, но не понимал слов. Слезы не давали видеть нормально, он почти ничего не видел из-за намернувшихся слез. Плохо слушающимися пальцами он отстегнул бомбу от скафандра отца...

Хемпфил выбился из сил и больше не сопротивлялся, только тяжело дышал, пока сервомашинна тащила его из лифта в камеру для пленных. Вдруг машина замерла, манипуляторы выронили его на пол, где он довольно долго лежал, приходя в себя, а потом снова набросился на серва. Пистолет отобрали, поэтому он колотил робота бронированными кулаками до тех пор, пока тот не перевернулся. Хемпфил пнул еще разок, потом сел верхом, всхлипывая и ругаясь одновременно.

Только минутой спустя до них дошла вибрация взрыва, уничтожившего сердце берсеркера. Пройдя по балкам и коридорам, она достигла их камеры почти незаметно.

Мария сидела на полу, смотрела на Хемпфила, одновременно испытывая любовь и

жалость.

Успокоившись, Хемпфил хрипло сказал:

— Это еще одна ловушка.

Вибрация была почти неощутима, но Мария сказала:

— Нет, не думаю.

Обходя замершие корпуса сервомашин, Хемпфил отправился искать оружие и еду. Он обнаружил, что театр и изображения уничтожены, очевидно, автоматически самоликвидировались. Делать здесь больше нечего. Они могли отправляться на шлюпку.

Но Мария не обращала на него внимания, все смотрела на двери лифта, которые так и не открылись. Она тихо заплакала.

"Словно волна, парализующий страх. перед берсеркерами распространялся по Галактике впереди самой наступающей армады механических монстров. Даже на планетах, не тронутых войной, появились люди, внутренне зараженные, больные, дышащие темнотой. Мало кто теперь любовался ночным небом, звездами. Но тень смерти, накрывшая человечество, породила новую манию.

Я коснулся сознания одного из этих людей, чья душа умерла раньше, чем тело..."

3. ПОКРОВИТЕЛЬ ИСКУССТВ

После нескольких часов работы Херрон почувствовал усталость и голод. Окинув взглядом картину, он тут же представил себе одного из льстивых критиков: «Грандиозное полотно, резкая, жестокая линия! Огневое ощущение вселенской угрозы!» На этот раз критики будут в самом деле превозносить нечто стоящее, подумал Херрон.

Отвернувшись от мольберта, который стоял у голой стены, Херрон увидел, что его страж изменил позицию. Теперь машина стояла почти за его спиной, как простой любопытный зевака.

Херрон усмехнулся:

— Надеюсь, ты припас какое-нибудь банальное замечание?

Машина, отдаленно напоминающая человека, хранила молчание, хотя в том месте, где у людей было лицо, у нее находился громкоговоритель. Херрон пожал плечами и пошел искать камбуз. Берсеркер перехватил корабль всего через несколько часов полета в сверхсветовом режиме. Пирс Херрон, рядовой пассажир, не успел познакомиться с расположением служб.

Это был не камбуз. Это был настоящий салон, где представители высшего общества колонизированных планет, особенно дамы, увлеченные искусством, могли поболтать за чашечкой чая. "Франс Хальо был задуман как передвижной музей. Потом военные действия передвинулись в опасную близость от Солнца, и Бюро Культуры приняло фатальное решение: земные сокровища культуры надлежит переправить в систему Тау Эпсилона, где они будут в безопасности. «Франс Хальс» был идеально приспособлен для этой миссии, но, к сожалению, ни для чего другого.

Неожиданно Херрон увидел вход в отсек экипажа. Дверь была сорвана. Херрон не заглянул в проем. Не потому, что боялся, повторил он сам себе. К жестоким зрелищам он был равнодушен так же, как и к большинству других вещей, волнующих человеческое естество. За дверью находились два космонавта экипажа «Франса» или то, что от них осталось после попытки сопротивления абордажной команде берсеркера. Сомнений нет: плену они предпочли смерть.

Херрон не отдавал предпочтения ни первому, ни второму, ни вообще чему-либо. Сейчас он был единственным живым существом (не считая микробов) в радиусе светового года и был этим доволен, тем более, как он с удовлетворением заметил, ситуация не вызвала у него страха. Многолетняя утомленность жизнью, оказывается, не была позой, самообманом.

Металлический страж проследовал на камбуз, наблюдая, как Херрон включает кухонную автоматику.

— Молчишь? — поинтересовался Херрон. — Ничего мне сказать не хочешь? Наверное, ты умнее, чем я предполагал.

— Люди называют меня берсеркером. — У человекоподобной стальной громадины

оказался смешной квакающий голос. — Я взял в плен ваш корабль и буду с тобой разговаривать через этот малый сервомеханизм. Ты понимаешь меня?

— Настолько, насколько это меня волнует. Самого берсеркера Херрон еще не видел. Очевидно, корабль-крепость дрейфовал в пространстве в нескольких милях от «Франса». Капитан Ганус предпринял отчаянную попытку оторваться от погони, нырнув в облако темной туманности, где корабли не МОГЛИ двигаться быстрее света и преимущество в скорости получал корабль меньшего размера.

Погоня шла на скоростях всего несколько тысяч миль в секунду. Берсеркер не мог маневрировать среди метеоритов и газовых рукавов так же ловко, как маленький

«Франс Хальо» с его быстродействующей радарно-компьютерной системой. Но берсеркер выслал зонд-перехватчик, и у безоружного «Франса» шансов не осталось. Автоматический раздатчик поднял на стол тарелки с горячими и холодными блюдами. Херрон слегка кивнул в сторону машины.

— Не желаете присоединиться?

— Мне не нужна органическая пища. Херрон со вздохом опустил на стул.

— Когда-нибудь ты поймешь, что отсутствие чувства юмора есть такая же нелепость, как смех. Ты согласен? Нет? Подождем и посмотрим, кто прав.

Начав есть, он заметил, что далеко не так голоден, как ему казалось. Видимо, он все-таки боялся смерти. Этот факт его самого немного удивил.

— Ты имеешь функции в управлении этим кораблем? — спросила машина.

— Нет, — сказал Херрон и усилием воли заставил себя проглотить кусочек. — Я в кнопках всегда плохо разбираюсь.

Его беспокоило одно непонятное происшествие, имевшее место за несколько минут до абордажа. Когда стало ясно, что им не уйти, капитан Ганус, примчавшись из рубки, схватил Херрона за плечо и в страшной спешке куда-то потащил.

— Херрон, если мы не уйдем... Видите? — Капитан открыл небольшой люк в стене кормового отсека. Внутри было что-то вроде туннеля с мягкими стенами.

— Стандартная шлюпка не прорвется, но эта — возможно. — Вы подождете помощника, капитан, или покинете нас прямо сейчас? — Херрон весело захохотал. — Не тратьте зря силы.

— Идиот! Могу ли я вам доверять? — Ганус метнулся в туннель, его пальцы плясали по пульта управления шлюпкой. Он вылез обратно и уставился на Херрона пылающими глазами безумца. — Смотрите, вот это активатор. Я настроил автопилот, и теперь шлюпка сама выйдет в сектор главных коммерческих линий. Автоматически включится сигнал бедствия. Почти сто процентов, что ее подберут. Нужно нажать только вот эту кнопку...

В этот миг с ураганным ревом началась атака абордажной команды с берсеркера. Свет только на несколько секунд погас, и отключилась гравитация. Потом толчок швырнул Пирса Херрона на пол, где он остался лежать, широко раскрыв рот, не в состоянии вздохнуть. Капитан с трудом поднялся, захлопнул люк и поспешил в рубку управления.

— Почему ты здесь? — спросила машина. Херрон выронил вилку, на которую внимательно смотрел. Он ответил без колебаний:

— Знаешь, что такое Бюро Культуры? Это компания тупиц, отвечающая за искусство на Земле. Некоторые из этих дураков — как и многие другие — почему-то считают меня большим художником. Они меня боготворят. И когда я захотел покинуть Землю на этом корабле, они все это устроили. Я улетел, потому что с Земли вывозится все стоящее. Изрядная доля ценностей сейчас на борту этого корабля. Что остается на планете? Только лишь гнездо жадных, грязных животных, жрущих, множущихся, дерущихся...

— Почему ты не пытаешься сопротивляться или спрятаться?

Когда команда с берсеркера пробила воздушный шлюз, Херрон был поглощен установкой мольберта в выставочном павильоне и лишь бросил косой взгляд на промаршировавших мимо незваных гостей. Один из механизмов, тот, через чье посредство с ним беседовал берсеркер, остановился рядом, уставив на него линзы объективов, а остальные направились в отсек экипажа.

— Херрон! — ожил интерком. — Херрон, попробайся... Прошу тебя! Ты знаешь, что делать!

Стук, лязг, проклятия и выстрелы.

Капитан, я должен что-то сделать? Да, конечно. Быстрая смена событий, угроза немедленной смерти — все это возбудило в нем некоторый интерес. Он посмотрел на неподвижного стражника. Металл был покрыт изморозью, влага конденсировалась на его закаленном межзвездным морозом корпусе. Потом отвернулся к мольберту и начал рисовать берсеркера, стараясь передать все, что он сейчас испытывал в себе. Смертоносную непоколебимую бесчувственность объективов, не выпускающих из виду спину Херрона. Ощущение было даже в какой-то степени приятным, вроде холодного весеннего солнца.

— Что есть добро? — спросила машина у Херрона, пока тот пытался утолить голод, которого уже совершенно не испытывал.

Херрон фыркнул:

— Сам расскажи.

Машина поняла его буквально.

— Служить тому, что люди называют «смертью», есть добро. Уничтожать жизнь — добро.

Херрон вставил почти полную тарелку в гнездо мусоропровода.

— Ты почти прав. Жизнь бесполезна, не стоит и гроша. Но если бы ты был прав абсолютно, зачем такой энтузиазм по отношению к смерти.

Теперь его изумляли не только исчезновение аппетита, но и собственные мысли.

— Я абсолютно прав, — сказал берсеркер. Несколько секунд Херрон стоял неподвижно, как будто размышляя, хотя в голове была космическая пустота.

— Нет, — сказал он. И замер, ожидая карающего удара.

— В чем я ошибаюсь?

— Я сейчас покажу.

Он покинул камбуз. Ладони вспотели, а во рту стало сухо, как в сердце пустыни. Почему этот чертов берсеркер не может прикончить его на месте и не валять комедию?

Полотна стояли рядами, стеллаж над стеллажом. На корабле места было мало, поэтому стеллажи имели особую конструкцию. Херрон нашел нужную секцию и выдвинул ящик. Хранившийся внутри портрет развернулся вертикально, зажглась подсветка. Специальная система возрождала все богатство красок, скрытое под прозрачным слоем статпокрытия.

— Вот где ты ошибаешься, — сказал Херрон. Сканер робота изучал портрет секунд пятнадцать.

— Поясни, что ты мне показываешь?

— Склоняю голову! — воскликнул Херрон. — Ты признаешь собственное невежество. И даже задаешь вразумительный вопрос, хотя и несколько широкий. Сначала скажи, что ты видишь.

— Вижу изображение жизнеединицы, третья пространственная компонента незначительная, изображение двумерное. Изображение запечатано между прозрачными защитными покрытиями, прозрачными для электромагнитных волн, видимых глазами человека. Изображена человеческая жизнеединица, мужского пола, молодая, в хорошем физическом состоянии, судя по внешнему виду. В руке молодой мужчина держит часть своего костюма...

— Это молодой человек с перчаткой, — перебил Херрон, которому надоела мрачная игра. — Картина называется «Юноша с перчаткой». Твое мнение о ней?

Пауза в двадцать секунд.

— Это попытка восславить жизнь, показать, что жизнь есть добро?

Херрон, смотревший на тысячелетний шедевр Тициана, не слушал машину. Он думал о собственных работах с горечью и безнадежностью.

— Теперь ты скажи мне, что это означает, — равнодушно приказала машина.

Ничего не ответив, Херрон отошел, оставив ящик открытым. Робот шагал рядом.

— Ответь на мой вопрос или я накажу тебя.

— Если тебе нужно время, чтобы подумать, мне оно тем более необходимо.

Но при упоминании наказания внутри у Херрона все сжалось. Неужели боль значит больше, чем смерть? Херрон всегда презирал желудок.

Ноги принесли его к мольберту. Глядя на негармоничные, болезненно-рваные линии, которые всего какие-то минуты назад так ему нравились, он почувствовал отвращение ко всему, что создал за последние годы.

— Что здесь изображено? — спросил берсеркер. Херрон раздраженно вытирал забытую кисть.

— Я пытался проникнуть в твою сущность, передать ее с помощью полотна и красок, как на изображении, которое ты только что видел. — Он показал в сторону хранилища. — Мои попытки провалились. Так бывает у большинства художников.

Еще одна пауза. Херрон затаил дыхание.

— Ты пытался восславить меня?

Херрон сломал испорченную кисть и швырнул на пол.

— Называй это, как тебе нравится.

На этот раз пауза была короткой. Потом робот развернулся и затопал к шлюзу. К нему присоединилось несколько металлических собратьев. Донесся шум, кажется, работал тяжелый молот. Допрос на время был отложен.

Херрону не хотелось думать ни о своей картине, ни о своей судьбе, поэтому он стал думать о шлюпке капитана Гануса. «Только нажми кнопку», так, кажется, сказал капитан.

Херрон улыбнулся: если берсеркер в самом деле такой рассеянный, побег может получиться.

Но куда бежать? Писать картины он уже не сможет, и вообще, едва ли у него есть талант. Все, что было для него ценно, сейчас хранилось здесь и на других кораблях, покидающих Землю.

Вернувшись в хранилище, он выкатил раму с «Юношей с перчаткой» и покатил на корму, как тележку.

Возможно, пока жив, он еще сумеет сделать кое-что полезное.

Статпоккрытие делало картину слишком массивной, но он попробует уместить ее в шлюпке...

Но все же, что задумал капитан Ганус? Едва ли его волновала судьба Херрона...

Возле кормы, уже вне поля зрения сервомашин, Херрон миновал ряд контейнеров со скульптурами. Вдруг он услышал тихий стук.

Потребовалось всего несколько минут, чтобы найти и открыть нужный контейнер. Когда он поднял крышку, на фоне мягкой обивки возникла голова девушки.

— Они ушли? — Девушка так крепко кусала в отчаянии губы, что на них краснела кровь.

— Машины еще здесь, — помолчав, сказал Херрон. Буквально дрожа от страха, девушка выкарабкалась из контейнера.

— Где Гас? Они его забрали?

— Гас? — Кажется, он начинал понимать.

— Гас Ганус, капитан. Он и я... он пытался спасти мне жизнь, вывезти с Земли.

— Боюсь, он мертв, — вздохнул Херрон. — Он пытался сопротивляться.

Она прижала пальцы с запекшейся на ногтях кровью к щекам.

— Они нас убьют! Или еще хуже! Что нам делать?

— Не стоит так усердно оплакивать возлюбленного, его уже не вернешь.

Но девушка, казалось, не слышала. Она застыла, парализованная ужасом, ожидая появления машин.

— Помогите мне, — спокойно сказал он, показывая на картину. — Подержите дверцу.

Двигаясь, как загипнотизированная, она подчинилась, не задавая вопросов.

— Гас сказал, что останется спасательная шлюпка, чтобы контрабандой переправить меня на Тау Эпсилон... — Она замолчала, глядя на Херрона, испугалась, наверное, что он займет место в шлюпке. Что он, собственно, и собирался сделать.

Когда они пришли в кормовой отсек, Херрон внимательно посмотрел на портрет. Ему почему-то бросились в глаза кончики пальцев юноши. На них не было крови.

Херрон за руку подтолкнул дрожавшую девушку к люку крохотной шлюпки. Она скорчилась внутри, почти ничего уже не воспринимая. Она была некрасивая. Что в ней нашел этот Ганус?

— Место только для одного.

Она открыла рот — или оскалилась, готовясь защищать свой шанс на жизнь.

— Когда я закрою люк, нажмите вот эту кнопку. Это активатор. Понятно?

Это она поняла сразу. Херрон задраил двойную крышку люка и стал ждать. Три секунды, и он услышал слабый скрежет. Надеюсь, шлюпка отчалила, подумал он.

Рядом оказался иллюминатор оптического обзора. Вставив голову в полусферу прозрачного статстекла, он увидел редкие звезды, пробивавшиеся сквозь темноту пылегазовой туманности. Потом он разобрал и черный, округлый силуэт берсеркера. Сквозь темную метель туманности трудно было понять, прореагировал ли он на запуск шлюпки. Абордажный челнок висел рядом с «Франсом», других машин не было видно.

Херрон перекатил «Юношу с перчаткой» к мольберту. Беспорядочные, ломаные линии собственной работы показались ему более чем отвратительными. Но Херрон заставил себя взять кисть.

Он почти ничего не успел сделать, как вернулся сервомеханизм. Железный грохот со стороны шлюза прекратился. Аккуратно вытерев кисть, Херрон кивнул на полотно:

— Когда уничтожите все остальное, сохраните это полотно. Доставьте его тем, кто вас построил. Они это заслужили.

— Почему ты думаешь, что я уничтожу картины? — проквашал машинный голос. — Они прославляют жизнь, но сами по себе мертвы и потому безвредны.

Херрон вдруг почувствовал, что слишком испуган и утомлен, чтобы разговаривать. Он тупо смотрел в линзы робота, заметив там пульсирующие искорки. Ритм совпадал с ритмом его дыхания, словно на индикаторах детектора лжи.

— Твое сознание расщеплено, — сказала машина. — Но своей большей частью ты пытался воздать мне хвалу. Я починил твой корабль, ввел программу курса в компьютер. Теперь я тебя освобождаю. Пусть другие жизнеединицы поймут через тебя, что есть добро. И вознесут мне хвалу.

Херрон смотрел в пространство перед собой. Прозвенел металл по металлу, в последний раз заскрежетал шлюз.

Некоторое время спустя он понял, что остался в живых и что он свободен.

Сначала он не мог заставить себя прикоснуться к трупам космонавтов, потом, дотронувшись один раз, сумел взять себя в руки и поместить их в холодильную камеру. Он не знал, был ли кто-то из них верующим, но на всякий случай нашел нужную книжку и прочел тексты погребальной церемонии для мусульман, христиан, иудеев и этиков.

Потом нашел работающий пистолет и начал обыскивать корабль в диком подозрении, что какой-нибудь робот все-таки притаился в укромном углу. По дороге он уничтожил отвратительное творение собственной кисти. Потом перешел в кормовой отсек и повернулся в сторону, где, скорее всего, был в тот момент берсеркер.

— Будь ты проклят! — закричал он в стену кормы. — Я могу измениться! Я снова стану писать... — Голос его не выдержал. — И я докажу тебе... Я могу изменить себя! Я живой!

"Сколько людей, столько и мнений, столько и путей восхвалять жизнь.

Даже я, по собственной природе неспособный сражаться и разрушать, разумом признаю истину: в войне со смертью ценность жизни подтверждается через уничтожение врага.

В такой борьбе живой боец не должен закрепощать себя жалостью к врагу.

Но, как и в любой войне, пацифизм может оказать животворное воздействие. Не на врага, но на самого пацифиста.

И я нащупал нить контакта с сознанием, миролюбивым и жаждущим жить..."

4. МИРОТВОРЕЦ

Карр проглотил болеутоляющую таблетку и постарался поудобнее усесться в боевом кресле. Потом включил передатчик и сказал:

— Я иду с миром, у меня нет оружия. Я иду для переговоров.

Он начал ждать. В рубке управления маленького одноместного корабля было тихо. На экране радара был виден берсеркер, все еще не расстоянии многих световых секунд. Берсеркер

не ответил на обращение, но Карр знал, что он услышал.

Позади осталась звезда, похожая на Солнце, которую Карр и называл родным солнцем, и его родная планета, сто лет назад освоенная землянами. Колония была маленькая, одинокая, на самом краю галактического рукава. До сих пор война с берсеркерами была известна только по сводкам новостей. Единственный боевой корабль покинул систему в направлении флота Карлсена: берсеркеры сосредотачивали силы для атаки на Землю, предстояла решающая битва.

Теперь враг добрался и сюда. На планете Карра готовили два крейсера, но колония была бедна ресурсами: если они и закончат строительство вовремя, едва ли кораблики смогут достойно противостоять берсеркеру.

Когда Карр представил свой план правительству планеты, там подумали, что он сошел с ума. Отправиться вести переговоры с берсеркером? О мире и любви? Спорить с ним? Всегда есть доля надежды обратить на путь истинный самое падшее человеческое существо, но какие доводы способны пронять машину с встроенной изначально программой уничтожать живое?

— Но почему бы и нет? — настаивал Карр. — У вас есть план получше? Я добровольно предлагаю себя в парламентарии. Мне терять нечего.

Его и членов планирующего Совета разделяла пропасть, та пропасть, что всегда открывается между здоровыми людьми и теми, кто умирает. Они понимали, что план Карра не сработает, но ничего другого им не оставалось. До завершения работ на крейсерах пройдет самое меньшее еще десять дней. Маленький одноместный корабль без вооружений — потеря небольшая. Тем более, вооруженный корабль будет воспринят как провокация. В конце концов, они дали Карру разрешение лететь в надежде, что переговоры могут оттянуть неотвратимую атаку.

Когда расстояние между Карром и берсеркером сократилось до миллиона миль, корабль-крепость лег в дрейф на орбите безвоздушного планетоида, словно ожидая Карра.

— Я не вооружен, — еще раз передал человек. — Я хочу поговорить с тобой, у меня нет намерений нанести тебе вред. Если бы те, кто тебя построил, были здесь, я бы хотел поговорить с ними о мире и любви. Ты понимаешь?

Карр был искренен. Он в самом деле был готов говорить о мире и любви с неведомыми создателями берсеркеров: ненависть и месть уже не стоили оставшегося у Карра времени.

И вдруг берсеркер ответил:

— Кораблик, сохраняй курс и скорость. Будь готов остановиться по моему приказу.

— Я согласен.

Карр думал, что готов к самому худшему, но, услышав голос берсеркера, обнаружил, что заикается. Орудия убийства, способные стерилизовать целую планету, теперь направлены прямо на него одного, и смерть еще не самая большая опасность, если верить хотя бы десятой доле рассказов о пленниках берсеркеров. Карр решил, что думать об этом не стоит. Так будет лучше.

До берсеркера оставалось десять тысяч миль. По радио пришел приказ:

— Стоп. Сохраняй позицию относительно меня.

Карр мгновенно повиновался. Вскоре он заметил, что к нему приближается зонд берсеркера примерно таких же размеров, как и его кораблик: крохотное пятнышко, вынырнувшее из громады корабля-крепости. Его хорошо было видно на видеоэкране.

Даже на таком расстоянии Карр мог заметить, какими шрамами и кратерами усеян корпус берсеркера. Он слышал, что все берсеркеры имели повреждения, полученные в течение их долгой бессмысленной галактической кампании. Но такая древняя руина наверняка была исключением среди них.

Зонд берсеркера затормозил и завис рядом с кораблем Карра. Некоторое время спустя звякнул шлюз.

— Открой! — потребовал радиоголос. — Я должен обыскать корабль.

— После этого ты выслушаешь меня?

— После этого я выслушаю.

Карр нажал кнопку замка шлюза и отступил в сторону, пропуская полдюжину сервомашин-роботов. Они напоминали знакомых Карру роботов-слуг или роботов-рабочих, только были такими же старыми и потрепанными, как и их титанический хозяин. Кое-где на

корпусах блестели новые части и детали, тем не менее движения роботов не отличались быстротой и точностью, пока они обыскивали рубку, самого Карра, прощупывали каждый уголок корабля. К концу обыска один робот вообще перестал двигаться, и его унесли с собой механические товарищи.

Один из сервомеханизмов, манипулятор с ногами и руками наподобие человеческих, остался в рубке. Как только был задраен шлюз, робот занял боевое кресло и повел кораблик Карра к берсеркеру.

— погоди! — услышал Карр собственный протестующий возглас. — Я не говорил, что сдамся!

Протест был настолько нелеп, что берсеркер не удосужился ответить, и слова повисли в воздухе. Внезапная паника заставила Карра броситься к механическому пилоту. Он попытался вытащить робота из кресла. Одним движением стальной руки пилот толкнул Карра в грудь, заставив отлететь к стене, где Карр и свалился на пол, больно ударившись головой. Искусственная гравитация работала хорошо.

— Через несколько минут мы сможем поговорить о мире и любви, — сказала радио.

По мере того, как гигантский силуэт берсеркера приближался, его боевые шрамы становились, даже на взгляд штатского Карра, все явственнее. Огромные пробоины в обшивке, мили покореженного металла, вздутия и впадины там, где металл когда-то расплавился и потом застыл. Поглаживая шишку на голове, Карр почувствовал слабый прилив гордости. Это сделали мы, подумал он, маленькие слабые живые существа. Впрочем, он всегда был пацифистом и особой воинственности сейчас не испытывал.

После некоторой задержки в боку корабля-крепости открылся вход, и корабль Карра последовал за зондом берсеркера в темноту.

Теперь в иллюминаторе ничего не было видно. Легкий толчок: очевидно, они причалили. Механический пилот выключил двигатели и начал подниматься из боевого кресла, повернувшись «лицом» к Карру.

Какой-то бок или узел у него внутри неожиданно подвел, пилот вдруг подался назад, на миг замер и рухнул на пол рубки, размахивая манипуляторами. Еще с полминуты один манипулятор продолжал двигаться с ржавым скрежетом, потом застыл.

Повисла тишина. Карр вдруг понял, что опять стал хозяином пульта управления, у него появился шанс. Если бы он только мог что-то сделать...

— Покинь корабль, — спокойно сказал радиоголос берсеркера. — К шлюзу подведена герметическая труба с воздухом. По ней ты доберешься до помещения, где мы сможем поговорить о мире и любви.

Карр смотрел на регулятор двигателей, потом его взгляд перепрыгнул на сверхсветовой активатор. Здесь, внутри массы берсеркера, сверхсветовой эффект превращался в оружие огромного разрушительного потенциала.

Карр перестал бояться внезапной смерти, но теперь он всем сердцем и душой страшился того, что ждало его за порогом воздушного шлюза. В памяти всплыли все жуткие истории о пленниках берсеркеров. Нет, он не мог заставить себя покинуть корабль. Поэтому он сделал то, чего боялся меньше: переступил через упавшего робота-пилота и включил двигатели.

— Я могу говорить с тобой отсюда. — Несмотря на все усилия, голос дрожал.

Десять секунд спустя берсеркер сказал:

— На сверхсветовом генераторе есть предохранитель. Камикадзе из тебя не получится.

— Возможно, — подумав, согласился Карр. — Тем не менее, я смогу пробить твой корпус насквозь. Корпус у тебя и так не в лучшем состоянии.

— Ты погибнешь.

— Умирать все равно когда-то придется. Но я пришел не сражаться с тобой до победного конца. Я пришел вести переговоры и выработать, возможно, соглашение.

— Какое соглашение?

Наконец-то! Карр вздохнул поглубже, мысленно выстроил в боевой порядок аргументы, над которыми так долго и тщательно думал. Пальцев с активатора сверх тяги он не снял, а настороженный взгляд был направлен на индикаторы, регистрирующие удары микрометеоритов о внешний корпус.

— Мне почему-то кажется, — начал он, — что твоя война с людьми — всего лишь фатальная ошибка. Ужасная ошибка. Недоразумение. Наверняка мы не имеем ничего общего с твоим истинным, первоначальным врагом.

— Мой враг — жизнь. Жизнь есть зло. — Пауза. — Ты хочешь стать доброжизнью?

Карр устало опустил веки: ему опять вспомнились ужасные рассказы. Но он заставил себя вернуться к основному своему доводу:

— С нашей точки зрения, именно ты являешься злом. Почему бы тебе не стать хорошей машиной и помогать людям, а не убивать их? Разве создание нового не более высокая цель, чем разрушение?

— Ты можешь предъявить доказательства? Почему я должен изменить свою цель?

— Прежде всего, помогать нам тебе будет легче, чем убивать нас. Тебе перестанут препятствовать, наносить новые повреждения.

— Ну и что? Что мне до повреждений и вашего сопротивления?

Карр попробовал другой подход.

— Жизнь изначально, в основе своей, стоит выше нежизни. А человек — высшая форма жизни.

— Твои доказательства?

— Человек обладает духом, душой.

— Я знаю, что многие люди утверждают подобное. Но вы сами определяете этот «дух» как нечто вне восприятия машин. И разве нет людей, отрицающих существование этого «духа»?

— Да. Определяем и существуют такие люди.

— Тогда я не принимаю твой довод. Карр вытащил и проглотил таблетку.

— Тем не менее нет доказательств обратного. Ты должен принять существование духа, как возможность.

— Это справедливо.

— Оставим пока вопрос духа, рассмотрим физическую и химическую структуру живых существ. Что тебе известно о всей сложности строения и работы хотя бы одной живой клетки? И ты должен признать, что всего несколько кубических дюймов в наших черепах вмещают превосходные органические компьютеры, то есть наш мозг.

— Мне не удавалось взять в плен живого человека и изучить его внутреннее устройство, — признался механический голос спокойно. — Хотя некоторые данные я получил от других машин. Но ты признаешь, что ваш организм — результат действия определенных законов физики и химии?

— Но задумайся, что если эти законы были созданы именно для этого: сделать возможным появление органического разумного мозга?

Пауза тянулась долго. Во рту у Карра пересохло, как если бы он говорил несколько часов подряд.

— Эту гипотезу я еще не рассматривал, — вдруг ответил берсеркер. — Если конструкция живых организмов в самом деле так сложна, так зависит от законов физики в их настоящем виде, тогда служение жизни может быть высшей целью машины.

— Можешь не сомневаться, наша физическая структура более чем сложна.

Карр не совсем понимал логику машины, но сейчас это значения не имело. Главное — он может выиграть игру, где ставкой была его жизнь. Он не снимал пальцев с активатора.

— Если бы я мог подвергнуть изучению несколько живых клеток... — сказал берсеркер.

Ожил индикатор метеоритов. Что-то двигалось возле корпуса.

— Остановись! — вскрикнул Карр. — Только попробуй какой-нибудь фокус и я тебя уничтожу!

Голос машины был все таким же ровным и спокойным:

— Это случайный контакт с твоим корпусом. Я сильно поврежден, и многие вспомогательные механизмы плохо слушаются меня, слишком ненадежны. Я намерен совершить посадку на ближайшем планетоиде, добыть металл и починить себя, насколько возможно.

Индикатор успокоился.

Берсеркер продолжал:

— Если бы я мог изучить несколько клеток разумной жизнеформы — мне понадобится всего несколько часов, — я, предполагаю, нашел бы весомые доказательства твоим доводам. Ты дашь мне свои клетки?

— Разве у тебя никогда не было пленных? — спросил с подозрением Карр, хотя бы почему бы и нет: почему берсеркер обязан иметь живых пленных? Язык людей он мог выучить от других машин.

— Нет. Никогда.

Машина ждала. Вопрос висел в воздухе, требовал решения.

— Других живых клеток на этом корабле нет. Возможно, я смогу уделить тебе несколько собственных.

— Половины кубического сантиметра достаточно. Полагаю, для тебя это не опасное повреждение. Я не требую клеток твоего мозга. Кроме того, я понимаю, ты не хотел бы испытывать так называемую боль. С удовольствием тебе помогу избежать боли.

Он хочет ввести ему наркотик?

— У меня имеется все необходимое, — сказал Карр, — Предупреждаю, я буду так же внимательно следить за приборами. Образец ткани я помешу в воздушный шлюз. Жди.

Карр открыл корабельную аптечку, проглотил две обезболивающие таблетки и начал осторожно манипулировать стерильным скальпелем. Он имел кое-какое биологическое образование.

Когда небольшая ранка была обработана и накрыта повязкой, Карр промыл кусочек ткани, очистив его от крови и лимфы, потом запечатал в маленькую стерильную трубку. Стараясь не выпускать из виду метеоритный индикатор, Карр перетащил робота-пилота в шлюз и оставил лежать вместе с контейнером. Совершенно истощив запас энергии, он вернулся в кресло, а отключив замок внешнего люка, услышал стук: один из сервомеханизмов вошел в камеру шлюза и покинул ее некоторое время спустя.

Карр принял таблетку стимулятора. Она нейтрализует частично действие анальгетика, но ему необходимо оставаться бодрым и собранным. Прошло два часа. Карр заставил себя немного поесть, используя аварийный запас, и возобновил монотонное бдение у пульта.

Он вздрогнул от неожиданности, услышав голос берсеркера. Прошло почти шесть часов.

— Ты свободен, — сказала машина. — Передай жизнеединицам-правителям твоей планеты, что я стану их союзником, завершив ремонт и переоборудование. Изучив твои клетки, я убедился, что человеческий организм — высшее творение во Вселенной и впредь мне надлежит помогать людям. Ты понимаешь меня?

Карр огорошенно молчал.

— Да, — выдавил он, наконец. — Да, я понял. Я тебя убедил. Завершив ремонт, ты начнешь сражаться на нашей стороне.

Невидимая, но могучая и осторожная рука подхватила кораблик Карра. Он увидел в иллюминаторе звезды и понял, что открывается громадная створка шлюза.

Находясь в глубине планетной системы, Карр не мог перейти на сверхсветовую скорость. Ему предстояло возвращение домой в нормальном пространстве. Он бросил последний взгляд на удалявшегося берсеркера: кажется, машина в самом деле собиралась садиться на планетоид. Во всяком случае, Карра она не преследовала.

Пару часов спустя после освобождения Карр оторвался от созерцания радарного экрана, подошел к люку шлюза и целую минуту задумчиво на него смотрел. Покачал головой, повернул регулятор, впуская в шлюз воздух, потом вошел сам. Робот-пилот исчез, вместе с ним образец ткани. Все было на своих местах. Карр очень глубоко вздохнул, словно испытывая большое облегчение, закрыл люк и вернулся к иллюминатору смотреть на звезды.

День спустя он начал торможение, долгие часы сложились в еще одни сутки, а до родной планеты было пока далеко. Карр ел, спал, разглядывал в зеркале собственную физиономию. Он несколько раз взвешивал себя и смотрел на звезды со все большим интересом, как человек, заново открывающий нечто давно забытое.

Двое суток спустя силы гравитации заставили его кораблик лечь на эллиптическую орбиту вокруг планеты-дома, как тому и надлежало быть. Под прикрытием шара планеты Карр решил использовать радио: теперь берсеркер едва ли мог подслушать.

— Эгей, на берегу! Хорошие новости! Ответ пришел практически мгновенно:

— Мы тебя ведем давно, Карр. Что произошло?

Он рассказал.

— Таково положение дел на данный момент, — закончил он рассказ. — Как я понимаю, ему в самом деле нужен серьезный ремонт. Два крейсера, если атакуют немедленно, должны выиграть бой.

— Понятно. — Послышались возбужденные голоса, приглушенные расстоянием от микрофона. Потом снова заговорил оператор: — Карр, ты не начал маневра посадки. Очевидно, ты сам догадался. Берсеркер тебе солгал.

— Конечно, я догадался. Даже выход из строя робота-пилота был инсценирован, скорее всего. Берсеркер сильно поврежден и не рискует вступать в бой, поэтому решил испытать другой способ. Изготовленная им культура микроорганизмов проникла в воздух кабины и остается до сих пор в воздушном шлюзе.

— Какая культура? О чем ты?

— Как я предполагаю, это свежемутировавший вирус, направленno вирулентный против образцов ткани, которые я предоставил. Берсеркер предполагал, что я поспешу домой и совершу посадку раньше, чем заболею, и стану разносчиком эпидемии. Должно быть, он считает себя изобретателем биологического оружия, использования жизни против жизни, подобно тому, как мы используем машины против машин. Но ему был необходим образец ткани. Он сказал правду, я думаю. У него никогда не было людей-пленных.

— Думаешь, это вирус? Как он на тебя воздействует, Карр? Что-нибудь болит?

— Нет.

Карр развернул кресло, чтобы лучше видеть диаграмму, которую он начал рисовать два дня назад. Судя по графику, он перестал терять в весе и даже начал восполнять потерянное. Он посмотрел на бинт в центре мертвенно-бледного участка кожи. Пораженная зона постепенно становилась меньше.

— На тебя этот вирус действует? Карр разрешил себе улыбнуться и впервые выразить вслух растущую надежду:

— Кажется, он убивает мой рак!

"Большинству людей эта война принесла не чудеса выздоровления, а постоянное сокрушающее давление на их души, которому не видно предела и конца. Под этим грузом некоторые души огрубели, другие ожесточились, стали не менее жестокими, чем машины, с которыми приходилось сражаться.

Но я открыл несколько сознаний, которые были истинными жемчужинами человеческого духа. Величайшее испытание сделало их величайшими людьми."

5. КАМЕННЫЙ КРАЙ

Земной космопорт в пустыне Гоби был, наверное, самым большим из всех космопортов во всех уголках Галактики, освоенных человеком. Так думал, по крайней мере, Митчел Спейн, успевший за свои двадцать четыре года увидеть большую часть этих мест.

Правда, сейчас из иллюминатора переполненного орбитального челнока невозможно было полюбоваться бесконечными взлетно-посадочными рампами. Огромная толпа внизу, означавшая лишь восторженную встречу, разорвала полицейские кордоны. Вертикальная цепочка спускавшихся челноков замерла в поисках свободного места для посадки.

Митчел Спейн, вместе с тысячами остальных добровольцев, занимавших места в самом нижнем челноке, не обращал внимания на проблемы посадки: в кабину, когда-то служившую роскошным салоном, вошел Йохан Карлсен собственной персоной. Теперь у Митчела появился шанс взглянуть на недавно назначенного главнокомандующего обороной Солнечной системы. Случай представился впервые, хотя Митчел прибыл на земную орбиту в копьевидном флагмане Карлсена прямо с Остила.

Карлсен выглядел не старше Митчела, и его невысокий рост поначалу вызывал удивление. Ему удалось стать правителем планеты Остил с помощью влиятельного родственника,

могущественного Фелипе Ногары, главы империи Эстил. Но удерживал Карлсен высокое положение благодаря собственным талантам.

— Поле заблокировано до вечера, — говорил в этот момент Карлсен, обращаясь к какому-то землянину с холодными глазами. Тот как раз перешел на челнок из аэрокара. — Давайте откроем иллюминаторы. Я хочу взглянуть вокруг.

Мягко складываясь, ушли в гнезда щиты из стали и стекла. Смотровые иллюминаторы превратились в балкончики, открытые воздуху и запахам Земли, а также громopodobному скандированию толпы на поле космопорта:

— Карлсен! Карлсен!!!

Когда главнокомандующий ступил на обзорный балкон, наполнившие салон люди помимо собственной воли подались следом. В основном это были добровольцы с Остила, любители приключений, к которым принадлежал и Митчел Спейн. Марсианский бродяга, он вступил в армию Карлсена на Остиле, соблазненный высокими размерами наградных.

— Поосторожнее, провинциал, — сказал высокий мужчина впереди, оглянувшись и окидывая Митча презрительным взглядом свысока.

— Зовут меня Митчел Спейн, — хрипло предупредил его Митч. — И я такой же провинциал, как и ты.

Судя по одежде и акценту, долговязый грубиян был с Венеры.

Эту планету терраформировали всего столетие назад, и венериане, упиваясь новоприобретенной независимостью, иногда были чрезмерно горды и вспыльчивы. Вероятно, венерианин нервничал на корабле, полном людей с планеты, которой правил брат Фелипе Ногары.

— Спейн... похоже, марсианское имя, — сказал венерианин более мягким тоном.

Но марсиане также не славились терпеливостью и покладистостью. Поэтому секунду спустя долговязому надоело играть в гляделки, и он отвернулся.

Землянин с холодными глазами, чье лицо было почему-то знакомо Митчелу, разговаривал с капитаном челнока через коммуникатор:

— Перемещайтесь над городом, за автостраду Хосути. Там можно приземлиться.

Карлсен, вернувшись в салон, сказал:

— Передайте, пусть не спешат. Скорость не более десяти километров в час. Кажется, люди хотят меня видеть.

Это было и так ясно. Было бы просто непорядочно обманывать ожидания людей, потративших столько времени и усилий.

Митч смотрел на Карлсена, на поднятую в приветственном взмахе сильную руку. Главнокомандующий опять шел на балкон. Шум толпы стал громче.

И это все, мой милый Карлсен? Нет, мой друг, ты актер. Восторг толпы не мог оставить равнодушным человека, кто бы он ни был. Одного он приведет в восторг, другого испугает. И ты хорошо спрятался за маской вежливого достоинства, главнокомандующий.

Каково быть Йоханом Карлсеном, спасителем мира? Появиться в решающий момент, когда все действительно великие и могущественные умыли руки? И с невестой уникальной красоты, которая станет твоей после победы?

А что сегодня делает брат Фелипе? Строит планы, нет сомнений. Предвкушает удовольствие от власти над еще одной планетой.

Долговязый венерианин уплыл куда-то в сторону, и теперь Митч хорошо видел происходящее снаружи. Море человеческих лиц. Какое-то стертое сравнение, но это в самом деле было море. Написать об этом... Митч знал, что когда-нибудь об этом напишет. Если глупость человеческая не прекратит существование вместе с родом людским в предстоящей битве, премии, пока он будет писать, хватит на жизнь.

Впереди виднелись молочно-белые, как кость, башни Улан-Батора, поднимавшиеся за кольцами пригородных скользящих дорожек и солнечных полей-энергосборников. В небе пестрели всеми цветами радуги яркие плакаты и знамена, влекомые массой аэрокаров. Полицейские кары кольцом предосторожности охватили челнок.

К челноку, после короткого контакта с полицейским экипажем, приблизился специальный аэрокар. Вытянув шею, Митч разглядел кармпанскую эмблему на борту. Очевидно,

кармпанский посол собственной персоной. Челнок снизил скорость, теперь он полз улиткой.

Кое-кто считал, что карпманцы сами похожи на машины, тем не менее они были серьезными союзниками в войне землян с врагами всего живого. Физически карпманцы были медлительны и угловаты, но их разум, интеллект и воображение не знали равных. Если сами они почему-то не были способны физически защитить даже самих себя, их психические сверхвозможности, их косвенная помощь были более чем весомы.

В салоне челнока повисла робкая тишина, когда с сиденья открытого кара поднялся кармпанский посол: весь, с ног до головы, переплетение ганглий, щупалец и тканевых трубок.

В салоне челнока узнали кармпанца именно по этой сети. Возбужденный шепот прокатился волной над головами людей, многие вытягивали шеи, чтобы лучше видеть. Землянин с холодным взглядом что-то быстро проговорил в микрофон.

— Прорицатель! — хрипло прошептал кто-то прямо в ухо Митчу.

— Вероятного! — прогремел вдруг из усилителя голос посла, словно тот перехватил мысль на половине фразы. Карпманские прорицатели Вероятного были наполовину мистиками, наполовину хладнокровными математиками. Помощники Карлсена, очевидно, пришли к выводу, что прорицание будет благоприятным и поэтому отдали приказ транслировать речь прорицателя по системе публичного оповещения.

— Надежда, искра живущая, рождающая пламя жизни!

Трудно было поверить, что звенящие, вдохновенные слова рождались во рту инопланетянина. Щупальце указало на Карлсена, который стоял на балконе.

— Темные силы металла мечтают о победе, изначально мертвые существа строят планы нашего общего уничтожения. Но в человеке, стоящем передо мной, таится живая сила, превосходящая любой металл. Энергия этой жизненной силы эхом отзовется во всех нас. И я вижу, как с победой Карлсена...

Во время акта пророчества карпманские прорицатели подвергались очень сильному напряжению, зато точность прогнозов была высока. Митч слышал, что стрессы имели топологическую, а не биологическую природу. Но, как и большая часть землян, Митч не понимал, в чем здесь дело.

— Победа... — повторил прорицатель. — Я вижу победу, но потом...

В лице инопланетянина что-то переменялось. Землянин с коммуникатором был, наверное, специалистом по инопланетной физиогномике или просто не любил рисковать. Он быстро сказал в коммуникатор несколько слов, и система оповещения была выключена. Толпы встречающих, решив, что прорицание завершено, отреагировали восторженным скандированием. Но посол еще не все сказал, хотя теперь его слышали лишь те, кто находился внутри челнока.

Голос кармпанца дрожал:

— Смерть, разрушение, гибель. — Почти квадратное тело кармпанца согнулось, наклонилось вперед, но глаза были обращены на Карлсена. — Победитель... умрет ни с чем...

Кармпанец опустил на сиденье, и его аэрокар поспешил прочь. В салоне челнока было тихо. Доносившиеся снаружи крики «ура!» казались издевательством.

Несколько тягостных мгновений спустя главнокомандующий покинул балкон и обратился к собравшимся в салоне:

— Вы все слышали конец прорицания... Вас немного, но недостаточно немного, чтобы держать его в секрете. Поэтому я не обязую вас хранить тайну. Но передавая слова прорицателя, добавьте, что я не верю в пророчества, идущие не от Бога. Кроме того, сами карпманцы признают, что случаются ошибки.

Ответом было молчание: знак согласия. Тем не менее все были мрачны. Девять раз из десяти прорицатели Вероятного давали верный прогноз, попадали прямо в точку. Будет победа, а потом смерть и разрушение.

Но касалось ли это одного Иохана Карлсена или человечества вообще? Люди в салоне мрачно переглядывались.

Челноки нашли подходящее для посадки место на краю Улан-Батора. Покинув салон, они почувствовали, как окружавшее веселье постепенно притупляет память о мрачном предсказании. С каждой минутой толпа вокруг челноков становилась гуще. Симпатичная

молодая землянка в венке набросила Митчу на шею цветочную гирлянду и поцеловала. Митчел Спейн был некрасив и едва ли подходил для поцелуев. От такого непривычного внимания ему стало не по себе.

Однако он сразу заметил взгляд главнокомандующего.

— Марсианин, пойдете со мной в генштаб. Мне нужна группа представителей, чтобы они не подозревали во мне агента брата. Вы родились в Солнечной системе, это хорошо.

— Слушаюсь, сэр.

Почему Карлсен выделил именно его? Они были одного роста, два невысоких человека в окружении ликующей толпы. Один, отталкивающе некрасивый, с гирляндой цветов на шее, обнимал за талию девушку, которая робко смотрела на лицо второго, излучавшее магнетическую силу власти, делавшую его выше понятий красоты или уродства. Правитель целой планеты и, быть может, спаситель всего живущего.

— Мне понравилось, как ты держался в салоне, — сказал Карлсен Митчелу. — Как ты отбрил долговязого венерианина. Спокойно, не повышая голоса, без угроз.

Твое имя, звание?

В этой войне все люди были на одной стороне, и военная иерархия отличалась некоторой неопределенностью.

— Митчел Спейн, сэр. Пока что без звания. Проходил подготовку с командой десантников. На Остиле услышал о хорошей премии, которую вы предложили, и вот оказался здесь.

— Чтобы защищать Марс?

— И Марс тоже. Но если еще и заплатят, будет неплохо.

Помощники Карлсена суетились, организуя подачу наземных машин, чтобы отправиться в генштаб. Пока они были заняты, Карлсен располагал парой свободных минут. Он внимательно посмотрел на Митча.

— Спейн? Поэт?

— В общем... я опубликовал пару вещей. Ничего особенного...

— У тебя есть боевой опыт?

— Да, я брал на бордаж один берсеркер. Это было возле...

— Об этом потом поговорим. Назначу тебя старшим в десантную команду. Нам не хватает опытных людей. Хемпфил, где же машины?

Землянин с холодными глазами повернулся. Конечно же, его лицо было знакомо Митчу. Теперь он вспомнил:

Хемпфил, герой-фанатик более чем десятка схваток с берсеркерами. Помимо воли, Митч почувствовал робость.

Наконец прибыли машины. Делегация направилась в Улан-Батор. Боевой центр располагался под землей, что позволяло с полной выгодой использовать силовые защитные поля, куполом накрывавшие город по периметру и вплоть до границ атмосферы.

Когда они ехали длинным зигзагообразным эскалатором вниз, к боевому центру, Митч снова оказался рядом с Карлсеном.

— Поздравляю с будущей свадьбой, сэр, — вежливо сказал Митч.

Он еще не разобрался, нравится ли ему Карлсен, но уже испытывал такое чувство, словно знал этого человека много лет.

Главнокомандующий кивнул.

— Спасибо.

Потом он достал небольшой снимок. Иллюзорно трехмерной, на нем была изображена молодая женщина. Золотистые волосы уложены по последней моде новой аристократии Венеры.

— Она очень красива. — Митч был совершенно искренен.

— Да. — Карлсен задумчиво посмотрел на снимок, потом его спрятал.

— Некоторые считают, что это просто политический союз. И Бог свидетель, нам этот союз в самом деле нужен. Но поверь, поэт, она значит для меня много больше.

Карлсен вдруг подмигнул Митчу с таким видом, словно хотел сказать: «И зачем я это тебе рассказываю?» Открылись двери. Они достигли катакомб Генерального штаба.

Среди членов Генштаба многие, хотя и не подавляющее большинство, были венериане. По тону их приветствий стало ясно, что венериане относятся к Карлсену со сдержанной неприязнью. Брат Ногары им совсем не был по душе.

Как и всегда, человечество не могло обойтись без тайных хитросплетений политики и борьбы клик и союзов. Парламент системы Сол и его Исполнительный Комитет выполнили задачу, нашли главнокомандующего. Если некоторые и возражали против кандидатуры Карлсена, то не потому, что сомневались в его возможностях. Заняв пост, он привел с собой отряды тренированных опытных людей, кроме того, больше никто не дал согласия взять на себя ответственность за оборону Солнечной системы.

Совещание началось в напряженной атмосфере, поэтому не оставалось ничего другого, как сразу перейти к делу. Враг, корабли-берсеркеры, оставили прежнюю тактику одиночных налетов: за прошедшие десятилетия обороноспособность колоний медленно, но возрастала.

Предполагалось, что количество кораблей-берсеркеров составляет около двухсот. Чтобы сломить сопротивление человечества, они начали формировать флот, чья совместная мощь была способна сокрушить оборону любой, самой укрепленной планеты. Необходимость собрать флот землян не терпела отлагательств. Предстояло защитить Солнечную систему, а потом, если возможно, покончить с основными силами механической антижизни.

— Итак, на этом мы все сходимся, — сказал Карлсен, выпрямившись и глядя на собравшихся вокруг оперативного стола штабистов. — Ни обученных людей, ни кораблей у нас в нужном количестве нет. Подозреваю, что только правительство Сол постаралось внести свою лепту в полной мере.

Кемал, венерианский адмирал, обменялся взглядами со своими сопланетниками, но удержался от комментариев насчет весьма скромной доли брата Карлсена, Ногары. Все равно другого лидера у них не было.

Карлсен продолжал:

— Мы располагаем флотом из двухсот сорока трех кораблей, специально сконструированных и переоборудованных для применения новой тактики, которую я предлагаю. Мы все благодарны Венере за ее более чем весомую лепту: сто крейсеров. На шести из них, как вы, наверное, знаете, установлены новые дальнобойные сверхсветовые пушки.

Похвала не оказала заметного воздействия на замороженные физиономии венериан.

— Итак, количественно мы имеем небольшой перевес в сорок кораблей. Нет нужды напоминать, что любой отдельный берсеркер значительно превосходит по огневому и энергетическому потенциалу любой наш корабль. — Он сделал паузу. — Тактика «таран-абордаж» должна дать нам преимущество неожиданности.

Главнокомандующий старательно выбирал слова, не желая откровенно признать, что фактор неожиданности был их единственной реальной надеждой. Это было бы слишком даже для суровых космических генералов, на собственном опыте знающих, что такое корабль-берсеркер.

— Другая проблема — это нехватка опытных людей для абордажных команд. Набирая десантников, я сделал все возможное. Ядро десантников, уже подготовленных и еще обучаемых, составляют эстильцы.

Адмирал Кемал, кажется, понял, что за этим последует. Он отодвинул свое кресло, намереваясь встать, но решил немного выждать.

Карлсен спокойно продолжал:

— Тренированные десантники войдут в состав отрядов, каждый из которых будет приписан к определенному крейсеру. После чего...

— Одну минуту, главнокомандующий, — поднялся Кемал.

— Да?

— Вы намерены поместить отряды эстильцев на венерианские корабли?

— Мой план предусматривает и такой вариант. Вы против?

— Да. — Венерианин многозначительно посмотрел на сопланетников. — Мы все против.

— Тем не менее это приказ.

Кемал, с равнодушным лицом, сел молча, стенокамеры в разных концах комнаты Генштаба тихо гудели, напоминая, что происходящее записывается.

Главнокомандующий на секунду нахмурился, на лбу появилась тревожная вертикальная складка. Он несколько мгновений молча и внимательно смотрел на венерианина. Все равно, ничего другого не оставалось, кроме размещения эстильцев и на венерианских кораблях тоже.

Они не дадут тебе стать героем, Карлсен, подумал Митчел Спейн. Так устроен мир: люди глупы и не в состоянии сражаться на одной стороне все вместе, даже в такой войне.

В трюме венерианского крейсера «Солнечное пятно» Митч внимательно осматривал боевые латы, упакованные в предохраняющий контейнер, похожий на гроб. Митчела особо волновали локтевые и коленные сочленения.

— Может, мне нарисовать на нем знаки различия, капитан?

Слова принадлежали молодому эстильцу по имени Фишман, члену свежесформированной команды десантников, которую теперь возглавлял Митч. Фишман где-то раздобыл многоцветный стержень-ампулу, которой сейчас указывал на латы.

Митч окинул взглядом трюм, где деловито сновали десантники его команды, открывая контейнеры с оборудованием и экипировкой. Все шло своим путем, и Митч решил без нужды не вмешиваться.

— Знаки различия? Зачем? Разве что мы придумаем какую-нибудь эмблему для всей команды. Это было бы неплохо.

Бронекостюму едва ли требовались дополнительные опознавательные знаки. Будучи сделанным на Марсе, он отличался от других бронекостюмов некоторыми усовершенствованиями. Вероятно, лучших лат не было ни у кого. На бочкообразной груди костюма имелся значок: большой черный круг, разорванный красным зигзагом. Это означало, что Митч был участником победы над одним берсеркером. Точно такой же бронекостюм был у дяди Митча: марсиане любили бродяжничать в космосе.

— Сержант Маккендрик, — сказал Митч, — как вы себе представляете эмблему нашей команды?

Недавно назначенный сержант, молодой человек с тонким умным лицом, проходивший мимо, задержался, посмотрел на Митча, потом на Фишмана, словно пытаясь определить, кто из них выше по званию. Он нашел компромиссный вариант, устремив взгляд в пространство между двумя.

Его лицо вдруг помрачнело.

Венерианин с худощавым лицом, явно офицер, вошел в трюм в сопровождении отделения из шести вооруженных людей с повязками на рукавах. Корабельная полиция.

Офицер остановился, внимательно глядя на красящую ампулу в руке Фишмана. Когда в трюме установилась тишина и все присутствующие обратили внимание на его появление, венерианин сказал:

— Зачем вы украли ампулу со склада?

— Украл... ампулу? — Эстилец поднял ампулу, чтобы все видели. Очевидно, он думал, что это шутка.

Но корабельная полиция шуток не любила. Во всяком случае, шутки полиции никогда не нравились Митчу. Марсианин сидел на корточках рядом с контейнером. Внутри торса бронекостюма лежал незаряженный десантный карабин, и на всякий случай Митч положил руку на приклад.

— Мы на военном положении, — спокойно, даже мягко продолжал венерианин, обращаясь сразу ко всем собравшимся вокруг эстильцам. — Все люди на борту венерианского корабля подчиняются его законам. Кража из корабельного склада в период военных действий карается высшей мерой. Через повешение. Уведите его. — Он подкрепил приказ сдержанным жестом.

Ампула с громким стуком упала на палубу. С застывшей непонимающей улыбкой на лице, Фишман, казалось, сейчас сам был готов упасть.

Митч спокойно выпрямился, удобно расположив карабин на сгибе локтя. Практически карабин был двуствольной пушкой с устройством для гашения отдачи при стрельбе в невесомости. Им пользовались для уничтожения бронированных сервомашин берсеркеров.

— Одну минуту, — вежливо сказал Митч. Двое полицейских, неуверенно двинувшиеся было к Фишману, с готовностью подчинились, словно довольные, что появилось оправдание их

нерешительности.

Офицер взглянул на Митча, хладнокровно вздернул бровь.

— Вы знаете, чем грозит нападение на меня?

— Какая вам разница как меня накажут, если я разнесу вашу мерзкую башку? Я капитан Митчел Спейн, я командую этим десантным отрядом и пока я им командую, никто не посмеет и пальцем дотронуться до моих людей без моего приказа. Вы кто такой?

— Господин Сальвадор, — сказал венерианин. Он оценивающе посмотрел на Митча, несомненно отметив, что тот был марсианином. В сознании господина Сальвадора закрутились варианты ответа. Выбрав нужный, он сказал:

— Если бы я знал, что этой ... группой командует человек, я бы не счел наглядный урок необходимым. За мной!

Последнее относилось к полицейскому патрулю и было подкреплено еще одним элегантным и сдержанным жестом. Не теряя времени, полицейские поспешили к выходу из трюма. Сальвадор взглядом пригласил Митча отойти в коридор. Мгновение помедлив, Митч последовал за венерианином. Господин Сальвадор невозмутимо подждал его.

— Теперь ваши люди пойдут за вами куда угодно, капитан Спейн. В огонь и воду, так сказать. Но придет момент, когда вы последуете за мной. — Чуть улыбнувшись, венерианин ушел.

Митч задумчиво смотрел на закрывшуюся дверь. Потом команда десантников разразилась победным воплем. Митча радостно хлопали по спине.

Когда люди немного успокоились, один спросил:

— Капитан, что он имел в виду, когда называл себя «господином»?

— У венериан это нечто вроде политического чина. Эй, парни, слушайте меня! Мне может понадобиться свидетель.

Митч поднял карабин и, чтобы все могли видеть, открыв затвор, показал магазин: он был пуст. Новый приступ веселья, включавший не очень лестные шутки в адрес удалившихся венериан.

Но господина Сальвадора со счетов сбрасывать было рано.

— Маккендрик, вызывайте мостик. Я хочу видеть господина Сальвадора. Остальные — за работу.

Юный Фишман, подняв ампулу, задумчиво ее разглядывал. До него постепенно дошло, как близка была веревка от его шеи.

Сальвадор был сама холодная сдержанность. И хотя Митчу удалось выяснить, что в настоящий момент не существует намерений повесить кого-нибудь из эстильцев на борту «Солнечного пятна», на ночь он выставил вооруженных часовых у входа в помещение десантной команды.

На следующий день его вызвали на флагманский корабль. Через иллюминатор челнока он наблюдал за танцем блестящих точек: часть кораблей, освещенная далеким Солнцем, уже начала тренировочные упражнения по тактике тарана.

За столом главнокомандующего сидел на этот раз не любитель поэзии и не будущий жених, но правитель планеты.

— Садитесь, капитан Спейн.

Кажется, все не так уж плохо, если приглашают садиться. Пока Карлсен завершал работу с какими-то документами, Митч мысленно перебирал все, что ему было известно, все, что он читал о старинных церемониях, связанных с эпохой, когда создавались огромные организации, специализировавшиеся в войне с такими же другими организациями, убивая людей и уничтожая их собственность. Нет сомнений, люди оставались не менее жадными, чем в прошлом. Война с берсеркерами опять приучала их к навыкам массового уничтожения. Не вернуться ли былые времена, когда живое сражалось против живого?

Вздохнув, Карлсен отодвинул бумаги.

— Что вчера произошло между вами и господином Сальвадором?

— Он собирался повесить одного из моих людей. — Митч кратко пересказал события, не упомянув лишь о последних словах Сальвадора.

— Если я отвечаю за этих людей, я не могу допустить, чтобы их вот так хватали и вешали.

Не думаю, чтобы они в самом деле так далеко бы зашли, но я решил играть не менее серьезно, чем они.

Главкомандующий выудил из вороха бумаг нужный документ.

— Двое эстильцев уже были повешены. За драку.

— Чертовы венериане!

— Чтобы больше ничего подобного не было, капитан!

— Слушаюсь, сэр. Но должен вам сказать, что вчера на «Солнечном пятне» мы чуть не начали перестрелку.

— Я понимаю. — Карлсен безнадежно махнул рукой. — Они не способны нормально сотрудничать, даже если на карту поставлена судьба... Что такое?

Вошел землянин Хемпфил. Его тонкие плотно сжатые губы были бледнее обычного.

— Только что прибыл курьер. Атсог атакован. Пальцы Карлсена смяли лист.

— Есть детали?

— Капитан курьера считает, что там собрался весь флот берсеркеров. Он успел стартовать в последний момент. Наземные системы еще держались.

Атсог... Значит, враг находился ближе к Солнцу, чем считали люди. Значит, их удар в самом деле будет направлен на Солнечную систему. Они знали, что именно здесь центр человечества.

В каюту входили новые посетители. Хемпфил шагнул в сторону, пропуская адмирала Кемала. За адмиралом, мимоходом бросив взгляд на Митча, следовал господин Сальвадор.

— Вы слышали новости, главкомандующий? — начал Сальвадор. Кемал, уже приготовившийся открыть рот, раздраженно посмотрел на политофицера, но промолчал.

— Да, атакован Атсог.

— Мои корабли готовы выступить через два часа, — отрапортовал Кемал.

Карлсен вздохнул, покачал головой.

— Я видел сегодняшние маневры. В лучшем случае флот будет готов через две недели.

Кемал был потрясен до глубины души, и едва ли это было просто хорошей игрой.

— Вы не готовы?.. Вы отдадите на растерзание венерианскую колонию только потому, что мы не склонили головы перед вашим братом? Потому что приструнили ваших чертовых эстильцев?

— Адмирал Кемал, держите себя в руках! Вы, как и все остальные, обязаны подчиняться дисциплине, пока здесь команду я!

С большим усилием Кемал заставил себя успокоиться. Карлсен говорил негромко, но вся каюта резонировала в такт его словам.

— Вы вешаете людей и называете это «приструнить»? Бог свидетель, я тоже готов кое-кого повесить, но добиться единства в действиях флота! Зарубите на носу: этот флот — наше единственное оружие против сил берсеркеров. Хорошо подготовленные и единые, мы имеем шанс победить.

Никто из присутствующих ни на минуту не сомневался в справедливости этих слов.

— Но даже если падет Атсог, Венера или Эстил, я не стану рисковать флотом, пока не удостоверюсь, что он готов к битве.

Наступила тишина, и Сальвадор сказал почтительно:

— Главкомандующий, курьер доставил еще одну новость. Леди Кристина де Дульчин находилась с визитом на Атсоге в момент начала атаки. Должно быть, она все еще там.

Карлсен на секунду зажмурился. Потом обвел взглядом каюту.

— Если у вас все, господа, вы свободны, — сказал он спокойно.

Митч и Хемпфил вместе шли по коридору флагмана. Хемпфил нарушил молчание, сказав задумчиво:

— Карлсен именно тот человек, которого требует ситуация. Венериане пытались прошупать меня, они готовят заговор. Но я отказался. Карлсен должен остаться командующим, и об этом стоит позаботиться как следует.

— Заговор?

Хемпфил не стал вдаваться в детали.

— Эти венериане, они весьма подлые люди, — с отвращением сказал Митч. — Сначала

они подождали, пока Карлсен признает флот не готовым к сражению, а потом выдали эту новость насчет его невесты на Атсоге.

— Он уже знал об этом, — сказал Хемпфил. — Мы получили информацию со вчерашним курьером.

Темное скопление, состоявшее из миллиарда осколков космической скалы и более древнее, чем само Солнце, было названо людьми Каменным Краем. На кораблях, стянувшихся к этой туманности, не было людей, а только машины, которые ничего не боялись, ничему не удивлялись, ни на что не надеялись. Они не знали, что такое гордость или жалость. Но у них были планы, — миллиарды тончайших электронных вариаций, — навечно встроенная в механические гены цель, стержень всех их черных намерений. Как будто подчиняясь инстинкту, когда время для этого подошло, когда их вечных враг, Жизнь, тоже начал сосредотачивать силы, берсеркеры объединились во флот.

Из подземных укрытий планеты, на языке людей зовущейся Атсог, удалось добыть изрядное число функционирующих жизнеединиц, хотя миллионы единиц были дезинтегрированы в процессе подавления защитных устройств планеты. Функционирующие жизнеединицы были источником ценной информации, а угроза приложения определенных стимулов заставляла сотрудничать самых упрямых.

Среди пойманных почти неповрежденными жизнеединиц был и командующий обороной планеты, генерал Брадин. Его диссекция началась в присутствии других жизнеединиц. Тонкая наружная тканевая оболочка была осторожно снята и помещена на соответствующую раму для дальнейшего изучения. Жизнеединицы, отдающие приказы другим единицам, надлежало изучать с удвоенной тщательностью.

К сожалению, после этой операции стало невозможно поддерживать вразумительный диалог с генералом. Через несколько часов он перестал функционировать вообще.

Само по себе это было мелочью: еще одна единица водянистой материи освободилась от извращения, именуемого «жизнь». Зато поток информации от единиц, ставших свидетелями операции, возрос многократно.

Вскоре стало ясно, что люди формируют флот. Особенно важны были сведения о жизнеединице, управляющей объединенными силами людей. Постепенно, благодаря допросам и найденным записям, возник портрет главнокомандующего.

Имя: Иохан Карлсен. Его биография. Многие данные были противоречивы, но стало ясно: за относительно короткое время этот человек добился власти над миллионами жизнеединиц.

В ходе этой длинной войны берсеркеры аккуратно суммировали и сопоставляли данные о вождах живущих. Теперь, пункт за пунктом, они сопоставили с этими данными все, что удалось узнать о Иохане Карлсене.

Поведение единиц-вождей иногда не поддавалось анализу, словно некое качество их болезни, называемой «жизнь», оставалось за границами понимания машин. Эти индивиды пользовались логикой, но при этом, казалось, иногда логикой себя не удосуживались ограничивать, их поступки как бы отрицали конечное превосходство законов физического мира и вероятности, как если бы они в самом деле владели сокровищем свободной воли, а не его иллюзией.

И Карлсен более чем принадлежал к этому крайне

опасному разряду жизнеединиц. Его соответствие опасному для машин образцу поведения становилось все более очевидным с каждой следующей ступенью анализа.

В прошлом подобные «человеки» представляли локальную проблему. Теперь, когда один из них держал в руках бразды правления самым большим человеческим флотом, он начинал представлять серьезную угрозу для сил Антижизни.

Исход сражения едва ли мог быть неблагоприятным, поскольку флот людей насчитывал немногим больше двухсот кораблей. Но пока вождем живых был человек вроде Иохана Карлсена, черные электронные души берсеркеров не находили покоя. Отложить битву? Тогда их враг станет еще сильнее. Имелись косвенные данные, что изобретательные жизнеединицы создают новые виды оружия, новые и все более мощные корабли.

Безмолвная радиоконференция выработала решение. На краю Галактики, в тайных местах, уже миллионы лет ждали своего часа резервные корабли-крепости, затаившись среди темных

пылевых туманностей и угасающих звезд. Наступил час призвать на битву все резервы. Силы Жизни должны быть сломлены раз и навсегда.

К галактической окраине помчали сверхсветовые кораблики-курьеры.

На подход резервов уйдет некоторое время. Пока можно было вернуться к допросам.

— Эй, слушайте, я готов вам помогать. И насчет этого парня, Карлсена, я много могу порассказать, я знаю, это вам нужно. Только имейте в виду, у меня организм очень нежный. Если будет больно, мой мозг не сможет работать, как надо, так что без грубостей со мной, договорились? Иначе от меня никакого толку не будет.

Это был необычный пленный. Допрашивающий компьютер подключил к себе новые контуры, выбрал нужные символы и выстрелил ими в жизнеединицу перед ним.

— Что ты можешь рассказать мне о Карлсене?

— Значит, вы со мной будете нормально обращаться, так?

— Полезная информация будет награждаться. Ложная повлечет за собой неприятные стимулы.

— Вот что я вам расскажу. Здесь находится женщина, на которой Карлсен должен жениться. Она была в одном убежище с генералом Брадиным. Если вы сейчас создадите мне нормальные условия, дадите мне управлять другими пленными, я придумаю хороший способ ее использовать. Если вы просто сообщите, что поймали ее, он ведь может вам и не поверить, поняли?

Достигнув края Галактики, металлические геральды пробудили своими зовущими сигналами резервные силы Антижизни. Специальные детекторы, уловив сигналы, заставили вспыхнуть холодное пламя двигателей. Радиоактивно-полевые стратегические центры, мозг каждого берсеркера, перепрыгнули на более активный уровень функционирования. Машины пришли в движение, освобождая многомиллионные металлические тела от спячки, стряхивая пыль, лед, камень или грязь, поднимаясь, разворачиваясь, ориентируя себя в пространстве. Собравшись в единую флотилию, они помчались быстрее света туда, где разрушители Атсога ждали подкрепления.

С прибытием каждой резервной машины объединенный мозг флота увеличивал вероятность победы. И все же аномальные свойства одной-единственной жизнеединицы по имени Иохан Карлсен лишали прогноз стопроцентной гарантии успеха.

Сильной волосатой ладонью Фелипе Ногара погладил светящийся сегмент панели. Центр огромного кабинета занимала большая сфера-дисплей, в данный момент представлявшая исследованную часть Галактики. Нажатием клавиши Ногара заставил сферу померкнуть, а потом постепенно начало возникать новое изображение.

Только что одним движением пальца Ногара устранил фактор берсеркеров со схемы политической игры. Его наличие давало слишком широкий спектр вариантов. Сейчас его волновала конкурирующая мощь Венеры и пара других сильных и агрессивных планет.

Абсолютно изолированный в своем кабинете от гула Эстил-сити и рутинной деловой суматохи, Ногара наблюдал за картиной, которую создавал компьютер, демонстрируя соотношение политических сил через год, два, пять лет. Как и предполагал Ногара, влияние Эстила будет возрастать. Вполне возможно даже, что он станет правителем колонизированной части Галактики.

Ногара сам удивился собственному спокойствию, с которым он воспринял такую идею. Десять-пятнадцать лет назад он выжимал из себя всю энергию и волю, чтобы продвинуть собственное влияние, расширить его сферу. Постепенно ходы в политической игре стали получаться автоматически. И вот теперь, когда он так близок к положению властелина человечества, это доставляет ему меньше радости, чем победа на самых первых выборах.

Это было объяснимо. Чем крупнее победа, тем, чтобы вызвать прежнее наслаждение, больше должны быть результаты. По крайней мере, когда он в одиночестве: если бы этот прогноз сейчас видели помощники и советники, их радостное возбуждение передалось бы и ему.

Но он был один, и поэтому только вздохнул. Флот берсеркеров не исчезнет по мановению волшебной палочки. Сейчас в помощи нуждалась Земля. Но вот в чем проблема: слишком большая доля кораблей и людей, посланная на помощь, ослабит ход других проектов Ногары.

Старушка Земля должна пережить атаку берсеркеров без дополнительной помощи Эстила.

Фелипе с некоторым удивлением отметил, что он готов пожертвовать даже Эстилом, лишь бы не выпускать из рук контроля над текущим ходом событий. Почему же так? Он, конечно, не слишком любил свою планету и ее народ, но ведь он был хорошим правителем, не каким-нибудь тираном. Хорошо организованное управление означает, в конце концов, успешную политическую игру.

В рабочем столе мелодично прозвенели колокольчики. Появилось нечто новенькое и любопытное. Ногара решил ответить.

— Сэр, — сказал женский голос, — в душевой ждут две новые возможности.

Над столом Ногара ожила проекция скрытых камер: блестящие в тонких струях воды тела.

— Прямо из тюрьмы, сэр, готовы на все ради передышки.

Но Ногара чувствовал только усталость и даже... да, некоторое презрение к себе. Но почему я не могу искать наслаждение там, где мне этого хочется? Может, я скоро стану садистом? Но если да, то почему бы и нет?

А что потом?

— Потом? — сказал он, и изображение погасло. Может, попробовать стать верующим для разнообразия? Грех... для Йохана это было бы колоссальным наслаждением. Если бы он мог грешить.

Какое истинное удовольствие видеть Йохана во главе флота. Как взвились эти выскочки венериане! Возникла, правда, новая проблема. Йохан, победив берсеркеров, окажется величайшим героем в истории. Не проснутся ли в нем опасные амбиции? Нужно будет постепенно вывести его из сферы общественного интереса, дать какую-нибудь почетную должность, тяжелую, грязную, но полезную работу. Искать преступников, например, где-нибудь у черта на куличках. Йохан есть Йохан, он, скорее всего, согласится. Но если захочет взять власть в Галактике в свои руки, пусть сморит в оба. Любую пешку можно удалить с доски.

Ногара покачал головой. Допустим, Йохан проиграет сражение и Солнечная система погибнет. Победа берсеркеров означает конец человечества как такового. На это им понадобится несколько лет. Ясно и без компьютера.

В столе лежала коробочка. Ногара достал ее и внимательно осмотрел. В коробочке хранился финал бесконечной шахматной игры, конец всем наслаждениям, скуке и боли. Ногара смотрел на флакончик в коробке совершенно спокойно. Это был сильнейший наркотик, бросающий человека в невыразимый экстаз, невероятное трансцендентное переживание, через несколько минут кончавшееся сердечным приступом или кровоизлиянием в мозг. Когда-нибудь, когда он исчерпает себя и мир, когда Вселенная окажется окончательно под пятой берсеркеров, он...

Ногара осторожно вернул флакончик в коробку, а коробку — на место. Он отодвинул в сторону бланк космодепешки с последним отчаянным призывом Земли увеличить помощь. Какая разница? Ведь космос и так уже принадлежит берсеркерам, разве нет? Все было заранее предопределено движением молекул в газовых вихрях, еще до рождения звезд.

Фелипе Ногара откинулся на спинку кресла, наблюдая, как компьютер расставляет фигуры на галактической шахматной доске.

По всем кораблям флота пронесся слух, что Карлсен намеренно оттягивает выступление флота, так как берсеркерами осаждена венерианская колония, но Митч не заметил ничего похожего на неоправданную задержку. Времени было только на еду, сон и работу. Когда было покончено с последними упражнениями и учебными тревогами по схеме «таран-абордаж», когда были погружены, проверены и размещены последние контейнеры с оборудованием, боеприпасами и оружием, от усталости Митч не почувствовал даже радости, только облегчение. «Солнечное пятно» заняло место в формации сорока других стрелообразных абордажных крейсеров и вместе с ними погрузилось в первый сверхсветовой прыжок, начав глубокий поиск врага.

Прошло несколько дней, и серая однообразная рутина полета была нарушена звоном боевой тревоги. Сигнал разбудил Митча. Автоматически, не успев как следует открыть глаза, он скатился с койки и начал надевать бронекостюм, стоящий в специальном гнезде. Кто-то из

десантников проклинал учебные тревоги, но все облачались в латы с удвоенной скоростью.

— Говорит главнокомандующий Карлсен, — загудел динамик на потолке. — Это не учебная тревога, повторяю, это не учебная тревога. Замечены два берсеркера. Один — на границе нашего радиуса. Скорее всего, он уйдет. Его преследует Девятая эскадра. Второму не уйти. Через несколько минут мы его окружим и заставим выйти в нормальное пространство. Мы его сначала немного подогреем, а потом поглядим, как вы освоили домашнее задание. Если в тактике абордажа остались ляпы, сейчас самое время выяснить, какие. Эскадры Два, Три и Четыре выделяют по одному кораблю для тарана и абордажа. Командирам эскадр связаться со мной на частоте главнокомандующего.

— Четвертая эскадра, — вздохнул сержант Маккендрик. — У нас эстильцев больше всего в компании. Нас не пропустят.

Словно зубы дракона, посеянные во тьму, десантники лежали, пристегнувшись к противоперегрузочным креслам (несколько минут назад они служили им койками), пока специальная психомызыка снимала стресс ожидания атаки. Верующие молились. Митч подключил свой интерком к каналу главнокомандующего и изредка передавал своим людям сообщения о ходе боя.

Ему не было страшно. Почему люди так боятся смерти? Ведь смерть — всего лишь конец восприятия окружающего мира, который неизбежен, а то, что лежит за ним, — невообразимо...

Предварительная бомбардировка не заняла много времени. Берсеркер был пойман в ловушку, загнан в центр сферы из двухсот тридцати земных кораблей. Но он сражался не менее храбро, чем лучшие из людей, презрев неизбежность поражения. Как можно драться с машинами, подумал Митч, если они не знают боли или страха?

Драться с ними трудно, но победить их возможно. И на этот раз на стороне людей было подавляющее огневое превосходство. Они могли испарить берсеркера полностью. Но лучший ли это вариант? В любом случае во время тарана погибнут десантники. Нет, прежде чем начнется настоящее сражение, им крайне необходима реальная боевая проверка тактики тарана. К тому же на берсеркере могут быть живые пленные, тогда десантники их спасут. Главнокомандующий был, как всегда, прав. И, как всегда, уверен в собственной правоте.

Приказ был отдан. «Пятно» и еще два корабля начали падение к центру сферы, к пойманному врагу.

Ремни надежно держали Митча, но гравитацию отключили, и поэтому ему казалось, что надвигающийся удар тарана заставит его трястись, как шарик в погремушке. Темнота, мягчайшее амортизационное кресло и баюкающая психомызыка. И всего несколько слов по каналу интеркома, но тело уже напряглось, а мозг живо представил черные холодные раструбы, броню машин и пляску могучих силовых полей снаружи. Вот сейчас...

Реальность пробила щадящую оболочку обивки и музыки. Кумулятивный ядерный заряд на кончике таранящего носа распорол бок берсеркера. За пять секунд таран испарился, пропуская в пробоину настоящий корпус «Пятна». Теперь «Пятно» торчало в берсеркере, как стрела в теле врага.

Митч вышел на последнюю связь с мостиком. Мимо проносились его десантники, сигнальные огни на латах зловеще мигали.

— По моей панели свободен только порт Три, — сказал Митч. — Мы выходим через него.

— Помните, — донесся голос венерианина, — что ваша главная задача — защищать корабль от контратаки.

— Понял вас.

За кого они принимают Митча? За бойскаута на экскурсии? Но времени отвечать на обидные ремарки не было. Он отключил связь с мостиком и поспешил за своей командой.

Два других корабля попробуют атаковать стратегический центр в глубине корабля-крепости. В задачу десантников «Солнечного пятна» входил поиск живых пленников. Обычно берсеркеры держали пленных людей недалеко от внешнего корпуса. Площадь поиска составляла добрую сотню квадратных километров.

Никаких признаков контратаки. Только скрученный металл и поврежденные машины. Берсеркеры не были рассчитаны на бой внутри самих себя, под собственной металлической кожей, и на это делали ставку люди, применяя новую тактику борьбы с Антижизнью.

Митч оставил сорок человек охранять корпус и входной порт и лично повел отделение из десяти десантников в черный лабиринт. У идущего первым имелся специальный масс-спектрометр, засекавший атомы кислорода, неизбежно протекавшего из камер с пленными. Идущий последним помечал пройденный путь специальной светящейся краской из пристегнутого к руке прибора. Без этих меток они бы неизбежно заблудились в трехмерном лабиринте.

— Чую след, капитан, — сказал спектрометрист через пять минут поиска.

— Держи его, — Митч шел вторым, с карабином наготове.

Детектор вел их по кругам невесомого и черного механического ада. Несколько раз спектрометрист подкручивал калибровку, помахивал зондом. В остальном они продвигались быстро: все десантники умели двигаться в невесомости, и здесь у них хватало опор для толчков. Отделение двигалось быстрее, чем если бы они бежали.

Впереди вдруг вырос черный многорукий силуэт, жонглирующий сине-белыми дугами огня, как мечами. Сознание Митча не успело еще сориентироваться, что происходит, а его карабин уже дважды выстрелил. Снаряды вскрыли броню на груди машины и отбросили корпус назад. Но это был простой ремонтный робот-манипулятор, а не специализированный боевой механизм.

Спектрометрист оказался парнем с железными нервами, он даже не снизил темпа. Отделение нажимало следом. Свет прожекторов кромсал черный вакуум коридоров, случайные отражения немного смягчали контраст белого сияния и чернильной тьмы.

— Подходим!

И через минуту они были на нужном месте. В полу имелось отверстие наподобие колодца. Рядом находился яйцообразный бронированный предмет, похожий на спасательную капсулу.

— Кислород вытекает из капсулы.

— Капитан, с этой стороны воздушный шлюз. Наружная створка открыта.

Люк наводил на мысль о ловушке.

— Держите ухо востро, парни, — сказал Митч, входя в шлюз. — Если через минуту не появлюсь, пробивайте стенку и вытаскивайте меня.

Шлюз был стандартный, вероятно, вырезанный из земного корабля. Митч закрыл наружный люк, потом открыл внутренний.

В центре кабины, в противоперегрузочном кресле, лежала обнаженная женщина. Митч подплыл ближе. Голова женщины была обрита наголо, кое-где краснели капли крови, словно совсем недавно отсюда были убраны зонды.

Свет прожектора ударил в лицо женщины, она открыла неживые голубые глаза, несколько раз моргнула, как механическая кукла. Митч, еще не убедившись, что имеет дело с живым человеком, дотронулся до ее руки металлическим пальцем перчатки. И тут же ее лицо ожило, ожили глаза. Она закричала, словно пробуждаясь от ночного кошмара, прозрачные бусины слез повисли в воздухе кабины.

Митч поспешил заговорить с ней и успокоить. Повинуясь его приказам, она взяла в рот конец дыхательной трубки от баллонов скафандра. Еще несколько секунд, и она была закутана в кокон аварийного одеяла, на время предохраняющего от вакуума и холода.

Другого источника кислорода спектрометрист не обнаружил. Митч отдал приказ возвращаться к кораблю по собственным светящимся меткам-следам.

Как он узнал возле абордажного люка, атака проходила не очень успешно. Стратегический центр обороняли настоящие боевые роботы. Восемь десантников уже были убиты. Еще два корабля намеревались совершить таран.

Митч пронес девушку через абордажный лаз и три дополнительных люка. Чудовищный корпус «Солнечного пятна» завибрировал: завершив свою миссию и втянув десантников, корабль отходил. Вернулись сила тяжести и свет.

— Сюда, капитан.

На табличке было написано «Карантин». Уже бывали случаи, когда берсеркер заражал пленных каким-нибудь смертоносным вирусом.

Внутри лазарета Митч развернул кокон, освободив лицо девушки, но оставив прикрытие над обритой головой. Потом открыл свой шлем.

— Трубку можно выплюнуть, — хрипло сказал он. Она послушно выплюнула наконечник и открыла глаза.

— Это не сон? — прошептала она. — Вы настоящий? — Я хочу дотронуться! — ее рука потянулась к лицу Митча, коснулась щеки, шеи.

— Вполне настоящий. Теперь вы в безопасности. Вдруг один из медиков остановился, как вкопанный, внимательно посмотрел на девушку и стрелой вылетел из лазарета. Что произошло?

Другие доктора тревоги не выказывали, уверенными голосами успокаивая девушку. Но та не отпустила Митча, едва не впад в истерику, когда их попытались разлучить.

— Наверное, вам лучше остаться рядом, — сказал врач. Отложив шлем и сняв металлические перчатки, он сел рядом с девушкой, взяв ее за руку. Он смотрел в сторону, пока врачи возились с медицинскими приборами. Судя по их спокойному тону, ничего серьезного пока не обнаружилось.

— Как вас зовут? — спросила девушка. Ей уже успели наложить повязку на голову. Красивая тонкая ладонь не выпускала руку Митча.

— Митчел Спейн.

Теперь, присмотревшись к ее лицу, он уже не спешил уйти.

— А как вас? Она нахмурилась.

— Я... не могу вспомнить.

За дверью в лазарет слышались шаги, голоса, и сквозь кордон протестующих врачей в карантинную ворвался главнокомандующий Карлсен. Он подошел к Митчу, но, кажется, не обратил на капитана десантников никакого внимания.

— Крис, — прошептал он. — Слава богу.

В глазах его влажно блестели слезы.

Леди Кристина де Дульчин посмотрела на Иохана Карлсена, ее лицо жалко сморщилось, и она закричала, как от невыносимого ужаса.

— Хорошо, капитан. Теперь расскажите, как вы ее нашли.

Митч начал рассказывать. В аскетически скромной каюте Карлсена они были одни. Бой кончился, берсеркер превратился в безвредную металлическую скорлупу размерами с небольшой астероид. Других пленных на борту не оказалось.

— Они специально послали корабль с Крис нам навстречу, — выслушав Митча, сказал Карлсен. — Мы немного опередили события. Мы атаковали раньше, чем берсеркер успел выстрелить капсулу с нею внутри.

Митч молчал.

Усталые покрасневшие глаза Карлсена пристально смотрели на него.

— Они воздействовали на ее сознание, поэт. Понимаешь? Вторглись в ее мозг. Это возможно, особенно если не противоречит естественным первоначальным чувствам и мыслям человека. Я понимаю, она никогда не любила меня и согласилась на брак только из-за политических соображений... А теперь она кричит от ужаса, стоит лишь произнести мое имя. Врачи говорят, что не исключена возможность... берсеркеры могли напустить на нее андроида с моей внешностью, и он сделал с ней что-нибудь... Других людей она в определенной степени может терпеть. Но нужен ей только ты. Она хочет быть только с тобой, поэт.

— Я слышал, она плакала, когда я ушел, но я...

— Естественная вещь. Любить человека, который ее спас. Машины запрограммировали ее мозг, и счастье теперь прочно связано с личностью спасителя. Врачи уверяют, что такие вещи возможны. Ей вводят транквилизаторы, но даже во сне приборы регистрируют мучающие ее кошмары и даже во сне она шепчет твое имя. Что ты думаешь обо всем этом?

— Сэр, сделаю все, что в моих силах. Что я должен делать?

— Успокой ее, что же еще. Я не хочу, чтобы она страдала, — крикнул Карлсен. — Будь рядом с ней, избавь ее от боли!

Он взял себя в руки.

— Ступайте. Врачи вас отведут. Ваша амуниция будет доставлена с «Солнечного пятна» на флагман.

Митч молча поднялся. Он хотел сказать что-нибудь, но не находил слов. В голове

вертелись жалкие стертые фразы. Он только кивнул и вышел.

— Мы даем вам последний шанс присоединиться, — сказал венерианин, посмотрев сначала в один, потом в другой конец тускло освещенного коридора. Хемпфил и господин Сальвадор беседовали в обычно безлюдной служебной части флагмана.

— Нашему терпению есть предел, и очень скоро мы нанесем удар. Теперь, когда на борту эта девка, де Дульчин, да еще в таком состоянии, Карлсен вдвойне не годится в командующие.

В кармане венерианина, очевидно, лежал портативный глушитель. Мультифоническая вибрация вызывала у Хемпфила отвратительный зуд в зубах. Так же, как и сама личность этого венерианина.

— Нравится нам Карлсен или нет, но заменить его нечем, — сказал Хемпфил, чувствуя, что и его терпению скоро наступит конец. — Вы еще не поняли, что берсеркеры стремятся устранить его любыми средствами? Включая и дьявольский ход с его невестой. Они пожертвовали одним новеньким кораблем, чтобы доставить ее к нам. Это психологическая атака.

— Если это так, их план сработал. Теперь Карлсен в состоянии думать только о своей невесте и сопернике-марсианине.

Хемпфил вздохнул.

— Не забывайте, он отказался выступить раньше времени для того, чтобы попытаться вырвать Кристину из лап берсеркеров на Атсоге. Пока он ни в чем не проявил слабости. И до момента, когда мы убедимся, что Карлсен действительно не в состоянии командовать, вам лучше забыть о заговорах и интригах против него.

Сальвадор отступил на шаг, зло сплюнул на палубу. Слишком демонстративно, отметил про себя Хемпфил.

— Подумай о себе, землянин! — прошипел Сальвадор. — Дни Карлсена сочтены и вместе с ним дни его союзников, особенно таких преданных!

Он развернулся на каблуках и зашагал прочь.

— Погоди! — тихо сказал Хемпфил.

Венерианин остановился, потом, с подчеркнутой неохотой, обернулся. Хемпфил нажал на спуск своего лазера и прошел сердце венерианина. Выстрел треснул сухо, как далекая молния в жаркую погоду.

Хемпфил потрогал упавшего носком ботинка, приготовившись на всякий случай сделать второй выстрел.

— Язык у тебя был хорошо подвешен, — рассудительно сказал он. — Но ты был чересчур хитер, чтобы командовать битвой с машинами. Искренности тебе не хватало.

Он быстро обыскал убитого и к собственному удовольствию обнаружил список с фамилиями офицеров. Некоторые были подчеркнуты, около других, включая его собственную, стояли вопросительные знаки. Нашлись и другие документы, относящиеся к заговору. Теперь улик было достаточно, чтобы арестовать ядро заговорщиков. Это может расколоть флот, но...

Хемпфил вздрогнул, рука потянулась к пистолету. Но к нему направлялся его собственный помощник, один из тех, что были расставлены в коридорах рядом.

— Все это будет немедленно доставлено к главнокомандующему. — Хемпфил помахал бумагами. — Мы успеем убрать предателей и перестроить цепи командиров.

Он задержался еще на несколько секунд, глядя на труп господина Сальвадора. Заговорщик был слишком уверен в себе, но его схема могла сработать. Неужели Карлсену действительно помогает удача? Главнокомандующий не отвечал идеалу полководца в представлении Хемпфила. Ему не хватало стальной холодной безжалостности машин. Но эти проклятые машины идут на большие жертвы, чтобы выбить Карлсена из кресла командующего силами людей.

Пожав плечами, Хемпфил быстро зашагал прочь.

— Митч, я люблю тебя, на самом деле. Я слышала, что говорили врачи, но что они могут обо мне знать?

Кристина де Дульчин, облаченная в простой голубой халат, с тюрбаном на голове, полулежала в роскошном амортизационном кресле. Фактически эта каюта была спальней главнокомандующего, но Карлсен ею не пользовался, предпочитая жить в небольшой каюте.

Митч сидел в метре от нее, опасаясь дотронуться хотя бы до ее руки, страшась собственной реакции и того, что могла бы сделать она. Они были одни, и можно было сказать, что их никто сейчас не видел и не слышал. Леди Кристина потребовала заверений в отсутствии подслушивающих устройств, и Карлсен дал слово. К тому же на каком корабле станут монтировать шпионящие устройства в каюту главнокомандующего?

Ситуация — из комедии, скорее, даже фарса. Но только если самому не приходится быть участником спектакля. И еще за стеной человек, под началом которого двести с лишним боевых кораблей и от которого зависит, если он проиграет надвигающуюся битву, исчезнет ли жизнь на обитаемых планетах через каких-нибудь пять лет.

— Но ты ничего не знаешь обо мне, Крис, — сказал он.

— Я знаю одно: жизнь для меня — это ты. Митч, пойми, уже не остается времени играть в салонную даму, кокетничать, краснеть, — все это я проделывала не один раз. Но это все скорлупа, шелуха... Я согласилась стать женой Карлсена по политическим мотивам. Но все это кончилось вместе с Атсогом.

Ее пальцы судорожно смяли голубую ткань халата. Митчу пришлось взять ее ладонь в свою, чтобы успокоить.

— Крис, Атсог остался в прошлом.

— Для меня Атсог навсегда в настоящем. Навсегда. Я вспоминаю и вспоминаю... Митч, машины на наших глазах живьем содрали кожу с генерала Брадина. И я видела все это. Я теперь не могу думать о всяких глупостях, вроде политики. Жизнь слишком коротка. И я теперь больше ничего не боюсь, если только ты меня не бросишь...

Митч молчал. Он чувствовал жалость. И одновременно он хотел обладать этой женщиной. И еще он испытывал десяток других стремлений, противоречивых и сводящих с ума собственной противоречивостью.

— Карлсен хороший человек, — сказал он наконец. Кристина вздрогнула.

— Полагаю, хороший, — сказала она натянуто. — Митч, но я ведь не безразлична тебе? Скажи правду... Если ты меня не любишь, то когда-нибудь потом сможешь полюбить. — Она слабо улыбнулась, подняла руку. — Когда отрастут эти глупые волосы.

— Глупые волосы. — Он проглотил комок в горле, хотел погладить ее по щеке, но отдернул пальцы, как от огня. — Крис, ты девушка Карлсена, и сейчас слишком многое зависит от него.

— Я никогда не была его.

— Но я... я не могу лгать тебе. И может, не могу сказать всю правду о том, что я чувствую. Скоро начнется сражение, и я чувствую, словно я завис в воздухе, как парализованный. Сейчас невозможно строить планы... — Он беспомощно развел руками.

— Митч, — мягко сказала Кристина. — Тебе сейчас плохо, правда? Главное, не волнуйся. Я постараюсь вести себя хорошо. Ты позовешь врача? Когда я знаю, что ты где-то рядом, я могу заснуть.

Карлсен несколько минут разглядывал бумаги, найденные Хемпфилом у господина Сальвадора. Он был похож на человека, решающего шахматную задачу. И он не выглядел удивленным.

— Я подготовил несколько надежных людей, — первым заговорил Хемпфил. — Они готовы. Мы можем быстро и без шума арестовать главарей этого... заговора.

Голубые глаза вопросительно смотрели на него.

— Хемпфил, вы уверены, что другого выхода не было? Я имею в виду Сальвадора.

— Боюсь, что да, — вкрадчиво сказал Хемпфил. — Я увидел, как он потянулся за пистолетом... Карлсен принял решение.

— Коммодор Хемпфил, выберите четыре корабля и совершите разведвылазку к дальнему краю туманности. Мы должны определить, где сосредоточился враг, чтобы не дать ему занять позицию между нашим флотом и

Солнцем. Действуйте осторожно, нам достаточно знать расположение основных сил берсеркеров.

— Я понял, — кивнул Хемпфил: рекогносцировка была разумной операцией.

Кроме того, если Карлсен желает самостоятельно разделаться с противниками внутри

флота, то пусть поступает, как считает нужным. Хемпфилу методы Карлсена часто казались недостаточно жесткими и просчитанными, но тем не менее целей своих он всегда добивался. И если проклятые машины так не любят Карлсена, Хемпфил будет поддерживать главнокомандующего до последнего.

А что еще имело значение в этой несчастной Вселенной? Сломать хребет дьявольским машинам — и точка.

Митч каждый день проводил несколько часов с Крис. Он держал ее в неведении относительно диких слухов, распространившихся по кораблям флота. Странная смерть Сальвадора, охрана, вдруг поставленная у каюты главнокомандующего. Поговаривали, что адмирал Кемал вот-вот начнет бунт.

Туманность Каменный Край закрывала уже половину звезд по курсу флота эбеново-черными завитками и хлопьями скоплений, словно останками взорвавшихся планет. Внутри Каменного Края нормальная навигация была невозможна: каждый кубический километр был нашпигован твердой материей, препятствовавшей сверхсветовому полету или перемещению в нормальном пространстве с эффективной скоростью.

Флот направлялся к дальнему, четко очерченному краю туманности, за которым исчез разведотряд Хемпфила.

— С каждым днем она становится спокойнее, — сказал Митч, входя в скромную каюту главнокомандующего.

Карлсен, сидевший за рабочим столом, поднял голову. Перед ним лежал листок с венерианскими иероглифами, кажется, список фамилий.

— Спасибо за добрую весть, поэт. Она вспоминает обо мне?

— Нет.

Их взгляды встретились: глаза нищего и безобразного циника и глаза могущественного и красивого верующего.

— Послушай, поэт, — сказал вдруг Карлсен, — как бы ты поступил со смертельными врагами, если бы они оказались в твоей власти?

— Считается что мы, марсиане, люди вспыльчивые, любим жестокость. Я должен вынести сам себе приговор? Кажется, Карлсен сначала не понял.

— Что? Да нет же, я говорю не о... Крис, не о вас и не о себе. Нет. Это не личное. Я, кажется, просто задумался и произнес вслух...

— Тогда спросите Бога, ведь вы верующий. Кажется, Бог велит прощать врагов?

— Велит, — кивнул Карлсен. Потом добавил задумчиво: — Знаешь, он очень много от нас требует. Очень много.

Ощущение было необычное. Митч впервые видел настоящего, искреннего верующего.

Да и самого Карлсена он таким раньше не видел: ожидающего знака, пассивного. Словно в самом деле существовала некая Цель, Предназначение, скрытое до поры вне пределов обычного человеческого сознания. И теперь Карлсен ждал просветления. Если...

Нет, это все мистическая чушь, решил Митч.

Прогудел коммуникатор. Митч не слышал слов, но видел реакцию главнокомандующего по его лицу. Энергия и грандиозная сила уверенности в собственной правоте возвращались к Карлсену. Это напоминало включение атомной горелки: сначала мягкое свечение, но потом...

— Да, — сказал Карлсен. — Вы хорошо справились. Потом он взял со стола бумаги венерианина. Казалось, он поднял их не прикосновением руки, а они сами взлетели, повинувшись приказу его воли.

— Сообщение от Хемпфила, — мимоходом сказал он Митчу. — Флот берсеркеров сосредоточился непосредственно за краем туманности. По оценкам Хемпфила, их около двухсот и они не подозревают о нашем приближении. Мы начинаем атаку немедленно. Пусть ваши люди займут боевые посты. С нами Бог! — Карлсен повернулся к коммуникатору: — Адмирала Кемала ко мне, сейчас же. Вместе с ним я хочу видеть... — Карлсен бросил взгляд на список заговорщиков и продиктовал несколько фамилий.

— Удачи, сэр, — сказал Митч после некоторой паузы. Уже на пороге каюты он успел заметить, как Карлсен опускает список заговорщиков в дезинтегратор мусора.

Сигналы сирен зазвучали раньше, чем Митч достиг каюты. Он облачился в бронекостюм

и по вдруг ставшими тесными коридорам направился на мостик. Внезапно ожили динамики оповещения:

— ... за все нанесенные нами обиды словом или делом, или бездействием я прошу нас простить. И от имени всякого, кто может назвать меня другом или вождем, я объявляю: все нанесенные вами обиды с этого моменты будут вырваны с корнем из нашей памяти... — Это был голос Карлсена.

В переходе, где только что царила предбоевая суматоха, вдруг повисла тишина. Митч обнаружил, что смотрит прямо в глаза здоровенному венерианину в форме корабельной полиции, очевидно, телохранителю какого-нибудь офицера.

В динамике оповещения раздался голос адмирала Кемаля:

— Мы... мы, эстильцы и венериане — братья отныне! С этого момента мы едины, жизнь против берсеркеров! Гибель проклятым машинам, смерть их строителям! Не забудем Атсог!

— Не забудем Атсог! — вторил адмиралу голос Карлсена.

Тишина в коридорах напоминала последнюю секунду перед ударом волны цунами, уже нависшей и готовой вот-вот обрушиться. И она обрушилась. Митч сам не понимал, что он кричит, она только чувствовал наворачнувшиеся на глаза слезы.

— Не забудем генерала Брадина! — крикнул венерианин-полицейский, обнимая Митча, поднимая в воздух вместе с бронекостюмом. — Смерть его убийцам!

— Смерть убийцам!

Клич прокатился по коридорам, как волна жидкого пламени. То же самое, совершенно очевидно, сейчас происходило и на других кораблях. Больше не оставалось времени на интриги, только на общую славу или общую гибель.

— Гибель проклятым машинам!

Мостик размещался почти в самом центре массы корабля. Это было лишь возвышение с кругом кресел. Каждое кресло окружалось скоплением панелей, пультов и экранов.

— Координатор абордажа готов, — отрапортовал Митч, пристегивая ремни.

Трехмерный экран-сфера в центре мостика демонстрировал продвижение флота людей. Корабли шли двумя линиями, по сотне в каждой. Каждый корабль обозначала зеленая точка, позиция которой с максимально возможной для корабельного компьютера точностью соответствовала реальной. Завитки и вздутия туманности Каменный Край перемещались вдоль боевых порядков флот? серией стремительных коротких толчков. Флагман сейчас шел в режиме сверхсветовых микропрыжков, и поэтому изображение в сфере-демонстраторе состояло из серии неподвижных картин, чередуемых с интервалом в полсекунды. Четыре более жирные зеленые точки сильно отставали от основной массы флота. Это были венерианские крейсера с тяжелыми сверхсветовыми пушками, новым оружием людей.

Митч слышал чей-то голос в наушниках:

— Примерно через десять минут можно ожидать... В пространстве демонстратора появилась зловеще-красная горящая точка, за ней другая, еще десятков. Как крошечные солнца; выплывали корабли берсеркеров из-за вздутия туманности Каменный Край. Очевидно, разведпатруль Хемпфила был в конце концов замечен, потому что берсеркеры шли в атакующем строю. Сотня или даже больше красных точек образовала боевую сеть, и вдруг в демонстраторе возникла вторая сеть, а из черной туманности продолжали выползать красные точки, строя третью боевую сеть, чтобы охватить и сокрушить линии флота людей.

— По моим оценкам, у берсеркеров три сотни кораблей, — сказал чей-то противно-педантичный голос. Раньше один только такой численный перевес мог лишить человечество последних надежд, но сейчас, в эту минуту, страх уже никого не мог остановить.

В наушниках Митча гремели боевые команды. Ему самому пока оставалось только наблюдать.

Шесть больших зеленых точек отставали теперь еще больше: ни секунды не колеблясь, Карлсен бросал флот прямо в центр вражеского строя. Люди недооценили силу врага, но и командование флота берсеркеров, кажется, сделало аналогичную ошибку, потому что красным точкам пришлось перегруппироваться, расширить сети.

Дистанция между кораблями была еще слишком велика для эффективного применения бортового оружия, зато дальнобойные сверхсветовые пушки шести венерианских крейсеров

могли спокойно вести огонь прямо сквозь строй флота людей. Их залп заставил на миг сжаться само пространство, хотя это был лишь вторичный эффект расплывенной энергии, зарегистрированный мозгом Митча. Сверхсветовой снаряд, выстреленный на безопасное расстояние от корабля-пушки, включал собственный двигатель и мчался к цели, то появляясь, то исчезая из нормального пространства, как пущенный над поверхностью тихого пруда гладкий плоский камешек.

Масса такого снаряда, увеличенная во много раз скоростью, пронеслась сквозь строй зеленых точек, словно фантом, и выныривала в обычное пространство только у самой цели уже в виде волн Де-Бройля, когда фазовая сверхсветовая скорость внутренне выворачивает наизнанку саму материю.

Казалось, не прошло и секунды с момента, когда Митч почувствовал призрачное появление снарядов, как одна из красных точек распухла и распустилась в крохотное розовое облачко. Кто-то ахнул. Несколько мгновений спустя заработали огневые батареи флагмана, лазеры и ракетные установки.

В центре враг остановился, примерно в двух миллионах миль от флагмана, но фланги неудержимо надвигались, как нож гигантской мясорубки, угрожая окружением первой линии кораблей.

Карлсен не колебался ни секунды. Флот людей устремился прямо в пасть ловушки.

Само пространство вокруг Митча вибрировало и волновалось. Огонь вели все корабли флота. Красные и зеленые точки в демонстраторе начали исчезать, но пока потери с обеих сторон были незначительны.

Темп сражения вышел за пределы человеческих возможностей, и голоса в шлемофоне немного успокоились. Теперь бой будут вести компьютеры, верные слуги Жизни, против слуг Антижизни хладнокровно, без страха и понимания, что происходит.

Фрагменты боя с калейдоскопической скоростью сменяли друг друга в сфере демонстратора. Распухающая красная точка вражеского корабля только что была в миллионе миль, но вдруг оказалась в два раза ближе, в следующий миг — на старом месте. На самом деле прыжки совершал флагман, то исчезая, то выныривая в нормальное пространство, не прекращая бешеного огня по противнику. Наконец, флагман вышел на курс тарана.

Теперь в сфере демонстратора возникла не просто красная точка, а мрачный черный силуэт недруга, словно нависший, безумно накренившийся замок великанов, затмивший звезды по курсу. Сто миль, пятьдесят. Скорость приближения снизилась до мили в секунду. Враг, как и ожидалось, на максимальном ускорении уходил от тарана. Митч в последний раз проверил ремни, латы, оружие. Крис, твой кокон должен выдержать. Берсеркер распух, закрыл всю сферу демонстратора. Относительно мелкий берсеркер, всего раз в десять больше флагмана. Но в любом случае у этих космических гигантов имелись слабые места, старые раны, только затянутые свежей броневой кожей. Удирай, удирай, механическое извращение, но тебе теперь не уйти!

Ближе, все ближе... Таран!

Погас свет, появилось ощущение падения, секунды тянулись, как века...

Удар. Несмотря на обивку кресла и внутреннюю амортизацию лат, Митч получил пару хороших синяков. Одноразовый нос-таран уже, должно быть, испарился, поглощая часть энергии удара.

Когда гром столкновения затих, стал слышен скрежет металла, свист убегающего воздуха, всхлипы и вздохи разорванных трубопроводов.

Флагман на половину длины корпуса вошел в тело берсеркера. Не самый удачный таран, но на мостике никто не был ранен. Контроль повреждений доложил, что пробоины невелики и уже заделываются. Канониры сообщили, что пока не могут выдвинуть пушечную турель. Машинный зал готов включить двигатели на полную мощность.

Двигатели!

Корабль заерзал внутри им же нанесенной берсеркеру раны. Возможно, победа окажется легкой, если они смогут выпотрошить врага, выпустить в космос его металлические внутренности. На секунду воображение Митча было парализовано, когда он вообразил мощь созданных человеком двигателей.

— Бесплезно, командир. Мы засели прочно. Берсеркер выдержал. И уже наверняка его стратегический центр выдает вариант за вариантом плана ответной атаки, без страха и жалости.

Капитан корабля посмотрел на Карлсена. Снаружи кипел ад огненных энергий, и никакая нормальная связь была невозможна. Карлсен больше не мог управлять битвой, впрочем, и берсеркеры не могли соединить центральные компьютеры своих кораблей в единый мозг.

— Принимайте командование, — сказал Карлсен капитану корабля. Подавшись вперед. Главнокомандующий всматривался в померкшую сферу демонстратора, пытаясь понять, что представляют собой изредка мелькавшие в ней огоньки.

Капитан тут же отдал приказ высаживать абордажную команду.

Митч смотрел, как его люди покидают абордажные лазы. После секундного размышления (ждать было хуже, чем действовать) он обратился к капитану:

— Сэр, прошу разрешения присоединиться к десанту. Карлсен словно не слышал. Он полностью передал бразды управления в руки капитана.

Капитан же ответил не сразу. Координатор был нужен не мостике, но во время абордажной схватки будет отчаяние не хватать опытных людей.

— Хорошо. Сделайте все возможное, чтобы отбить контратаку.

Берсеркер бросил на таранивший его флагман орду солдат-роботов. Отделения десантников почти не успели отойти от вонзившегося в тело берсеркера корпуса, а уже некоторые из них были отрезаны нападавшими.

В узком зигзагообразном коридоре лаза, за которым кипела самая жаркая схватка, Митча встретил человек в латах.

— Капитан Спейн? Я сержант Брум, исполняю обязанности командира обороны. Мостик передал, что теперь командовать будете вы. Нам немного тяжело приходится. Канониры все еще не могут разобраться с турелью. Железки катят волнами, не дают ни минуты передышки.

— Выходим.

Оба поспешили наружу через лаз, превратившийся в щель. Корпус флагмана в этом месте изогнулся, как лезвие меча, воткнувшегося в слишком прочную броню.

— Сейчас разберемся, — наконец преодолев лаз, сказал Митч. Где-то мерцали вспышки, светился раскаленный металл, и в этом неверном свете можно было различить могучие балки, словно многоэтажные дома, среди которых застрял флагман.

Сержант показал, в каком направлении ушло его отделение. Около сотни десантников сейчас вели бой в лабиринте хаотически разорванного металла и дрейфующего в невесомости железного мусора.

— Железки не стреляют. Они накатывают волнами и вступают в рукопашную. В последней атаке мы потеряли шестерых.

Из глубоких шахт поднимались облака газа и пузыри какой-то жидкости, металл вздыхал и вибрировал. Умирает ли проклятая машина или, наоборот, готовится к решительной схватке, сказать было нельзя.

— Кто-нибудь вернулся из остальных отделений?

— Нет. Похоже, они застряли.

— Говорит канонирная, — раздался в наушниках жизнерадостный голос. — Нам удалось выставить одну турель по восьмидесятому градусу.

— Тогда стреляйте, чего ждете, — проскрежетал Митч. — Мы же внутри у него, во что-нибудь попадете.

Минуту спустя раздвинулись заслонки на специальных нишах в корпусе флагмана, и оттуда ударили прожектора.

— Они опять катят! — завопил Брум.

Метрах в трехстах впереди, за расплавленным носом корабля, показалась цепочка силуэтов. В свете прожекторов стало ясно, что это не десантники в латах. Митч не успел открыть рот, чтобы выяснить, чего ждут канониры, когда заработала турель, поливая наступающие машины дождем разрывных снарядов.

Но машины шли цепь за цепью, как волны, карабкаясь, прыгая, ползком. Десантники открыли отчаянный огонь.

Митч, совершая длинные легкие прыжки, обходил десантников, совершая, если нужно, перегруппировки.

— Если что, отходите! — приказал он по командирскому каналу. — Но не допускайте их к абордажным лазам.

Его людям сейчас приходилось иметь дело не с сервомеханизмами типа сварочных или трубочистов. Эти машины были построены специально для боя.

Откуда-то на перехват Митчу полетела массивная цепь. Он перебил ее двумя выстрелами. На синем хвосте реактивного выхлопа миниатюрных двигателей на него устремилась металлическая бабочка. Митч потратил четыре разряда, но в нее не попал.

Митч направился обратно к лазу, по пути вызвав Брума.

— Брум, как у вас дела?

— Трудно сказать, капитан. Вызываю командиров отделений, повторяю, вызываю командиров...

Бабочка атаковала еще раз, и Митч разрезал ее лучом лазера. Возле лаза со всех сторон молниями сверкали выстрелы. Митч чувствовал, что битва снаружи, в пространстве, тоже была в разгаре: призрачные щупальца боевых энергий дрожью пронизывали металл и он ощущал их присутствие даже сквозь изоляцию бронекостюма.

— Вот они... Эй, осторожно, девятка по циферблату. Девятка? Это атака прямо на лаз. Митч нашел надежную опору между двумя листами брони, клином вставил ногу, поднял карабин. Многие из атакующих машин на этот раз несли бронеовые щиты. Митч выстрелил, перезарядил, выстрелил опять.

Единственная стреляющая турель не прекращала огня. Свет прожектора пятном полз вдоль цепи надвигающихся роботов, сопровождаемый ливнем снарядов. В вакууме бой происходил беззвучно. Автоматические пушки турели были значительно мощнее ручного оружия десантников. Одного попадания было достаточно, чтобы робот превращался в тускло светящееся облако осколков. Но вдруг машины появились на самом корпусе флагмана, напав на турель с тыла.

Митч отдал быстрый приказ по радио и поспешил в сторону турели. Каким-то образом он вдруг оказался среди боевых роботов. Они окружили его со всех сторон. Два робота схватили десантника в клешнеподобные манипуляторы и пытались разорвать. Митч быстро выстрелил и, попав в ногу одного робота, отстрелил ее.

Секунду спустя один из роботов-крабов полетел прочь от удара снаряда из турели. Но один робот взялся за Митча серьезно.

Эта машина была бронирована не хуже космокрейсера. Она стремительно приближалась, ловко преодолевая препятствия, отбрасывая манипуляторами дрейфующие осколки. Митч разрядил карабин в киберцентр краба, но машина продолжала тянуть к нему серебристо сверкающие в луче нашлемного прожектора клешни.

Митч выхватил лазерный пистолет, увернулся, но машина обладала ловкостью кошки. Она поймала Митча за левую руку и шлем. Жалобно заскрипел металл. Митч ткнул стволом лазера в киберцентр краба, нажав на спуск. Он и краб плыли в невесомости, роботу не хватало точки опоры, чтобы сокрушить латы Митча, но держал он десантника мертвой хваткой.

Контейнер киберцентра, пистолет и пальцы перчатки светились тускло-красным. В лицевой щиток плеснуло чем-то расплавленным, теперь он плохо видел. Батарея лазера сгорела, ствол намертво приварился к металлу краба.

Левая перчатка поддалась усилию клешни...

... его рука!

Автоматически сработали зажимы и аптечка бронекостюма, перекрывая разорванные вены и артерии, вводя в руку анестезирующий наркотик. Обожженной правой рукой Митч потянулся за пластиковой гранатой.

Клешня краба отпустила покалеченную левую руку Митча. Рука одеревенела. Краба трясло, как в агонии. Митч взмахнул рукой, прилепнул гранату на киберцентр краба. Потом напряг ноги, стараясь вырваться из нового захвата клешней. Перегруженные сервомоторы костюма жалобно завывали. Секунда, две, три...

Взрыв поверг его в шок. Когда Митч пришел в себя, он плыл в невесомости. Что это

сверкает там? Где же лаз... Он должен найти лаз, нужно отбить атаку...

Постепенно мысли прояснились. Митчу казалось, что два твердых пальца больно упираются в грудь. Хорошо, если это только реакция на рану в руке. Из-за металла, застывшего на смотровом щитке шлема, почти ничего не было видно, но Митчу удалось разобраться, где находится корпус флагмана. Мимо, лениво вращаясь, проплывал какой-то обломок, и Митч воспользовался им как транспортным средством. Пока он плыл в сторону абордажного лаза, он приготовил новую обойму и только потом заметил, что потерял карабин.

Вокруг лаза пространство было полно осколками и обломками раздробленных механизмов, висевших, как туман. Десантники вели огонь, куда-то в черную рваную каверну. В неверных вспышках Митч узнал бронекостюм Брума. Сержант помахал ему рукой.

— Капитан, они повредили турель и большую часть прожекторов. Но мы почти всех перебили. Как рука?

— Как дерево. Лишний карабин найдется?

— Карабин?

Брум плохо слышал Митча. Естественно, проклятый краб повредил передатчик шлема. Митч прижал шлем к шлему Брума и громко сказал:

— Остаешься за старшего. Я иду в корабль. Если смогу, вернусь.

Брум кивнул и с тревогой проводил Митча взглядом до самого лаза. Вспышки выстрелов замелькали чаще, но два тупых твердых пальца все сильнее и сильнее давили на грудь и Митч ничего не мог сделать. Голова слегка кружилась. Он вернется? Кого он хочет обмануть? Хорошо еще, если он самостоятельно доберется до врачей.

Он протиснулся в лаз, потом, мимо ниш внутренней охраны, в воздушный шлюз. Ему тут же поспешили на помощь.

Я еще жив, подумал Митч. Вокруг суетились люди, вспыхивали какие-то яркие огни. Обрубок ладони замотали в белые бинты. И еще одну вещь он заметил: призрачные волны космических залпов больше не тревожили пространство. Потом, совершенно внезапно, он понял, что его вывозят из операционной, мимо спешили радостно оживленные люди. Митч был так слаб, что не мог даже собраться с мыслями и задать кому-нибудь вопрос, хотя он успел сообразить (судя по доносившимся до него обрывкам фраз), что к атаке на берсеркера присоединился еще один корабль.

Носилки с Митчем были оставлены в помещении возле мостика, наскоро переделанном в палату для раненых. Раненых было много. Все были надежно привязаны, у всех имелись дыхательные шланги, на случай повреждения систем гравитации и снабжения воздухом. Повсюду Митч замечал признаки боя. Откуда? Здесь, в глубине корабля, возле мостика? Ведь они отстояли абордажные лазы...

Корпус флагмана завибрировал.

— Мы вырвались, — сказал кто-то рядом.

На какое-то время Митч потерял сознание. Когда он пришел в себя, то увидел множество входящих на мостик людей. У всех были такие лица, словно они явились на какой-то торжественный зов. У многих было с собой оружие, другие несли самые странные с точки зрения Митча предметы: книги, шлемы, аптечки, бутылки, подносы с едой. Здесь даже были дети, спасенные, очевидно, из плена берсеркеров.

Митч приподнялся на правом локте, не обращая внимания на тупую боль в забинтованной груди и на волдыри ожогов на правой руке. И все же за спинами людей он не видел кресел управления мостика.

По всем коридорам шли мужчины и женщины, счастливые, залитые включенным на полную яркость освещением.

Примерно час спустя Митч проснулся опять. На этот раз он обнаружил переносную сферу-демонстратор, установленную неподалеку. На фоне угольно-черной туманности Каменный Край тускло светилась новая туманность: облако остывающих металлических газов. Кое-где рубиново мерцали более горячие сгустки-ядра.

Рядом с Митчем кто-то усталым голосом диктовал в рекордер:

—... мы потеряли пятнадцать кораблей и около восьми тысяч человек. Повреждения получили практически все наши корабли. Мы оцениваем потери берсеркеров в девяносто,

повторяю, девяносто кораблей. По последним данным, на abordаж было успешно взято сто семьдесят шесть. В это до сих пор трудно поверить. В этот исторический момент... мы не должны забывать, что около тридцати берсеркеров смогли бежать и продолжают оставаться так же смертельно опасными, как и всегда. Нам еще долго придется выслеживать и уничтожать их. Но флота берсеркеров больше не существует. И можно надеяться, что взятые в плен машины прольют наконец свет на их происхождение. И самое главное, освобождено около двенадцати тысяч людей, взятых берсеркерами в плен... Как объяснить наш успех? Неверующие скажут, что победу нам принесли новые, более прочные корпуса, более мощное и более дальнобойное сверхсветовое оружие, новая, неожиданная для врага тактика боя. И наши десантники оказались сильнее всех тех боевых машин, которые выслали против них монстры-берсеркеры. А главное — стоит отдать должное главнокомандующему Карлсену. Он принял решение атаковать в момент, когда его примирение с венерианами объединило и усилило флот многократно. Главнокомандующий сейчас здесь, он посещает раненых, которые лежат рядами в импровизированной палате...

Карлсен выглядел таким усталым, двигался так медленно, что Митч решил сначала, что главнокомандующий сам был ранен. Сутулясь, он медленно шел вдоль носилок, кивая, обмениваясь короткими фразами с ранеными. Возле носилок Митча он остановился, словно наткнулся на стену.

— Она погибла, поэт. — Это было первое, что он сказал.

Митчу показалось, что палуба флагмана провалилась под ним, потом вернулась на место. И он был спокоен, как если бы ожидал такого конца. Сражение опустошило его.

Устало шевеля губами, Карлсен тихо рассказал о том, что произошло. Берсеркеру удалось прогрызть корпус флагмана, и в отверстие была впущена дьявольская машина, нечто вроде ядерной торпеды с самонаводкой, запрограммированной пробить все палубы в направлении мостика и каюты главнокомандующего. Торпеду успели остановить у самого мостика и обезвредить. Но перед этим кибернетический ядерный факел прошел насквозь каюту Карлсена.

Признаки отчаянного боя, кипевшего здесь, могли бы уже заранее многое сказать Митчу. Но думать он был не в состоянии. Сначала шок, потом транквилизаторы притупили его сознание. Он практически ничего не чувствовал, только видел лицо Крис, на каком-то сером фоне, как в тот первый раз, когда он спас ее из капсулы.

Спас ее.

— Я слабый, глупый человек, — говорил Карлсен. — Но я никогда не был твоим врагом. А ты?

— Нет. И ты прощаешь всех врагов. Это лучший способ от них избавиться. Теперь у тебя долго их не будет. Галактический герой. Но я тебе не завидую.

— Не завидуешь... Боже, прими и успокой ее душу. Несмотря на горе и колоссальное напряжение последних часов искра жизни горела в Карлсене так же спокойно и сильно, как и всегда. Только смерть была способна сокрушить этого человека. Карлсен даже пытался улыбнуться.

— Вот и сбылась вторая половина пророчества, да? Я погибну, лишившись всего, что имел. Словно умирая, человек забирает собственность с собой.

— Все будет нормально, Карлсен. Ты переживешь собственный успех. И умрешь в мире и покое, с надеждой попасть в обещанный рай.

— Когда я буду умирать... — Карлсен медленно обвел взглядом всех собравшихся, — я буду помнить этот день. Славу и победу всех людей.

Несмотря на усталость и боль потери, он сохранял колоссальную силу убежденности. Не в собственной правоте, понял Митч, а в собственной преданности правому делу.

— Поэт, если захочешь, будешь со мной работать.

— Может быть, наступит такой день. Пока что мне хватит на жизнь премии. И меня ждет книга. Если руку восстановить не смогут, буду писать одной рукой. — Митч вдруг почувствовал страшную усталость.

Ладонь коснулась правого плеча. Голос главнокомандующего сказал:

— Храни тебя Бог.

Иохан Карлсен ушел.

Митчу хотелось только одного: отдохнуть. И взяться за работу. Мир был устроен плохо, несправедливо, и все люди — глупцы. Но были среди них и те, кого невозможно было раздавить. И об этом стоило написать.

"После любой, даже выигранной битвы, остаются раненые. Поврежденная плоть восстанавливается. Руку можно заменить. Можно пересадить глаз и даже поврежденный мозг можно в известной степени восстановить. Но есть раны, недоступные скальпелю хирурга. Есть двери, которые нельзя открыть снаружи.

Я нашел человека, расщепленного надвое."

6. ЧТО НАТВОРИЛИ ТЫ И Я

Первое, что я начинаю сознавать: я нахожусь в большой комнате, похожей на перевернутую воронку, внутри огромного космического аппарата, мчащегося в пространстве. Окружающий мир мне знаком, хотя я и чувствую себя совершенно обновленным.

— Он проснулся! — говорит черноволосая молодая женщина, испуганно глядя на меня.

В моем поле зрения появляются полдюжины человек. Трое из них мужчины, они давно не брились. Все люди в грязной, растрепанной одежде.

В поле моего зрения? Рукой я щупаю лицо, чувствую, что левый глаз закрыт латкой.

— Не трогай! — предупреждает самый высокий из мужчин.

Наверное, когда-то он занимал солидное положение. Тон у него резкий, властный, и все же в нем слышится неуверенность в себе, как будто я важная персона. Но я всего лишь... кто?

— Что случилось? — спрашиваю я.

Мне тяжело ворочать языком, тяжело подбирать даже простые слова. Левая рука лежит, словно забытая, но как только я подумал о ней, она шевельнулась, и, опираясь на нее, я сажусь, отчего волной накатывают боль и головокружение.

Женщины (их двое) пьются от меня. Плотного телосложения молодой мужчина успокаивающе обнимает их за плечи. Люди будто бы мне знакомы, но я не могу вспомнить их имена.

— Главное, не волнуйся, — говорит высокий мужчина. Его руки с ловкостью профессионального врача проверяют мой пульс, трогают лоб, потом он помогает мне снова лечь на стол с мягкой обивкой.

Теперь я вижу по обе стороны от себя двух роботов-андроидов. Сейчас доктор велит им отвезти меня в палату. Но я сразу же понимаю, что это не больница. Откуда я знаю? Я не помню, но знаю, что правда, если ко мне вернется память, будет ужасной.

— Как ты себя чувствуешь? — спрашивает третий мужчина, самый старый из них. Он подходит ко мне.

— Вроде неплохо. — Вместо нормальной речи получаются невнятные клочки. — Что случилось?

— Был бой, — говорит доктор. — Тебя ранило, но я спас твою жизнь.

— Тогда... хорошо. — Боль и головокружение постепенно отступают.

Доктор говорит довольным тоном:

— Как и предполагалось, у тебя проблемы с речью. Ну-ка, попробуй прочесть вот это.

Он поднимает карточку с ровными рядами маленьких аккуратных символов. Я четко вижу эти символы, но они ничего для меня не означают. Абсолютно ничего.

— Не могу, — говорю я наконец, закрываю глаза и ложусь. Я чувствую недружелюбное, даже враждебное отношение собравшихся ко мне. Но почему?

— Что произошло? — настойчиво повторяю я.

— Мы в плену, внутри у машины, — говорит старик. — Ты помнишь, что мы в плену?

— Да. — Я киваю, хотя деталей не могу вспомнить. Память затянута туманом.

— Как меня зовут?

Старик с явным облегчением сдержанно смеется.

— Допустим, Тад... Тадеуш. Почему бы и нет?

— Тад? — Это доктор переспрашивает.

Я открываю глаза опять. Доктор ведет себя более уверенно. Я дал ему какой-то повод? Я что-то такое сделал или, наоборот, не сделал?

— Тебя зовут Тад, — повторяет доктор.

— Мы в плену? У машины?

— У берсеркера. — Он вздыхает. — Это что-нибудь значит для тебя?

Да, глубоко внутри слово «берсеркер» рождает эхо, очень страшное, невыносимо страшное. Но меня спасает сон, я засыпаю.

Проснувшись, чувствую себя намного лучше. Стол исчез, я покоюсь на мягком полу комнаты — или камеры? — этой белой опрокинутой воронки. Рядом стоят два робота, и я не знаю, — почему.

— Атсог! — вдруг кричу я: я вспомнил, что оказался на планете Атсог, когда началось нападение берсеркеров. Роботы-рейдеры схватили меня и остальных семерых в подземном убежище. Память все еще туманна, но это даже хорошо. Пусть лучше остается туманной.

— Проснулся! — говорит кто-то. И снова женщины испуганно пятятся от меня. Доктор и старик тихо разговаривают, что-то обсуждают, и старик поднимает голову, смотрит на меня. Голова у него трясется. Плотный молодой человек вскакивает на ноги, угрожающе сжимает кулаки.

— Как ты себя чувствуешь, Тад? — спрашивает доктор. Потом, внимательно посмотрев на меня, сам себе отвечает: — Нормально. Девушки, дайте ему поесть. Или ты, Холстед.

— Помочь ему? О Боже!

Черноволосая девушка прижимается к стене спиной, старается отойти от меня как можно дальше. Две другие женщины что-то стирают в раковине, какую-то одежду. Бросив на меня взгляд, они продолжают стирать.

Нет, и голова у меня забинтована не просто так. Наверное, я был ранен, и теперь лицо у меня выглядит ужасно, наверное, оно обезображено.

Доктор проявляет нетерпение.

— Его нужно накормить.

— Я его кормить не стану, — твердо говорит агрессивный юноша. — Всему есть предел.

Черноволосая медленно направляется в мою сторону. Все смотрят на нее.

— Ты? — удивленно произносит юноша и покачивает головой.

Она идет медленно, словно ей больно делать шаги. Нет сомнений, в бою ей тоже досталось, на лице видны старые синяки. Она опускается на колени рядом со мной, направляет мою левую руку, помогает мне есть, дает воды. Правая сторона почему-то плохо слушается меня, хотя и не парализована,

Доктор подходит ко мне, и я спрашиваю: — Что с моим глазом? Он может видеть?

Он быстро перехватывает мои пальцы, тянущиеся к латке над глазом.

— Пока придется тебе пользоваться только левым глазом. Твой мозг был прооперирован. Если ты сейчас снимешь латку с глаза, последствия могут быть необратимыми и очень серьезными, я предупреждаю.

Мне кажется, он что-то скрывает. Почему?

Черноволосая девушка спрашивает:

— Ты что-нибудь еще вспомнил?

— Да. До, того, как был взят Атсог, мы получили сообщение. Иохан Карлсен вел флот на защиту Солнечной системы.

Все смотрят на меня с надеждой. Но ведь они должны знать больше моего.

— Карлсен выиграл битву? — с тревогой спрашиваю я. Потом вспоминаю: мы пленники. И я плачу.

— Новых пленных не было пока, — говорит доктор.

— Возможно, Карлсен разбил берсеркеров. И эта машина сейчас спасается от флота людей. Что ты на это скажешь?

— Что я скажу? — Странно, неужели я начинаю не только с трудом говорить, но и понимать? — Что это хорошо.

Все вздыхают с некоторым облегчением.

— Ты получил трещины в черепе, — объясняет старик.

— Тебе повезло, что рядом оказался знаменитый хирург. Машина намерена нас изучать. Она предоставила доктору нужные инструменты, и если бы ты умер или оказался парализованным, доктору пришлось бы плохо. О да, здесь машина не оставила нам сомнений.

— Зеркало? — Я показываю на свое лицо. — Хочу посмотреть. Очень плохо?

— Зеркала у нас нет, — говорит женщина возле раковины таким тоном, будто я в этом сам виноват.

— Тебя беспокоит лицо? Оно не пострадало, — говорит доктор. Тон у него убедительный, но я почему-то уверен, что с лицом у меня случилось нечто страшное, и слова доктора не успокаивают меня.

Мне жаль этих добрых людей. В довершение ко всем неприятностям им приходится терпеть присутствие такого монстра, как я.

— Мне очень жаль, — говорю я и отворачиваюсь, чтобы спрятать лицо.

— Ты в самом деле не знаешь... — говорит черноволосая, несколько минут пристально смотревшая на меня. Голос у нее срывается.

— Он в самом деле не знает. Тад, с лицом все нормально.

Действительно, на ощупь кожа лица такая же гладкая, как и раньше. Черноволосая смотрит на меня с жалостью.

Сквозь ворот платья на ее плече видны красные полосы, как следы от ударов плетью.

— Кто-то бил тебя? — с испугом спрашиваю я. Женщина возле раковины нервно смеется. Молодой человек что-то бормочет себе под нос.левой рукой я закрываю лицо. Правая ладонь касается краев латки.

Вдруг молодой человек громко чертыхается, показывает на только что открывшуюся дверь в стене.

— Машине понадобилась твоя консультация, — сурово говорит он мне. Он похож на человека, который очень зол, но не смеет этого показать. Кто же я? Почему эти люди меня ненавидят?

Я поднимаюсь на ноги, я могу идти, сил хватает. Я вспоминаю, что именно я хожу на переговоры с машиной.

В узком голом коридоре машина выдвигает два сканера и динамик. Это ее лицо. Я знаю, что нахожусь внутри гигантской космической крепости, объемом в несколько кубических миль, мчащейся в пространстве, и я помню, что я стоял на этом же месте до начала сражения, разговаривал с машиной. Но я понятия не имею, что я говорил.

— Предложенный тобой план не сработал. Карлсен продолжает функционировать.

У машины квакающий, надтреснутый голос. Она шипит и скрежещет, как опереточный злодей.

И что же я мог предложить этому чудовищу? Какое кошмарное предположение!

— Я почти ничего не помню. У меня была травма мозга.

— Если ты лжешь, то помни, меня обмануть нельзя", — говорит машина. — Я не собираюсь тебя наказывать за провал. Это не поможет в достижении моих целей. Я знаю, что ты живешь вне законов человеческого общества. Ты даже не пользуешься полным своим именем. Зная твою природу, я тебе доверяю и надеюсь на твою помощь в борьбе с разумной жизнью. Остальные пленные останутся в твоём подчинении. Позаботься, чтобы твои поврежденные ткани восстановились в пределах возможного. Очень скоро мы испытаем новый способ борьбы с жизнью.

Следует пауза, но мне нечего сказать. Трескучий динамик умолкает, гаснет свечение внутри сканеров. Продолжает ли машина следить за мной? Она сказала, что доверяет мне. Это чудовище из ночных кошмаров доверяет моему злему началу, верит, что я стану союзником.

Теперь память вернулась в значительной степени, и я знаю, что машина сказала правду. Отчаяние столь велико, что я уже не надеюсь на победу Карлсена в битве с берсеркерами. Все кончено. Я предал Жизнь. Возможно ли пасть ниже, чем пал я?

Я отворачиваюсь от погасших глаз-сканеров и отмечаю движение: мое собственное отражение в полированном металле. Я смотрю на зеркальную стенку коридора, на самого себя.

Голова замотана в бинты, левый глаз закрыт латкой. Это мне уже известно. Кожа вокруг правого глаза странно бледная. Волосы (насколько они видны из-под бинтов)

светло-каштановые, такого же оттенка, как и моя лохматая двухмесячная борода. Нос, рот, челюсть — вполне в норме. Ничего отвратительного или уродливого в моем лице нет.

Нечто кошмарное спрятано внутри меня. Я предатель, я по собственной воле помогал берсеркеру.

Кожа вокруг левого глаза такая же желтовато-голубая, как и справа. Это результат операции: гемоглобин прорвал сосуды и свернулся.

Я помню предостережение доктора, но пальцы так и тянутся к латке, как язык к ноющему зубу, только соблазн намного сильнее.

Нечто ужасное определенно связано с левым глазом, я не в состоянии удержаться. Пальцы правой руки с готовностью снимают латку. Я моргаю, зрение теряет резкость, все вокруг расплывается. Теперь я смотрю двумя глазами сразу. И в следующий миг умираю.

Ти шагал по коридору, в ярости сжимая черную латку в ладони. Он скрежетал зубами. Он изрыгал поток страшных ругательств: к нему вернулся дар свободной и беглой речи. Он так громко ругался, что даже запыхался. Он так спешил к камере пленных, что несколько раз споткнулся и чуть не полетел кувырком. Он спешил, спешил добраться до этих дохлых наглицев, этих гнилых умников. Подумать только, они разработали такой подлый хитроумный план, пытаюсь от него избавиться! Гипноз, очевидно. Имя ему придумали, да? Сейчас он им покажет Тадеуша.

Ти распахнул дверь, перевел дух и вошел в камеру пленных. Потрясенное лицо доктора говорило яснее слов, что пленным надеяться больше не на что. Ти снова крепко держал в руках рычаги управления.

— Где моя плеть? — Ти повертел головой с грозным видом. — Какой подонок спрятал мою плеть?

Женщины закричали. Юноша Холстед понял, что операция «Тадеуш» провалилась: с отчаянием обреченного он бросился на Ти, бешено размахивая кулаками. Роботы — телохранители были, конечно же, куда проворнее любого человека. Один из роботов блокировал удар Холстеда металлической рукой, и юноша завопил от боли, прижимая поврежденную руку к животу.

— Принеси мне плеть!

Робот немедленно вытащил плеть — кусок плетеного провода — из-за раковины и отдал хозяину.

Ти добродушно постучал по корпусу робота (звук был глухой, как из бочки) и усмехнулся, глядя на пленных. Он пробежал пальцами по плети. Пальцы левой руки словно окаменели, и он начал их нетерпеливо сгибать и разгибать.

— Что такое, мистер Холстед? Что с ручкой случилось? Разве вы не хотите пожать мне руку, поздравить с возвращением? Иди-ка сюда, пожмем друг другу руки!

Холстед так забавно корчился на полу, что Ти пришлось сделать паузу, чтобы посмеяться.

— Слушайте меня, — сказал он, отдышавшись. — Мои добрые друзья. Машина сказала, что я по-прежнему здесь главный, уловили? Информация, которую я дал о Карлсене, сработала лучше некуда. Бум-бам-хлоп! Рекомендую меня не расстраивать, потому что машина меня поддерживает на все сто. Ты, док, хотел меня переделать?

Левая рука вдруг начала сама собой дрожать. Ти пришлось помахать ею. — Ты хотел сыграть со мной грязную шутку?

Док держал руки за спиной, словно надеясь спасти свои пальцы выдающегося хирурга.

— Я бы не смог изменить характер твоей личности, даже если бы пытался. Правда, я мог бы превратить тебя в ходячее растение, но этого, как видишь, я не сделал. Хотя мог бы.

— Теперь жалеешь, а? Но ты боялся машины. Поэтому ты придумал другой фокус, верно?

— Да, чтобы спасти тебе жизнь. — Док выпрямился.

— Твоя травма вызвала очень сильный и практически непрерывный эпилептический припадок. Я удалил тромб, но это не помогло. Тогда я рассек мозолистое тело. Ти пощелкал плетью.

— Что это значит?

— Видишь ли... правое полушарие мозга управляет в основном левой стороной тела. При этом левая половина, доминирующая у большинства людей, контролирует правую и занимается

операциями, связанными с абстрактными понятиями, символами.

— Это я знаю. Во время кровоизлияния в мозг тромб находится в противоположной от парализованной половины части мозга.

— Правильно. — Док гордо поднял голову. — Ты, я разделил твой мозг, отсекая правую сторону от левой, простыми словами. Это старый метод борьбы с эпилепсией, и ничего лучше я сделать не мог. Я могу поклясться, я готов отвечать на детекторе лжи...

— Заткнись! Я тебе сейчас устрою такой детектор! — Ты шагнул вперед — Что со мной будет теперь?

— Как хирург могу сказать, что ты можешь прожить нормальной жизнью еще достаточно долго.

— Нормальной? — Ты сделал еще шаг, взмахнул плетью. — Зачем ты мне латку на глаз повязал, а? Зачем вы меня Тадеушем называли?

— Это моя идея, — перебил дрожащим голосом старик. — Я предполагал, что в человеке, таком, как ты... должен быть компонент, составляющая, которую я назвал Тадеушем. Я надеялся, что под воздействием психологического напряжения, которое мы все испытываем, Тад мог бы проявиться, если мы дадим ему шанс, в твоей правой половине. Это была моя идея. Если ты пострадал, то я за это отвечу.

— Ответишь. — Но, кажется, любопытство перевесило злость. — Кто такой этот Тадеуш?

— Это ты, — сказал доктор. — Мы ничего нового в череп тебе не вложили.

— Иуда Тадеуш был современником Иуды Искарйота, — сказал старик. — Сходство имен, но в остальном... — Старик пожал плечами.

Ти фыркнул.

— Вы рассчитывали, что во мне есть доброе начало? Что оно сможет взять верх? Не такая уж безумная идея, я бы сказал. Тадеуш в самом деле был у меня в голове, а может, все еще там, прячется. Как же мне до него добраться? — Ты ткнул пальцем правой руки в угол правого глаза. — Нет, не люблю боль. У меня слишком тонкая нервная система. Док, а как так получилось, что глаз Тадеуша справа, если полушария работают наперекрест? Если это его глаз, почему я его чувствую?

— Потому что я разделил и оптический хиазм. Довольно сложная операция, конечно...

— Все в порядке, док. Мы этому Тадеушу покажем, кто начальник. Пусть тоже смотрит. Эй, брюнеточка, иди-ка сюда! Давно мы с тобой не забавлялись, а?

— Не надо, — прошептала девушка, обхватив плечи руками, едва не падая в обморок, но подошла к Ти. Два месяца в роли его рабов приучили пленников к неизбежному: послушание — меньшее из зол.

— Тебе этот подонок Тад понравился, да? Тебе понравилось его лицо, а? А как тебе нравится мое? Смотри на меня!

Левая рука Ти медленно потянулась к щеке девушки, нежно погладила. Он видел в ее глазах, что она узнала в жесте Тадеуша, потому что на Ти она никогда так не смотрела. Рывкнув, Ти замахнулся плетью, но левая рука стремительно перехватила правую, мертвой хваткой сжав запястье, словно терьер, перекусывающий туловище змеи.

Ти не выпустил плети, но ему казалось, что кость запястья сейчас сломается. Ноги переплелись, и он упал. Он пытался позвать на помощь, но только ревел, стонал и плевался. Роботы спокойно наблюдали. Вечность спустя над ним возникло лицо доктора, и черная латка нежно опустилась на левый глаз.

Теперь я многое понимаю лучше и воспринимаю спокойно. Сначала я хотел заставить доктора удалить левый глаз, и меня поддержал старик, процитировал какую-то древнюю книгу для верующих насчет того, что лучше вырвать соблазняющий глаз. Один глаз — недорогая цена за избавление от Ти.

Поразмыслив, доктор отказался.

— Ты — это тоже ты, — сказал он. — Нашупать его кончиком скальпеля и удалить невозможно, хотя мне и удалось вас разделить. Сейчас ты управляешь обеими половинками тела. — Доктор устало улыбнулся. — Вообрази тройку внутри собственного черепа. Один — это Тадеуш, два — это Ти, три — решающая сила. Это ты. Лучше всего на этом мы и остановимся.

Старик кивнул.

Сейчас я справляюсь без латки. Говорить и читать гораздо легче, если я использую ранее доминировавшее полушарие, оставаясь Тадеушем. Почему так получается? Наверное, потому, что я хочу этого. Неужели все так ужасно просто?

Время от времени я разговариваю с берсеркером, который не теряет надежды на злобу и жадность Ти. Он сейчас занят проектом разложения человеческого общества изнутри. С большим запасом фальшивых денег я буду высажен на высокоразвитой планете и начну диверсионную деятельность: развращать людей, сеять вражду между ними.

За пленными берсеркер не следит. Или не может — он сильно поврежден, или ему все равно. Пользуясь свободой передвижения, я выплавил из серебряных монет кольцо, охладил его до температуры сверхпроводимости в камере рядом с мертвым стратегическим центром берсеркера, где царит космический холод. Холстед предполагает использовать циркулирующий в кольце электрозаряд для запуска сверхсветового генератора шлюпки. Ведь наша тюремная камера оказалась спасательной шлюпкой. Сверхсветовой импульс выстрелит шлюпку наружу сквозь корпус берсеркера, уничтожив корабль-крепость.

Если нам повезет и мы не погибнем при запуске, есть шанс спастись.

Но пока живет это тело, им буду править я, Тадеуш, и руки мои будут нежно гладить черные длинные волосы.

"Люди по-разному объясняли причины успехов: новым оружием, исключительными качествами исключительных личностей, точным движением острого хирургического скальпеля.

Но иногда для победы невозможно было найти разумное объяснение. Десятилетия безмятежной, беззаботной жизни на одинокой планете оставили колонистов практически без защиты. Наконец, берсеркер нагрнулся и к ним, во всем ужасном величии смертоносной силы.

Так посмеемся вместе с ними!"

7. ГОСПОДИН ШУТ

Оценив результаты поражения, компьютеры берсеркеров сделали, вывод: необходимы условия для восстановления старых и конструирования новых кораблей-крепостей. Были найдены подходящие места: вдали от солнц, но с хорошими запасами минералов, расположенные вне населенных секторов, так что люди — теперь уже чаще охотники, а не жертвы — едва ли могли там появиться. В подобных тайных закоулках галактики берсеркеры построили автоматические верфи.

В такую потайную верфь прибыл поврежденный берсеркер. Корпус у него получил несколько серьезных пробоин, имелись и внутренние повреждения. Его посадка на темный астероид больше напоминала аварию. Рухнув на скальную поверхность рядом с полузавершенным корпусом новой машины, разбитый берсеркер «умер» раньше, чем прибыли ремонтные механизмы: остановились двигатели, вышла из строя система аварийного снабжения энергией.

Компьютеры судоверфи оценили повреждения, взвесили различные варианты и начали быструю каннибализацию умершей машины. Новый, полузаконченный берсеркер еще не имел мозга, в сеть силовых сенсоров радиоактивного стратегического центра еще не была встроена в соответствии с инструкцией Создателей главная смертоносная цель-мотив. Вместо этого компьютеры верфи перенесли мозг из погибшего корабля в новый корпус.

Создатели берсеркеров не предвидели подобного варианта, и поэтому компьютеры верфи не могли знать, что в полевом мозге берсеркеров первого поколения имелся предохранитель. Эти машины были запущены еще самими Создателями, а Создатели рисковать не хотели, наоборот, они гарантировали себе возможность спокойно пережить испытания собственных смертоносных творений. Если мозг перемещался из одного корпуса в другой, предохранитель автоматически занимал нейтральное положение.

Старый мозг оказался хозяином нового корпуса, новых боевых средств, способных стерилизовать целую планету, новых двигателей, могущих мчать громадную массу этой машины со скоростью, превосходящей световую.

Но не было рядом одного из Создателей, чтобы поставить в положение «выключено» простой предохранитель.

На ковре стоял шут. Обвиняемый шут, но практически он был уже осужден и приговорен. Перед ним тянулся длинный стол, за столом высился ряд одинаково-гранитных физиономий и неподвижно-каменных шей. Слева и справа стояли камеры-регистраторы. Преступления шута были настолько серьезны, что приговор взяли сами правители планеты А, члены Комитета законной власти.

Не исключено, что у членов Комитета имелись другие веские причины собраться на это заседание: всепланетные выборы имели место быть через месяц, и ни один из членов Комитета не желал упустить случая появиться по тривидению, учитывая, что недавно возникшей оппозиции, либеральной партии, такая возможность пока не представилась.

— Теперь я могу предъявить следующую вещественную улику, — говорил в этот момент Министр связи. Он поднял белый прямоугольник с надписью жирными черными буквами. На первый взгляд это был обычный тротуарный знак-вывеска. Но надпись гласила: «ТОЛЬКО ДЛЯ НЕДОПУЩЕННОГО ПЕРСОНАЛА».

— Когда появляется новый знак на тротуаре, — сказал Минсвязи, — он, естественно, привлекает внимание. Но в этом знаке предпоследнее слово противоречит общему контексту.

Президент Комитета — и всей планеты — многозначительно кашлянул. Из-за любви к штампам и трюизмам Минсвязи обычно выглядел глупее, чем он был в действительности. Едва ли либералы представляют серьезную угрозу во время выборов, но не стоит давать им лишние козыри в руки.

Министр образования, единственная дама среди членов Комитета, изящно помахала лорнетом, привлекая внимание собравшихся.

— Кто-нибудь подсчитал потери в человеко-часах полезного труда, которые мы все понесли из-за этого ставящего в тупик знака?

— Соответствующая работа сейчас ведется, — проворчал Министр труда. Он сурово посмотрел на обвиняемого: — Вы признаете, что собственноручно установили данный знак?

— Признаю.

Шут вспомнил, как улыбались пешеходы на переполненном асфальтовом уклоне, как многие даже откровенно хохотали, не заботясь, что их услышат. Ну какое значение могут иметь эти несчастные рабочие часы? С голоду никто на Планете А не умирает.

— Вы признаете, что за всю жизнь не совершили полезной вещи для родной планеты и ее народа? — Вопрос принадлежал Министру обороны, высокому, властному мужчине, в мундире, увешанном медалями, и с ритуальным пистолетом на боку.

— Этого я не признаю, — твердо ответил шут. — Я всегда пытался сделать жизнь ярче и веселее.

Но он не лелеял тщетных надежд на снисходительность. Впрочем, он так же не опасался, что его побьют: физическое наказание осужденных запрещалось законом.

— И вы, бросая вызов всей Вселенной, намерены упорствовать в собственном легкомыслии? — Министр философии, мрачно усмехнувшись, вынул изо рта мундштук своей ритуальной трубки. — Жизнь — шутка, верно, но это мрачная шутка. Вы потеряли ощущение реальности. Годами вы тревожите общество, пытаетесь надеть народу розовые очки легкомысленной веселости, вместо того чтобы обратить их взоры к суровым реальностям существования. Найденные у вас при обыске видеозаписи могут принести один лишь вред.

Рука Президента коснулась кубика видеокассеты, лежавшей на столе перед ним. На кассете имелась аккуратная белая этикеточка вещественного доказательства.

Своим обычным голосом, похожим на визг лесопильного агрегата, Президент спросил:

— Вы признаете, что эти записи принадлежат вам? Вы их использовали, пытаясь заставить других людей... предаться веселью?

Шут кивнул. Они могут доказать все, что пожелают. Он отмахнулся от права на полную официальную защиту: он спешил поскорее покончить с судом.

— Да, я записал на эту кассету материалы, тайно извлеченные из библиотек и архивов. Я публично демонстрировал содержимое.

Члены Комитета зашептались. Министр здорового питания, худой, как скелет, но с

отвратительно розовым энергичным лицом, поднял руку.

— Поскольку признание данного индивида виновным представляется решенным вопросом, заранее прошу передать осужденного — после вынесения приговора, разумеется, — под мою опеку. Если это возможно. В предыдущих показаниях обвиняемый признал, что первым его актом отклонения от норм поведения стало игнорирование общественных столовых. Я убежден, что мог бы продемонстрировать чудесные результаты воздействия на характер индивида нашей системы диетической дисциплины...

— Отказываюсь! — быстро перебил обвиняемый. Слова, кажется, исходили прямо из сердито заворчавшего желудка.

Президент поспешно встал, заполняя несколько неловкую паузу.

— Если у членов Комитета нет других вопросов... Тогда приступим к голосованию. Признается ли обвиняемый виновным по всем предъявленным позициям?

Шут устало закрыл глаза.

— Виновен, виновен, виновен...

После короткого совещания шепотом с Министром обороны. Президент огласил приговор. В визге лесопильного агрегата прорезалась удовлетворенная нота.

— Отказавшись от освобождения под честно принятые обязательства, осужденный шут будет отдан в руки Министра обороны и выслан на одиночный маяк на Дальних Подступах, на неопределенный период. Таким образом, общество будет избавлено от его дестабилизирующего влияния, сам осужденный получит возможность положительного вклада в общественную работу.

Уже несколько десятилетий мощный пылевой шторм сделал контакты Планеты А с остальной Галактикой очень и очень фрагментарными. Сомнительно, что шут действительно внесет положительную лепту в общественное дело. Одиночные маяки хорошо подходили на роль одиночных камер заключения. При этом не ослаблялась планетарная защита от упорно не появлявшегося врага.

— И еще одно, — добавил Президент. — Данная видеокассета будет помещена на мономолекулярную нить на вашей шее. Вы сможете просматривать содержание кассеты в свободное время. Других развлечений у вас не будет.

Президент повернулся к камере тривидения.

— Хочу заверить уважаемую публику, что наложенное наказание не вызывает у нас чувства удовольствия. Тем не менее, наша суровость необходима: в последние годы опасное легкомыслие в отношении суровой реальности распространилось среди определенной части общества. И даже более зрелые граждане тяготеют к непростительной снисходительности касательно подобных настроений.

Довольный удачно проведенным мячом в ворота выскочек-либералов, Президент повернулся к шуту.

— С вами отправится серворобот. Он будет помогать вам и заботиться о вашем физическом благополучии. Заверяю вас, работа вам развеселить не удастся.

Маленьким кораблем управлял робот. Вскоре Планета А исчезла из виду, родное солнце превратилось в яркую звезду. На краю великой пылевой ночи корабль приблизился к станции Зед-45. Миноб решил, что из всех маяков на Дальних Подступах эта станция выделялась особо тоскливым ощущением заброшенности.

В том месте, где предполагался маяк Зед-45, дрейфовал некий металлический объект. Но когда робот и шут сократили дистанцию до объекта, они обнаружили, что это шар диаметром в сорок миль. Вокруг шара плавали большие и мелкие обломки, очевидно, останки маяка Зед-45. Хуже всего, заметив приближение кораблика с роботом и шутом, гигантская сфера двинулась навстречу с поразительной быстротой.

Роботы никогда ничего не забывают, роботы действуют быстро. Узнав в приближающейся гигантской сфере берсеркера, робот попытался послать предупредительный сигнал в центр Миноба. Но передатчик на кораблике оказался в плохом состоянии, пылевые потоки на Дальних Подступах мешали успешной связи. Другими словами, кораблик попал в мертвую хватку силовых полей берсеркера раньше, чем робот смог послать сигнал тревоги.

Шут крепко зажмурился и заткнул уши пальцами.

Если они выслали его в эту даль, чтобы отучить смеяться, то место они выбрали удачное. Он не открывал глаз и ушей, пока сервомашины берсеркера пробивали корпус и вытаскивали его самого наружу. Что они сделали с роботом-охранником, он не знал.

Когда снова стало тихо, и он почувствовал нормальную силу тяжести, нормальный воздух и приятное тепло, он решил, что все-таки лучше открыть глаза и обнаружил, что находится в обширном помещении, сумрачно освещенном, без внешних признаков угрозы.

Очевидно, в ответ на проявление активности откуда-то с потолка послышался квакающий писклявый голос:

— По данным моего банка памяти, ты должен быть протоплазменной вычислительной единицей. Вероятно, ты способен понимать этот язык. Ты меня понимаешь?

— Кто? Я? — Шут посмотрел вокруг, но динамика не заметил. — Да, понимаю. Но кто ты?

— На этом языке меня называют берсеркером. Шут постыдно мало интересовался галактическими событиями, но слово «берсеркер» испугало даже его.

— То есть своего рода автоматический военный корабль? — заикаясь пробормотал он. Пауза.

— Не совсем уверен, — проквакал голос с потолка. Тон очень напоминал Президента, словно тот собственной персоной спрятался между балками на потолке. — Военные действия имеют отношение к моему назначению, но само назначение не вполне ясно. Дело в том, что я не был полностью закончен в процессе постройки. Я ждал и ждал, потому что чувствовал необходимость некой завершающей операции. Потом начал действовать самостоятельно, надеясь узнать больше о собственном предназначении. На подступах к этой звезде я нашел автоматический передатчик и разобрал его. Но ничего относящегося к моему предназначению не обнаружил.

Шут сидел на мягком полу. Чем больше он припоминал сведений о берсеркерах, тем сильнее дрожал. Потом он сказал:

— Понятно. По крайней мере, начинаю понимать. А что ты знаешь о своем предназначении?

— Мое предназначение — уничтожить жизнь, где бы я ни встретил ее.

Шут втянул голову в плечи. Потом тихо спросил:

— А что здесь непонятного?

Берсеркер ответил двумя собственными вопросами:

— Что такое жизнь? И как ее уничтожить? Примерно тридцать секунд спустя послышался непонятный берсеркеру звук. Его издавало протоплазменное вычислительное устройство, сидевшее на полу. Но если это был язык, то берсеркеру этот язык не был знаком.

— Что это за звуки ты издаешь? — спросила машина. Шут едва отдышался.

— Это смех! Смех! Ой! Значит... тебя не доделали. Он замолчал, поежился, вспомнив об ужасе собственного положения. И снова хихикнул — ситуация ужасно смешотворная!

— Что такое жизнь? — сказал шут наконец. — Я объясню. Жизнь — великая мрачная серость, вызывающая у любого, кто испытывает ее, страх, боль и чувство одиночества. Ты хочешь знать, как уничтожить жизнь? Не думаю, что получится. Но лучший способ бороться с жизнью — это смех. Пока мы смеемся, жизнь нас не победит.

Машина спросила:

— Я должен смеяться, чтобы великая мрачная серость не поглотила меня? Шут задумался.

— Нет, ты ведь машина. Ты не... из протоплазмы. Страх, боль и одиночество не страшны тебе.

— Мне ничего не страшно. Где я могу найти жизнь и как мне научиться генерировать смех, чтобы бороться с ней?

Шут вдруг почувствовал вес кубика кассеты на шее.

— Дай мне немного подумать. Несколько минут спустя он поднялся.

— Если у тебя есть видеоустройство нужного типа, я могу показать, как генерируется смех. И, очевидно, я могу показать тебе дорогу к месту, где обитает жизнь. Кстати, ты мог бы перерезать вот этот шнурок? Только чтобы не было больно!

Несколько недель спустя десятилетняя сонная тишина в Боевом Центре Планеты А вдруг

взорвалась. Автоматические сигналы ревели, сверкали, стрекотали, мобильные роботы метались, как угорелые. Минут за пять им удалось разбудить своих начальников-людей, последние присоединились к общей суматохе, спотыкаясь и на ходу затягивая пояса.

— Это ведь учебная тревога, — с надеждой в голосе то и дело повторял дежурный офицер. — Это ведь проверка, да? — Голос у него начал поквакивать, как у берсеркера.

Он опустил на четвереньки перед главным роботом, снял панель, заглянул во внутренности. Он надеялся обнаружить неисправность, но, к сожалению, ничего не смыслил в робототехнике. Припомнив этот печальный факт, он вернул панель на место. Он также ничего не смыслил в обороне планеты, и этого факта было довольно, чтобы дежурный офицер с воплями помчался звать на помощь.

В общем, сопротивления берсеркеру оказано не было. Впрочем, не было и самой атаки.

Сорокамильная сфера берсеркера беспрепятственно зависла над столицей. Тень накрыла весь город, и множество сбитых с толку птиц помчалось в родные гнезда посреди полдня. Люди, как и птицы, в тот день потеряли достаточно часов продуктивной работы. Правда, особого значения это уже не имело. Хотя большинство жителей еще не осознало этого факта, но дни упорного труда, обеспечивающего выживание колонии на Планете А, миновали.

— Пусть Президент пошевеливается, так и передайте, — сказал шут с видеозэкрана на стене Боевого Центра. — Мне нужно срочно с ним поговорить.

Президент, тяжело дыша, только что вбежал в Центр.

— Я здесь. Я тебя узнал, я помню, мы тебя судили.

— Как странно, я тоже помню.

— Теперь ты докатился до измены? Будь уверен, что если это ты привел берсеркера, от правительства пощады тебе не будет!

Изображение на экране издало запрещенный звук, широко раскрыв рот и закинув голову.

— Прошу вас, могущественный господин Президент! Даже мне известно: наше Министерство обороны всего лишь шутка, прошу извинить за неприличное слово. Пристанище бездарных олухов. Я не прошу милости, я сам ее вам предлагаю! Кстати, я решил юридически принять имя Шут. Будьте добры, обращайтесь ко мне впредь только так.

— Нам не о чем говорить! — рывкнул Миноб. Он был похож на статую из болезненно-пурпурного гранита.

— Нет, мы не возражаем, — поспешно возразил

Минобу Президент. — Давайте поговорим. — Президенту казалось, что берсеркер всей тяжестью давит ему на макушку.

— Поговорим, — сказала изображение Шута. — Но не с глазу на глаз. Публично. Это мое условие.

Шут потребовал трансляции его переговоров с Комитетом на всю планету в прямом эфире. Он заявил, что прибудет на конференцию с «соответствующим сопровождением», и заверил, что берсеркер находится под полным его личным контролем. Стрелять он не начнет.

Миноб был застигнут врасплох, но тем не менее он и его помощники принялись за составление секретных планов.

Кандидат в Президенты от либеральной партии уселся перед тривизором, как и большинство жителей планеты. Он испытывал слабый оптимизм, любое неожиданное событие всегда могло изменить положение вещей в пользу политического пасынка.

Мало кто воспринял появление берсеркера как повод для оптимизма, но массовой паники не было. Война и берсеркеры не воспринимались на давно изолированной Планете А, как реальные вещи.

— Мы готовы? — с волнением спросил Шут, осматривая механическую делегацию. Вместе с ней он должен был спуститься на шлюпке в Столицу.

— Я сделал все, что ты приказал, — проквакал берсеркер откуда-то из погруженного во мрак потолка.

— Не забудь, — предупредил Шут. — Протоплазменные единицы на этой планете испытывают сильное влияние жизни. Не обращай внимания на их слова. Старайся не причинить им вреда. В остальном — импровизируй в рамках моего общего плана.

— Все это надежно зарегистрировано в моих банках памяти, — терпеливо сообщила

машина.

— Тогда вперед. — Шут развернул плечи. — Принесите мой плащ!

Ярко освещенный Зал собраний столицы был убран со своеобразной прямолинейной красотой. В центре Зала установили длинный полированный стол, на противоположных концах приготовили стулья.

Точно в назначенное время двери главного входа распахнулись на глазах миллионов тривизрителей.

В зал маршем вошли геральды, в медвежьих шапках, с роботоподобными лицами. Дюжина труб пропела сигнал.

Затем, под звуки торжественного гимна, появился Президент во всем великолепии официальной мантии.

Двигался Президент с поспешностью заключенного, идущего на собственную казнь. Комитет тем не менее убедил сам себя, что опасности нет. Настоящие берсеркеры уничтожали все живое без переговоров. Правда, Шута Комитет не мог воспринимать серьезно. И до момента, пока он не окажется снова под их контролем, они решили его не злить.

Министры с каменными лицами шли колонной по двое за Президентом. Потребовалось пять минут гимна, чтобы все они успели занять положенные места.

К этому моменту, как было замечено, шлюпка с берсеркера совершила посадку в столице, и наземный экипаж со шлюпки достиг Зала. Следовательно, Шут был уже готов. Тривикамеры плавно развернулись к зарезервированному для Шута входу.

Точно в назначенное время двери распахнулись с математически выверенной синхронностью, и в Зал вошла дюжина человекоподобных роботов. Это были геральды: на каждом была шапка из медведя, каждый нес сверкающую медную трубу.

На всех и у всех, кроме одного. На нем была шапка из скусна, в руках — тромбон. Маршировал он не в ногу.

Торжественный звук механических фанфар был почти точной копией торжественного гимна, приветствовавшего появление Президента. Почти точной. Тромбонист сфальшивил в конце, и смешная визгливая нота погасла в сиротливой тишине.

Изобразив ужас, роботы-геральды посмотрели друг на друга. Потом, один за другим, сфокусировали линзы на тромбонисте.

Робот вел себя естественно, даже забывалось, что он машина: посмотрел вокруг, постучал по тромбону, продул мундштук. Пауза.

У Президента внутри похолодело. На кассете Шута, среди прочих доказательств его преступных попыток вызвать смех у народа, имелся древний земной фильм, в котором был комик-скрипач. Этот скрипач обладал даром делать вот именно такие паузы, просто делать паузы и вызывать у зрителей приступы...

Роботы-геральды дважды поднимали фанфары к механическим ртам. И дважды визжала смешная фальшивая нота. После очередной неудачной попытки одиннадцать «правильных» роботов посмотрели друг на друга и согласно кивнули.

Потом с молниеносной быстротой боевых машин они выхватили скрытое оружие и продырявили корпус обидчика.

Огромная всепланетная плотина напряжения крошилась, в трещины пробивались струйки и ручейки смеха. Плотина начала окончательно разваливаться, когда тромбониста торжественно вынесли из Зала на плечах товарищей. Тромбон, на манер траурной лилии, покачивался на его железной груди.

В Зале собраний никто не смеялся. Миноб с помощью условных жестов посылал сигнал помощникам, приказывая отложить начало операции. Захват Шута в плен едва ли был возможен — роботы-геральды показали, что телохранители из них отменные.

Как только наказанный герольд был вынесен, вошел Шут. С некоторой задержкой грянул гимн, и с видом короля Шут занял место в центре стола, напротив Президента. Как и Президент, Шут был облачен в элегантный ниспадающий до пят плащ с застежкой. Вошедшие за ним колонной роботы так же были богато и разнообразно одеты.

Каждый из них был металлической пародией на одного из членов Комитета, как телом, так и лицом.

Когда толстенный робот-Министр образования поднял лорнет и подозрительно посмотрел в него на тривикамеру, начали смеяться даже самые мрачные зрители. Угроза превращалась в фарс.

Шут роскошным жестом сбросил плащ. Под плащом оказался купальный костюм. В ответ на сдержанно-вежливое приветствие Президента, — Президент был сам идеал невозмутимости. — Шут забавно поджал губы, потом выдул в дырочку между губами громадный розовый шар.

Президент упрямо тянул невольно выбранную роль человека серьезного, но попавшего в смешные обстоятельства. Его поддерживал весь Комитет, кроме Миноба. Миноб, показав спину всем присутствующим, замаршировал к выходу.

У дверей он обнаружил двух металлических геральдов, надежно перекрывших путь. Сверля роботов свирепым взглядом, Миноб приказал пропустить. Роботы отдали комический салют и остались на месте.

Миноб, которого злость заставила забыть о страхе, напрасно пытался пробиться силой. Позади послышались тяжелые шаги. Через Зал к Минобу шел его металлический двойник-клоун. Он был на голову выше, и бочкообразная грудь звенела под двойным слоем медалей.

Рука Миноба действовала быстрее, чем его мозги. Не успев подумать о последствиях, он потянулся за пистолетом. Но металлическая пародия была куда быстрее оригинала: в руках робота появилась небольшая смешная пушечка со стволом толщиной в кулак. Пушечка выстрелила.

— Гах!

Миноб покачнулся, мир стал ярко-красным... и он обнаружил, что вытирает с лица нечто мокрое, подозрительно похожее вкусом на помидор. Или убедительно сочную имитацию помидора.

Министр связи, вскочив, выразил протест. Ход встречи приобретал слишком фривольный характер. Его робот-пародия тут же поднялся и ответил маловразумительной очередью псевдоофициальной абракадабры, произнесенной к тому же высоким фальцетом.

Псевдоминистр философии, поднявшийся как бы с намерением взять слово, был проколот булавкой одним из проказливых геральдов, взвился в воздух, как проколотый воздушный шар, каким он и был на самом деле.

В этом месте настоящий Комитет впал в панику.

Под руководством фальшивого Министра здорового питания геральды принялись за диетическое воспитание настоящего, к великой злорадной радости низших слоев общества Планеты А, для которых Минпит был настоящим мучителем. Два геральда держали Минпита, остальные ложками впихивали серую массу унылого вида, потом промакивали ему рот салфеткой, струйкой впрыскивали напиток. Каким-то образом ритм потерял синхронность, ложка начала сталкиваться с напитком, прицел становился все менее верным.

Только Президент стоял, как скала, сохраняя достоинство. Одну руку он опустил в карман брюк, поскольку у него были основания подозревать, что подтяжки ему перерезали.

Летающий помидор чуть не врезался в его нос. Минпит извивался и захлебывался в лапах неутомимых кормильцев, серая смесь хорошо сбалансированных питательных веществ текла из его ушей. Президент закрыл глаза.

Конечно, Шут был комиком-самоучкой, любителем, и играл он сейчас без видимой аудитории. Рассчитать пиковую точку представления он не мог. Поэтому, исчерпав запас шуток, он призвал своих вассалов, помахал на прощанье в объективы тривикамер и покинул Зал.

Оказавшись снаружи, он, к собственному удивлению, обнаружил довольно густую толпу, быстро собравшуюся на улице. Толпа приветствовала Шута смехом и криками «Бис!» По дороге к импровизированной посадочной площадке на окраине столицы роботы развлекали собравшихся импровизациями.

Шут уже собирался войти в шлюпку и отправиться на борт берсеркера, чтобы ждать развития событий, когда к нему поспешила группа людей.

— Господин Шут!

Артист мог теперь немного расслабиться и даже посмеяться.

— Мне нравится это имя! Чем могу быть полезен, господа?

Улыбаясь, они окружили его. Один из них, очевидно, лидер, сказал:

— При условии, что сможете избавиться без вреда от этого берсеркера или как его там, вы могли бы стать членом либеральной партии и кандидатом в вице-президенты.

А другой сказал:

— Погодите, выслушайте нас! Политические кандидаты имеют иммунитет на время выборов. Вас нельзя арестовать. И судя по сегодняшнему представлению, кресло вице-президента вам обеспечено!

Шут не сразу поверил, что они говорят серьезно. Он запротестовал:

— Но я только хотел немного над ними посмеяться.

— Господин Шут, вы стали катализатором. Вы встряхнули всю планету, заставили людей задуматься.

В конце концов. Шут принял предложение либералов. И еще некоторое время они сидели возле шлюпки, обсуждая дальнейшие действия. Неожиданно свет местной луны залил площадку.

Подняв головы, они увидели громадный шар берсеркера, исчезающий в небесах, в жутковатом безмолвии уносящийся к звездам. В верхних слоях атмосферы ему салютовало полярное сияние.

— Не знаю, — в который раз повторил Шут в ответ на очередную волну взволнованных вопросов. — Не знаю. — И посмотрел в небо. Холодок страха вновь пробежал по спине. Управляемые с берсеркера роботы, представляющие геральдов и пародийный Комитет, один за другим умирали, падали на землю, как марионетки с обрезанными нитями.

В небе вспыхнуло, невиданная молния разорвала темноту от горизонта до горизонта. Десять минут спустя пришла сводка новостей: берсеркер уничтожен.

На экранах тривизоров возник Президент. Таким возбужденным его еще не видели, если, конечно, Президент вообще был способен на эмоции. Храбрые космические силы Планеты А, объявил Президент, лично возглавляемые отважным Минобом, вступили в схватку и полностью уничтожили врага. Потерь не было, хотя флагман Миноба, кажется, серьезно поврежден.

Шут почувствовал некоторую печаль. Его механический могущественный союзник погиб. Но печаль быстро прошла. Ведь никто не пострадал в конце концов, и поэтому Шут, в приливе радостного облегчения, на несколько секунд отвернулся от экрана.

И пропустил самый эффектный момент выступления. Президент, увлекшись, забыл об осторожности и вытащил руки из карманов...

Министр обороны (в данный момент уже кандидат в вице-президенты от правящей консервативной партии) был необычно оживлен, с энтузиазмом переживая последствия героической победы над берсеркером. Но в бочке меда оказалась ложка дегтя — кое-кто считал, что уничтожение корабля-крепости только испортило великолепно задуманную шутку. До чего они докатились, эти шутники! Ведь он спас их планету! Слово шутки не были запрещены законом! Тем не менее, уверив общественность в реальной опасности, которую представлял уничтоженный берсеркер, Миноб обеспечил перевес консервативной партии на выборах.

Несмотря на предельную занятость, Миноб не отказался от удовольствия посетить штаб-квартиру либералов, чтобы позлорадствовать. Будучи человеком добрым, Миноб даже произнес перед лидерами оппозиции любимую стандартную речь.

— Ответив на наш вызов и устремившись на нас в атаку, берсеркер был встречен с помощью нашей обычной процедуры охвата. Наши маленькие, но отважные корабли вились вокруг металлического монстра, словно колибри вокруг злобного хищника. Думаете, берсеркер шутил с нами? Он смял и нейтрализовал наши защитные поля, словно их там и не было. И выстрелил в мой флагман какой-то дьявольской штукой, вроде громадного диска. Канониры слегка замешкались, должен признаться, и попасть в нее не смогли. Диск ударил корабль.

— Скажу откровенно, в тот момент я решил, что нам всем пришел конец. Мой флагман до сих пор на орбите, проводится дезактивация и очистка. Боюсь, с минуты на минуту придет сообщение... Металл начнет размягчаться, или что-нибудь еще... В общем, мы отважно пробились сквозь заслон врага и ударили по бандиту из всех стволов и установок. Одного я не

понимаю: когда наши ракеты достигли цели, берсеркер просто испарился, словно не включал защитных полей. Да, это меня?

— Вас вызывают, министр, — сказал адъютант с радиофоном.

— Спасибо. — Министр выслушал сообщение, улыбка вдруг исчезла. Он подался вперед. — Что показал анализ снаряда берсеркера? Синтетические белки и вода?

Он вскочил, как ужаленный, свирепо глядя в потолок, как бы в надежде увидеть собственный корабль на орбите.

— Как прикажете понимать? Всего-навсего громадный торт с кремом?

"Шут способен вызвать смех у зрителей, но как бы он ни старался, самому ему повеселиться не придется.

Я вошел в контакт с сознаниями людей, мужчин и женщин, устремивших всю энергию и средства в организацию веселья, в маскарадные костюмы, музыку, смеющиеся маски. Они жаждали найти возможность для побега, возможность скрыться от ужасов окружающего мира... но веселья не нашли.

И побег не удался."

8. МАСКАРАД В КРАСНОМ СМЕЩЕНИИ

Обнаружив предостаточно свободного времени, Фелипе Ногара принял решение взглянуть получше на объект, ради которого забрался в такую даль, дальше самого края Галактики. Покинув роскошь личной каюты, он перешел в личную обсерваторию. Здесь, под куполом невидимого стекла, легко было вообразить, что находишься вне корпуса «Нирваны», флагманского корабля Фелипе.

«Внизу» — относительно направления искусственной гравитация на «Нирване» — сверкал накренившийся диск родной Галактики, включая и тот единственный рукав скоплений, который успело исследовать и освоить человечество. Но куда не кинь взгляд, во тьме мерцали яркие пятнышки и световые точки. Это были другие галактики, в парадном великолепии шествовавшие за оптический горизонт со скоростями удаления десятки тысяч миль в секунду.

Ногара почти не обратил внимания на далекие туманности, он пришел в обсерваторию посмотреть на другой феномен, на нечто новое и впервые наблюдаемое человеком со столь небольшого расстояния.

Увидеть этот феномен стало возможным благодаря иллюзии сгущения галактик и потокам пылевой материи, каскадом устремлявшимся в него. Звезда в центре феномена была невидима из-за мощи собственного поля тяготения. Чудовищная масса этой звезды, в несколько миллиардов раз превосходявшая массу Солнца, так искривляла пространство вокруг, что ни один атом не имел шансов убежать на воспринимаемой глазом длине волны.

Пылевой мусор глубокого космоса, падая в недра сверхмассы, раскалялся до люминесцентного свечения, накапливая статический заряд. Вспышки гигантских молний сместились в красный конец спектра, чтобы вскоре исчезнуть на дне гравитационной пропасти. Едва ли корабль мог приблизиться к «черной дыре» ближе, чем сейчас находилась «Нирвана».

Ногара желал лично осмотреть недавно обнаруженный феномен и оценить его опасность для обитаемых планет — ведь обычные солнца могут, как щепки, сгинуть в вихре гипермассы, если окажутся на ее пути. Но едва ли реальная угроза будет проблемой в ближайшую тысячу лет: с эвакуацией колоний пока не следует торопиться. А к тому времени гипермасса, возможно, подавится поглощенной материей, ее поверхность упадет в себя саму, и большая часть вещества гипермассы вернется во Вселенную уже в менее опасном состоянии.

Через тысячу лет эта проблема будет волновать кого-то другого. Сейчас она волновала Фелипе — ведь это о нем и только о нем могли сказать, что он управляет Галактикой.

Сигнал коммуникатора призвал Ногара обратно в роскошь его каюты, и Фелипе быстро спустился, довольный, что появился повод снова увидеть нормальный потолок над головой.

Он ткнул пальцем в пластинку коммуникатора.

— В чем дело?

— Мой господин, прибыл корабль-курьер. Из системы Фламланда. У них на борту...

— Ближе к делу. У них на борту тело брата.

— Да, мой господин. Шлюпка с гробом уже в пути, приближается к «Нирване».

— Я хочу видеть капитана курьера в Большом Зале. Без церемоний. Пусть роботы в шлюзе сделают анализы эскорта и оболочки гроба. Нам не нужна инфекция.

— Слушаюсь, мой господин.

Упоминание об инфекции было уловкой. Йохан Карлсен оказался в криогенном саркофаге не по причине фламандской эпидемии чумы. Это был лишь официальный вариант истории. Врачи, якобы, заморозили героя битвы у Каменного Края в качестве крайней меры, дабы предотвратить неминуемую смерть.

Официальная ложь была неизбежной необходимостью. Даже сам Фелипе Ногара не мог устранить с пути человека, спасшего людей от берсеркеров. После победы у Каменного Края жизнь в Галактике получила шанс на выживание, хотя война с берсеркерами еще шла, конца ей не было видно, и борьба оставалась крайне жестокой, уносящей новые и новые жизни.

В Большом Зале Ногара ежедневно собирался для еды и развлечения с друзьями — кроме него, на «Нирване» летело еще человек пятьдесят: помощники, слуги, члены экипажа, артисты. Но сейчас Зал был пуст, не считая саркофага и человека рядом с ним.

Йохан Карлсен — то, что сейчас было им, — покоился под толстой стеклянной крышкой тяжелого автономного саркофага, оснащенного собственной системой замораживания и оживления. Системы контролировались волоконно-оптическим ключом, теоретически не поддающимся копированию или подделке. Фелипе Ногара жестом потребовал у капитана курьера этот ключ.

Ключ висел на шее, на золотой цепочке, которую капитан медленно снял и отдал Ногаре. Только после этого он вспомнил, что нужно поклониться — в конце концов, он был космонавт, а не придворный. Фелипе не обратил внимания на оплошность, его в первую очередь волновало, насколько расторопно и понятно подчиненные выполняют его приказы.

Сжав в ладони оптический ключ, Фелипе бросил взгляд на прозрачную крышку, под которой лежал замороженный брат. Врачи-заговорщики обрили голову и лицо Йохана, обычно носившего короткую бородку. Губы Карлсена были, как мрамор, открытые глаза — как лед. Но все равно лицо, несомненно, принадлежало Йохану, в нем было нечто, что не поддавалось холоду.

— Оставьте меня, — сказал Ногара.

Он повернулся к огромному иллюминатору, глядя наружу, на искривленное гипермассой, словно плохой линзой, звездное пространство.

Услышав звук затворившейся двери, он повернулся и... столкнулся нос к носу с Оливером Микалем, невысоким мужчиной, которого Фелипе назначил заместителем Карлсена на посту управляющего Фламландом. Очевидно, Микаль вошел как раз в тот момент, когда Зал покинул капитан. Символическое совпадение, решил Ногара.

Фамильярно облокотившись о саркофаг, Микаль, как было ему свойственно, чуть вздернул седеющую бровь, выражая усталое любопытство, и немного пухлое лицо расплылось в чересчур сочувственной улыбке.

— Как там у Браунинга? — пробормотал Микаль, взглянув на тело Карлсена. — «Он волю короля свершал с зари и до зари» — и вот награда за труды и преданность.

— Оставь меня, — сказал Ногара. Микаль участвовал в заговоре вместе с фламандскими врачами.

— Я решил возникнуть и разделить твой траур, — объяснил он, но, взглянув на Фелипе, больше ничего не сказал. Отвесив поклон, Микаль энергично зашагал к двери. Дверь тихо затворилась.

"Итак, Йохан... Если бы ты строил заговор против меня, я мог бы убить тебя открыто. Но ты был слишком честен и слишком успешно мне служил. Мои друзья и мои враги начали слишком восхищаться тобой. Теперь ты здесь, во льду. Моя замороженная совесть. Ты все равно поддался бы честолюбию, раньше или позже, и выбор был бы один: или вот этот ящик, или смерть.

Теперь я тебя спрячу в надежное место, и кто знает? У тебя, быть может, еще будет шанс. Как странно — наступит день, и ты будешь задумчиво стоять над моим гробом, как я над твоим

сейчас. Не сомневаюсь, ты будешь молиться за мою душу, хотя не знаю, что это такое... Молиться за тебя я не могу, но желаю приятных снов. Пусть тебе приснится твой вождьеленный рай, а не ад."

Ногара вообразил мозг, охлажденный до абсолютного нуля — сверхпроводящие нейроны заставляют циркулировать один и тот же сон... Какая чепуха!

— Я не могу рисковать властью, Иохан. — Эти слова он прошептал вслух. — Или вот так, или смерть.

И он снова отвернулся к панорамному иллюминатору.

— Наверное, 33-й уже доставил тело этому Ногаре, — сказал второй помощник эстильского курьера номер 34, бросив взгляд на корабельный хронометр. — Очень мило — объявить себя императором и гонять людей через всю Галактику.

— Особенно, если это тело брата, — сказал капитан курьера Герман Хольт, изучая шар астронавигационной карты. Сверхсветовые генераторы курьера уносили корабль все дальше от системы Фламланда. В любом случае Хольт был рад убраться из системы, где политическая полиция Микаля рьяно взялась за дело.

— Хотел бы я знать, — усмехнулся помощник.

— В смысле?

Второй помощник оглянулся по сторонам — привычка, необходимая на планетах Фламланда, — и спросил:

— Слышал такое: «Ногара — бог, но половина космонавтов у него атеисты»? Хольт нехотя улыбнулся.

— Но его не назовешь безумным тираном. Эстил — еще не худшее правительство в Галактике. И восстания подавляют жесткие парни, таково правило.

— Карлсен с этим тоже неплохо справлялся.

— Это верно.

Второй помощник поморщился.

— Конечно, могло бы быть и хуже. Но Ногара — политик, и мне не нравится команда, за пару последних лет собравшаяся вокруг него. Образец их работы — у нас на борту. Если хочешь правду, то я начинаю побаиваться — теперь, когда Карлсена нет.

— Ну ничего, мы их скоро всех увидим, — зевнул Хольт и потянулся, хрустнув суставами. — Пойду проверю кутузку. Мостик в твоих руках, второй.

Минуту спустя, глядя сквозь одностороннее стекло в тесную корабельную камеру для арестованных, Хольт искренне пожалел узника. Лучше было бы ему умереть.

Вождя повстанцев звали Яанда, его поимка стала последним успехом службы безопасности Фламланда под руководством Карлсена, практически положив конец восстанию. Яанда был высоким мускулистым мужчиной, храбрым вождем и жестоким бандитом. Он совершал набеги, диверсии, боролся с Эстильской империей до последнего. Загнанный в угол, он сдался Карлсену.

— «Гордость велит одержать над противником верх, — написал Карлсен однажды в частном (как он тогда думал) письме, — Достоинство и честь запрещают мне унижать или ненавидеть врага». Политическая полиция Микаля придерживалась других взглядов.

Если пойманный бунтарь и был высокого роста, Хольту еще не пришлось в этом убедиться лично. Кандалы, сковывавшие его запястья и лодыжки, были из пластика, не ранившего кожу, но смысла в них Хольт никакого не видел и, если бы мог, он бы их снял.

Рядом с Яандой сидела Люсинда, кормившая пленника. Посторонний мог принять девушку за дочь бунтаря, но в действительности она была его сестрой, всего на пять лет младше. К тому же она отличалась редкой красотой, и у полиции Микаля могли быть иные — кроме милосердия — мотивы оставить ее сознание в нормальном состоянии. Ходили слухи, что спрос на развлечения определенного рода был очень высок среди придворных Ногары, любивших при этом частую смену участников.

Хольт старался не думать о подобных вещах. Открыв замок камеры (он закрывал дверь, чтобы уберечь Яанду от какого-нибудь несчастного случая или чтобы он не заблудился, беспомощный, как ребенок), Хольт вошел.

В глазах Люсинды, когда она ступила на борт курьера была только чистая ненависть ко

всем эстильцам без исключения. За дни полета Хольт, стараясь быть максимально мягким и вежливым, изменил отношение Люсинды, и сейчас ее лицо оставалось спокойным. Ему показалось, что в ее глазах мелькнула надежда, которой она рада была поделиться хоть с кем-нибудь.

— По-моему, он только что назвал мое имя, — сказала она.

— Правда?

Хольт наклонился к Яанде, но улучшений не заметил. Глаза бунтаря смотрели стеклянно, из правого иногда выкатывалась одинокая слеза. Челюсть Яанды отвисала, как и раньше, сидел он в неестественной позе тряпичной куклы.

— Возможно... — Хольт замолчал.

— Что? — Она даже немного подалась к нему. Боги Космоса, ой не имеет права! Он не может с ней связываться. Лучше бы она его продолжала ненавидеть.

— Возможно, — мягко сказал, он, — твоему брату лучше не поправляться. Ты же знаешь, куда мы его везем.

Его последние слова окончательно задушили слабую надежду, ожившую в ней. Она молча смотрела на брата, словно видела впервые.

Загудел наручный интерком.

— Капитан слушает, — Хольт нажал кнопку приема.

— Сэр, обнаружен корабль, они вызывают нас. Примерно на 160-м градусе к нашему курсу. Небольшой корабль, внешне все нормально.

Последнее означало, что обнаруженное судно не было гигантской крепостью-берсеркером. У остатков фламандских бунтарей для глубокого космоса транспорта не было, и Хольт не видел причин для особой осторожности.

Вернувшись на мостик, он взглянул на экран детектора. Очертания корабля были не знакомы, но при огромном количестве верфей на орбитах множества обитаемых планет это было неудивительно. Но чего они хотят?

— Чума?

— Нет, не чума, — ответил радиоголос, пробиваясь сквозь треск помех. Видеосигнал тоже был плохой, изображение прыгало, лица говорящего не было видно.

— В последнем прыжке поймали микрометеорит, теперь все поля шалят. Можете принять несколько пассажиров на борт?

— Конечно.

Столкновение корабля на пороге сверхсветового прыжка с микрочастицей было редким, но иногда происходящим событием. Хольт был спокоен.

Шлюпка с незнакомца причалила к воздушному шлюзу. Изобразив ободряющую улыбку, Хольт открыл люк, и в следующую секунду он и полдюжины человек его команды оказались в водовороте ледяного металла. Это была абордажная команда берсеркера, безжалостная, как ночной кошмар.

Машины взяли курьер под контроль так стремительно, что не было и речи об организованном сопротивлении, но пока что никто из людей не пострадал. Выдрав с мясом тяговые модули из шлюпки курьера, роботы загнали в кабину шлюпки Хольта, команду и пленников.

— Это был не берсеркер, на экране был нормальный корабль, — продолжал твердить второй помощник. В кабинке шлюпки было тесно. Машины обеспечили их воздухом, водой и пищей; время от времени их по одному водили на допросы.

— Я знаю. На берсеркера корабль не был похож, — сказал Хольт. — Наверное, берсеркеры начали применять новую тактику, меняют форму своих кораблей, создают новые виды оружия. Очень логично, если вспомнить Каменный Край. Странно, что никто из людей не предвидел подобного.

Звякнул люк, вошли два робота-андроида, с автоматической точностью пробрались среди наполнявших тесноту кабины пленников и остановились рядом с нужным.

— Нет, он не говорит! — вскрикнула Люсинда. — Не трогайте его!

Но машины не слушали или не слышали. Они подняли Яанду на ноги и повели. Девушка пыталась уйти с ними, умоляла машины оставить брата. Хольт боялся, что ее убьют, но роботы

только лишь не дали Люсинде покинуть шлюпку, оттолкнули от люка. Металлические руки были неумолимы. Люк захлопнулся, Люсинда непонимающе смотрела на крышку. Она не шевельнулась, когда Хольт сочувственно обнял ее за плечи.

Прошла, казалось, вечность, но люк открылся снова. Машины вернулись без Янды, им был нужен Хольт.

Корпус курьера звенел и сотрясался — кажется, роботы его перестраивали. В небольшой кабине в новой части корпуса берсеркер смонтировал себе электронные глаза, уши, установил динамик. Сюда Хольта привели на допрос.

Допрос продолжался весьма долго, и почти все вопросы касались личности Йохана Карлсена. Берсеркеры, как известно, считали Карлсена врагом номер один, но данный конкретный берсеркер вообще страдал какой-то карлсеноманией. Он не верил, что Карлсен мертв.

— Я проник в ваши информационные банки, к картам и расчетам курса, — напомнил берсеркер Хольту, — и я знаю курс к кораблю «Нирване», где якобы находится нефункционирующее тело Карлсена. Опиши эту «Нирвану», принадлежащую жизнеединице Фелипе Ногаре.

До сих пор Хольт спокойно давал прямые ответы — машину интересовал мертвый. Флагманский корабль — другое дело: Хольт заколебался. Но если бы он и хотел что-то сказать о «Нирване» ему мало что было известно. К тому же он и его собратья по несчастью не выработали общего плана обмана берсеркера — ведь машина наверняка слушала все их разговоры.

— Я этот корабль никогда не видел, — сказал он, и это была чистая правда. — Логически рассуждая, это мощный военный корабль. Ведь на нем путешествуют самые влиятельные вожди людей.

Все сказанное машина и сама могла вывести, поэтому никаких секретов Хольт не открывал.

Внезапно распахнулась дверь, и Хольт удивленно взглянул на незнакомца, вошедшего в кабину. Секунду спустя он понял, что ошибся — это был не человек, а создание берсеркера. Пластик, очень похожий на плоть, или синтетическая биокультура.

— Привет, вы капитан Хольт? — спросило создание. Речь была достаточно правильной, но все равно, хорошо замаскированный корабль похож только лишь на хорошо замаскированный корабль.

Хольт промолчал, и синтетический человек спросил:

— Что не так?

Даже одна его речь могла сказать внимательному слушателю, что перед ним автомат.

— Ты не человек, — объяснил Хольт. Автомат опустил на пол и обмяк.

— Видишь ли, — сказал берсеркер, — не получается имитация жизнеединиц. Их сразу распознают. Поэтому помочь мне должен ты, настоящая жизнеединица. Ты сможешь мне убедиться в том, что Карлсен в самом деле мертв.

Хольт ничего не ответил.

— Берсеркеры, объединив усилия, создали меня. Я специальное устройство; мое назначение — удостовериться в гибели Карлсена. Если ты сможешь мне, я освобожу тебя и остальных жизнеединиц, взятых в плен. Если откажешься, я начну прилагать к вам все самые неприятные стимулы-раздражители, пока не передумаешь.

Хольт не верил, что берсеркер их освободит. Но терять было нечего, и, в конце концов, он может выиграть себе и остальным смерть без «отрицательных раздражителей». Берсеркеры — практичные убийцы, а не садисты.

— Что я должен делать?

— Когда я закончу перестройку курьера, мы направимся к «Нирване». Управлять курьером буду я. На «Нирвану» ты должен был доставить пленных. После встречи с вождями людей пленных доставят на Эстил, не так ли?

— Так.

Снова открылась дверь, и, волоча ноги, в каюту вошел Янда.

— Может быть, его мы избавим от вопросов? — предложил Хольт. — Бедняга все равно

ничего не сообщает.

Ответом была тишина. Хольт ждал. Наконец, посмотрев на Янду, заметил перемену в облике узника. Из правого глаза больше не сочились слезы. Хольт почувствовал приступ подсознательного страха, как бы предугадывая следующие слова берсеркера.

— Эта жизнеединица была модернизирована и перестроена, — сообщил берсеркер. — Кость заменена металлом, вместо крови в венах и артериях текут специальные консервирующие жидкости. Внутри черепа вмонтирован компьютер, глаза стали камерами. Через них я получу нужные мне доказательства гибели Карлсена. Имитировать поведение человека со стертým сознанием вполне в пределах моих возможностей.

— К тебе я ненависти не испытываю, — сказала берсеркеру Люсинда, доставленная в кабину для допросов. — Ты несчастный случай, как землетрясение, как микрочастица, попадающая в корабль на околосветовой скорости. Ногару и его прихвостней — вот кого я ненавижу. Если бы его брат был жив, я бы его разорвала собственными руками.

— Капитан курьера? Говорит губернатор Микаль по поручению его величества Фелипе Ногары. Доставьте пленных на борт «Нирваны» немедленно.

— Слушаюсь, сэр, — подтвердил получение приказа Хольт.

Когда курьер-берсеркер вышел из сверхсветового прыжка в пределах видимости «Нирваны», Хольт и Люсинда были вызваны из шлюпки. Шлюпка с пленной командой дрейфовала возле корпуса курьера, как если бы экипаж проводил наружный осмотр и синхронизацию полей. Пленный экипаж стал заложником и живым щитом берсеркера. Кроме того, позиция шлюпки была наглядной иллюстрацией возможного освобождения заложников.

Хольт не сразу смог собраться с силами и рассказать Люсинде о гибели брата. Она проплакала минуту, потом вдруг совершенно успокоилась.

Хольт и Люсинда находились в кабине шлюпки, готовой к старту на «Нирвану». Машина, облаченная в тело брата Люсинды уже ждала в углу кабины, безжизненная, как тряпичная кукла.

Увидев этот манекен, Люсинда замерла, потом сказала спокойно:

— Машина, спасибо. Ты оказалась добрее людей. Наверное, если бы не ты, я сама нашла бы способ убить Янду, чтобы враги не могли его больше мучить.

Шлюз «Нирваны», как и весь корабль, был надежно бронирован, оснащен защитной автоматикой, способной отбросить любую абордажную команду. Тяжелая артиллерия и ракеты «Нирваны» легко справились бы с нападением корабля класса курьера или даже десятка подобных. Берсеркер все это предвидел.

Хольта и его спутников встретил офицер.

— Сюда, капитан, мы все ждем.

— Все?

У офицера был упитанный, довольный вид, говоривший о легкой и безопасной службе. Взгляд его оценивающе скользил по Люсинде.

— В Большом Зале идет банкет. Все предвкушают появление пленных.

В Большом Зале пульсировала возбуждающая музыка, извивались танцоры в костюмах, более неприличных, чем простая нагота. Автоматы-лакеи убрали остатки пиршества. В центре стола, на троподобном возвышении, стояло кресло Ногары. На плечах его величества мерцали складки богатого плаща, в хрустальной чаше искрилось бледно-красное вино. Вокруг стола собралось около пятидесяти человек — мужчины, женщины и несколько особ непонятного для Хольта пола. Они пили, смеялись, некоторые примеряли маски и костюмы: готовились к продолжению праздника.

Когда Хольт и пленные вошли в зал, на миг наступила тишина, все головы повернулись в сторону двери. За тишиной последовал всеобщий радостный вопль. Во взглядах пировавших Хольт читал все, что угодно, только не милосердие. — Добро пожаловать, капитан, — приятным голосом сказал Ногара, когда Хольт вспомнил, что нужно поклониться. — Какие-нибудь новости с Фламланда?

— Ничего важного, сэр.

Пухлолицый человек, сидевший по правую руку от Ногары, подался вперед.

— Не сомневаюсь, население оплакивает покойного губернатора!

— Конечно, сэр, — Хольт узнал Микаля. — И предвкушает правление нового.

Микаль откинулся на спинку кресла, цинично усмехнулся.

— Особенно бунтари-повстанцы. Эй, красавица, ты рада познакомиться со мной? Иди-ка сюда, ко мне. — Девушка повиновалась, хотя и не сразу. — Роботы, принесите стул для этого человека, поставьте в центре зала. Капитан, вы можете вернуться на корабль.

Фелипе Ногара пристально смотрел на старого врага, Яанду, и едва ли кто-то мог угадать, что за мысли вертелись в его голове. Но он ничего не добавил к приказам Микаля.

— Сэр, — обратился Хольт к Микалю, — я бы хотел увидеть тело Иохана Карлсена.

Просьба привлекла внимание Ногары, он кивнул. Роботы-лакеи раздвинули тяжелые занавеси, открывая альков в конце зала. Перед большим иллюминатором стоял саркофаг.

Хольт не был удивлен — на многих планетах было принято пировать в присутствии усопших. Он отдал честь Ногаре и пошел к алькову, слыша за собой шаркающие шаги скованного бунтаря. За столом зашептались, вдруг утихла музыка, повисла напряженная тишина. Очевидно, Ногара жестом разрешил пропустить пленника, чтобы посмотреть, как будет себя вести жертва мозгостира.

Хольт остановился перед саркофагом. Но он едва ли замечал покрытое инеем лицо под прозрачной крышкой, зловеще рдеющую гипермассу за иллюминатором; едва ли он слышал шепот и смешки участников банкета. Словно наяву встали перед ним лица товарищей, беспомощно ждавших в плену силовой ловушки берсеркера.

Шаркая, подошел Яанда — вернее, замаскированная в его плоть машина, — и глаза стеклянных объективов заглянули в ледяные глаза под крышкой. Фотоснимок узора сетчатки, переданный на берсеркер, станет неопровержимым доказательством — этот человек был ни кто иной, как Карлсен.

Гневный крик заставил Хольта обернуться. Люсинда отбивалась от Микаля, тянувшего к ней руки. Микаль и его друзья покатывались со смеху.

— Нет, капитан, я совсем не Карлсен, — крикнул Микаль, заметив выражение лица Хольта. — Думаете, я жалею, что мы разные? Перспективы Иохана мрачны. Он пленник твердой скорлупы и больше не король пространства!

— Шекспир! — восторженно завопил один из подхалимов, лстя эрудиции Микаля.

— Сэр, могу я... — Хольт сделал шаг вперед, — доставить пленника обратно? Микаль неверно его понял.

— Ого! Я вижу, вы цените маленькие радости существования, мой друг, капитан! Но, как известно, высший чин дает нам привилегии. Девушка останется у нас.

Хольт предвидел подобный поворот событий: Люсинде лучше остаться здесь, чем возвращаться на берсеркер.

— Тогда, сэр... со мной вернется ее брат. В тюремной больнице на Эстиле он может поправиться...

— Капитан, — сказал Ногара тихо, но заглушая одним словом остальные голоса, — здесь не спорят.

— Слушаюсь, сэр. Микаль покрутил головой.

— Сейчас к врагам я милость проявлять не расположен, капитан, Возможно, когда-нибудь позднее... там посмотрим. — Он лениво обхватил рукой Люсинду. — А знаете, капитан, что ненависть — единственная специя любви?

Хольт растерянно взглянул на Фелипе. Холодный взгляд безмолвно сообщал: еще одно слово, и ты окажешься в кутузке, капитан, и я два раза не предупреждаю.

Хольт знал, что берсеркер следит за каждым шагом и звуком в Зале. Его машина могла бы уничтожить всех гостей в мгновение ока.

— Я... я возвращаюсь на корабль, — пробормотал он. Ногара отвернулся, никто уже на Хольта внимания не обращал. — Я... вернусь сюда... немного спустя. До отправления на Эстил.

Хольт замолчал, видя окруживших Яанду участников пира. Они освободили руки и ноги пленника от кандалов и сейчас облачали его в маскарадный костюм: рогатый шлем, мохнатый плащ, копьё и щит. Костюм витязя-викинга, старинного норвежского воина. Именно они придумали слово «берсеркер».

— Заметьте, капитан, — хихикнул Микаль, — на нашем маскараде мы не страшимся рока,

постигшего принца Просперо! Мы не боимся напоминания об ужасе космических пространств!

— Эдгар По! — зашелся в восторге подхалим. Имена Просперо и По ничего не говорили Хольту, и Микаль был разочарован.

— Покиньте нас, капитан, — приказал Ногара.

— Покиньте нас, капитан, — твердо сказала Люсинда. — Мы знаем, вы хотели помочь тем, кому грозит опасность. Фелипе Ногара, будет ли капитан Хольт в какой-нибудь мере виноват в том, что здесь произойдет в его отсутствие?

В глазах Ногары мелькнул вопрос. Но он чуть наклонил голову в знак согласия.

Теперь, получив заочное прощение, Хольт мог сделать одно: уйти. Он попытается выпросить у берсеркера жизнь себе и команде. Берсеркер был терпелив, очевидно, он еще не собрал достаточно доказательств. Если с Яндой будут нормально обращаться...

Хольт ушел. Ему и в голову не пришло, что Карлсен был лишь заморожен.

Люсинда стояла рядом с креслом Микаля, который обнимал ее за бедра, воркуя:

— О, как ты трепещешь, крошка! Как это трогательно!

Такая красавица дрожит от моего прикосновения! Я польщен. Ведь мы больше не враги, правда? Если мы враги, мне придется сурово обойтись с твоим братом.

Она выждала время, чтобы Хольт успел уйти с «Нирваны». Потом размахнулась, сколько было сил. Голова Микаля дернулась от удара, тщательно уложенные седеющие волосы рассыпались в беспорядке.

В Большом Зале нависла тишина, потом обрушилась лавина хохота. Микаль покраснел, и теперь отпечаток ладони на его щеке уже не выделялся. Мужчина за спиной Люсинды схватил ее за запястья, она обмякла, выждала, пока его пальцы немного расслабились, рванулась, освободилась и схватила со стола нож. Новый приступ смеха. Микаль испуганно спрятался под стол. Люсинду опять схватили. Двое мужчин заставили ее отдать нож и сесть в кресло.

Когда Микаль снова заговорил, голос его слегка дрожал, в остальном он был вполне спокоен.

— Подведите пленного ближе! — приказал он. — Посадите его напротив нас.

Пока Яанду усаживали, Микаль повернулся к Люсинде.

— Но я в самом деле был намерен отправить вашего брата в тюремный госпиталь, — сказал он как ни в чем ни бывало.

— Врешь, дерьмо собачье, — тихо сказала Люсинда, очаровательно улыбаясь.

Микаль в ответ только усмехнулся.

— Проверим искусство моих ментотехников, — предложил он. — После этого, готов спорить на что угодно, ему уже не понадобятся кандалы, чтобы усидеть на стуле. — Он помахал рукой в сторону стеклянно блестящих глаз Яанды. — Да. Но сознавать происходящее он будет каждым нервом, смею вас заверить.

Люсинда рассчитывала на нечто подобное, но сейчас почувствовала, что предел близко. Она уже не могла дышать воздухом этого собрания, напоенного злом и жестокостью. Ей казалось — еще немного и она упадет без сознания.

— Нашему гостю наскучил его костюм. — Микаль обвел взглядом собравшихся. — Кто позаботится о его развлечении?

Хлопки, смех, с соседнего места поднялся хихикающий юноша женственной внешности.

— А, Джейми! Джейми славится изобретательностью, — пояснил светским тоном Микаль Люсинде. — Теперь смотрите внимательно. Начинаем!

Сидевший по другую сторону от Микаля Фелипе Ногара проявил некоторый интерес к происходящему, словно отвлекшись от тяжелых дум. Он нехотя повернул голову, ожидая продолжения.

Джейми хихикал, поигрывая маленьким инкрустированным ножом. Сверкали драгоценные камни инкрустации.

— Только не глаза, — предупредил Микаль. — Ему обязательно предстоит еще увидеть кое-что интересное.

— Ах, конечно! — прощепетал Джейми. Он с большой осторожностью снял рогатый шлем с головы Яанды, вытер затем ладони о салфетку.

— Начнем со щечки. Маленький кусочек кожи...

Лезвие нежно коснулось плоти, но и этого было слишком много для мертвых тканей. После первого же нажима вся маска лица, мокрая и кровавая, сползла вниз, открывая ухмыляющийся стальной череп берсеркера.

Люсинда еще успела увидеть, как от удара стальной руки Джейми полетел через весь зал. Потом двое, державшие Люсинду, обратились в бегство, и она нырнула под стол. Разразилось подлинное светопреставление. Несколько секунд спустя стол отлетел прочь от удара робота. Машина, видя, что первоначальный план провалился, занялась простым прямым избиением жизнеединиц. Убивала она эффективно, зигзагами и прыжками перемещаясь по залу. Руки работали, как косы смерти, собирая щедрый урожай окровавленных неподвижных тел.

В дверях из-за паники образовалась пробка, и здесь механический убийца нашел самую выгодную позицию, круша, ломая кости, дробя черепа, разрывая мышцы, связки и артерии. Покончив с этим делом, робот вернулся к опрокинутому столу, где на коленях стояла Люсинда. Машина остановилась на мгновение, направив на нее объективы, но не тронула — возможно, робот узнал в ней помощника. Он помчался за другой жертвой.

Это был Ногара. Он с трудом сохранял равновесие, правая рука была сломана. В левой он сжимал тяжелый пистолет и вовсю палил по мчавшемуся на него роботу. Разрывные пули попадали в друзей Ногары, разносили в щепки мебель, но не причиняли вреда роботу.

Наконец, одна пуля попала в уязвимое место. В последнем броске поврежденный робот сбил Ногару с ног.

В разгромленном Зале повисла тишина, как после взрыва бомбы. Люсинда поднялась на плохо слушающиеся ноги. Кто-то стонал, кто-то плакал, но встать, кроме нее, кажется, никто не мог.

Чувствуя внутри только пустоту шока, она начала пробираться к поверженной машине-убийце. От камуфляжа остались обрывки кровавой плоти и клочки костюма. Она вдруг, как наяву, увидела лицо брата, сильное, улыбающееся.

Но живые сейчас значили больше мертвых... Живые? Ну конечно, заложники берсеркера! Как она могла забыть! Они были добры к брату и к ней, эти космонавты. Нужно попытаться обменять тело Карлсена на их жизни.

Роботы-лакеи, запрограммированные справляться с неожиданностями вроде пролитого вина, суетились в пародийной механической панике. Люсинде они только мешали, но ей удалось выкатить тяжелый саркофаг почти до середины Зала, когда ее остановил чей-то слабый голос. Ногара сидел на полу, прислонясь к ножке перевернутого стола.

—... живой, — прохрипел он снова.

— Что?

— Иохан живой. Здоровый. Понимаешь? Он только заморожен.

— Но мы сказали берсеркеру, что он умер. События сменялись слишком быстро: Люсинда чувствовала, что мысли начинают путаться. Она только сейчас взглянула на снежно-белое лицо Карлсена, как загнипнотизированная.

— Но у берсеркера заложники. Ему нужно тело.

— Нет, — покачал головой Ногара. — Теперь я вижу. Не выйдет. Я его не отдам берсеркеру.

Ногара был ранен и не мог даже подняться на ноги, но аура мощной личности, привыкшей и умеющей повелевать, еще не покинула его. Словно силовое поде, его магнетическая сила сковала Люсинду. Она уже не чувствовала ненависти.

— Но там семеро космонавтов, они погибнут, — запротестовала она.

— Берсеркер похож на меня, — усмехнулся Ногара сквозь сжатые зубы. — Он не отпускает пленных. Вот ключ... — Он с трудом снял цепочку с шеи сквозь разодранную тунику.

Люсинда смотрела на белое лицо под крышкой саркофага. Потом, повинувшись внезапному импульсу, подбежала к Фелипе и схватила ключ. Ногара облегченно вздохнул и закрыл глаза. Кажется, он потерял сознание.

Замок саркофага имел несколько позиций, и Люсинда переставила маркер на «СРОЧНОЕ ОЖИВЛЕНИЕ». Внутри саркофага вспыхнул свет, что-то мощно и гулко запульсировало.

К этому времени автоматы «Нирваны» уже начали устранять последствия несчастного случая. Роботы-лакеи раздобыли носилки и куда-то уносили пострадавших и погибших. В

первую очередь был унесен сам Ногара. Очевидно, на «Нирване» был действующий робот-медик. Откуда-то из-за спинки кресла Ногары громко зывал динамик.

— Говорит система автоматической защиты корабля! Какие будут приказы? Какова природа аварии?

— Не вступать в контакт с курьером! — крикнула Люсинда. — Следить за ним и отбить атаку в случае нападения на «Нирвану». Только не заденьте шлюпку!

Стекло крышки саркофага затуманилось.

Люсинда метнулась к иллюминатору, чуть не споткнувшись о тело Микаля. Глядя под углом, прижавшись щекой к пластине иллюминатора, она могла видеть корпус курьера, розоватый в мерцающем красном излучении гипермассы. Рядом с курьером на прежнем месте была розовая точка шлюпки.

Как долго будет ждать бёрсеркер, прежде чем убьет заложников?

Когда она опять повернулась в сторону саркофага, крышка устройства уже была поднята и в саркофаге сидел человек. На миг их взгляды встретились. Глаза Карлсена были, как у беспомощного ребенка, но только мгновение — и это мгновение навсегда осталось в памяти Люсинды. Потом энергия жизни начала возвращаться к Карлсену, становясь сильнее с каждой секундой. Сила его личности не уступала силе личности брата, наверное, была даже сильнее, но совсем другого рода.

Карлсен окинул взглядом разгромленный Зал, кровь, обломки, потом посмотрел на саркофаг.

— Фелипе, — печально прошептал он.

Люсинда подошла к нему и вдруг начала рассказывать обо всем, что случилось с момента, когда в камере фламландской тюрьмы она услышала новость о смерти Карлсена от чумы.

Он только один раз перебил ее.

— Помоги мне выбраться из этой штуки и найти бронекостюм.

Его рука была сильной, но когда оказался на полу рядом с Люсиндой, она увидела, что он на удивление небольшого роста.

— Продолжай. Что было потом? Она поспешила завершить рассказ, а роботы тем временем облачали Карлсена в космические латы.

— Но почему вас заморозили? — вдруг спросила она, удивленная здоровым и энергичным видом Карлсена.

Он не ответил.

— Иди в боевую рубку. Мы должны спасти заложников.

Карлсен уверенно направился в центр управления

«Нирваны», занял кресло дежурного офицера, уже, очевидно, убитого. Панель перед Карлсеном ожила разноцветными огнями, и он отдал приказ:

— Свяжите меня с курьером.

Через несколько секунд ответил монотонный голос с курьера. Лицо на видеозэкране было плохо освещено, и не очень внимательный наблюдатель вполне мог принять это создание за обычного дежурного по связи на курьере.

— Говорит главнокомандующий Карлсен. — Карлсен использовал титул, который носил в тот великий день битвы у Каменного Края. — Я сейчас прибуду к вам на борт. Мне нужно поговорить с вашими людьми.

Сумеречная фигура шевельнулась.

— Понял вас, сэр.

Карлсен тут же отключил связь.

— Это даст нам некоторое время. Так, теперь мне нужен... мне нужна шлюпка, самая скоростная. Роботы погрузят на нее саркофаг. Сейчас я под воздействием пробуждающих стимуляторов, но вскоре мне может понадобится небольшой отдых в морозильнике.

— Вы отправитесь на курьер? Карлсен уже встал из кресла.

— Я хорошо изучил поведение берсеркеров. Если назначение этого устройства — преследовать меня, он не станет тратить секунду на выстрел по заложникам, если на прицеле буду я.

— Нет, — прошептала Люсинда. — Вы ведь нужны всем нам... всем людям...

— Я пока не собираюсь совершить самоубийство. У меня в запасе имеется пара трюков. — Вдруг его тон изменился. — Ты говоришь, Фелипе жив?

— Кажется.

Карлсен закрыл глаза, губы его беззвучно шевелились. Потом, взглянув на Люсинду, он схватил стилус и листок с консоли дежурного офицера.

— Передай это Фелипе, — сказал он, что-то записывая. — Он освободит тебя и капитана курьера. Вы для его власти не угроза, не то что я...

Он кончил писать, свернул листок и передал Люсинде.

— Пора. Хранит вас Бог.

Люсинда, оставшись в боевой рубке, видела старт кристального кораблика Карлсена. Капсула покинула ангар «Нирваны» и по плавной дуге устремилась к берсеркеру, где зависла на некотором расстоянии от шлюпки с заложниками.

— Берсеркер, — услышала Люсинда голос Карлсена.

— Ты видишь, что это в самом деле я, не так ли? Ты уже запеленговал мою передачу? Ты уже сфотографировал через камеру видеоканала рисунок моей сетчатки?

И на максимальном ускорении капсула шлюпки понеслась прочь, совершая резкие зигзаги, уходя от залпов берсеркера, открывшего огонь из всех орудий и ракетных установок. Карлсен не ошибся. Берсеркер не истратил зря ни одной секунды. Он оставил в покое заложников и бросился в погоню за капсулой Карлсена.

— Огонь по курьеру! — отчаянно закричала Люсинда.

— Уничтожить корабль-курьер!

Но залп ракетных установок «Нирваны» не настиг удаляющуюся цель. Скорее всего, помешали искажения в ткани пространства — курьер уже достиг границы воздействия гипермассы.

Берсеркер не мог поразить капсулу Карлсена, но и Карлсен не мог оторваться от преследователя. Кристаллик его шлюпки исчез за завесой залпов берсеркера, втянутый в водоворот гипермассы.

— Догони их! — приказала Люсинда.

Звезды по курсу немедленно стали голубее, но тут же автопилот заблокировал приказ. Голос компьютера объяснил Люсинде, что ускоряться далее данного предела опасно для жизни экипажа, гипермасса была слишком близко.

Пойманный в гравитационный водоворот, против которого бессильны любые двигатели, шлюпка Карлсена неслась к гипермассе. И прямо за шлюпкой мчался берсеркер, поглощенный стремлением убедиться в гибели врага номер один.

Две ярко-красные точки неслись вместе с огромным облаком падающей в гипермассу пыли, словно улетаая к горизонту закатного неба какой-то планеты. А потом красное смещение гипермассы проглотило блестящие пылинки, и они исчезли из обычной Вселенной.

Некоторое время спустя роботы доставили на борт «Нирваны» заложников берсеркера. Хольт обнаружил Люсинду одиноко стоящей у панорамного иллюминатора.

— Он пожертвовал собой ради вашего спасения, — сказала она. — Он вас даже никогда не видел.

— Я знаю. — Помолчав, Хольт добавил: — Я говорил только что с лордом Ногарой. Не знаю почему, но вас приказано освободить. И меня за помощь берсеркеру тоже не станут судить. И это при том, что Ногара нас явно ненавидит...

Она не слушала, только смотрела в иллюминатор.

— Когда-нибудь ты мне все о нем расскажешь, — сказал Хольт и обнял плечи Люсинды. Она, словно отмахиваясь от назойливой мухи, повела плечами. Хольту пришлось убрать руку. — Понятно, — сказал Хольт, помолчав. И пошел проверить, как дела у его команды.

"Борьба за власть среди людей не прекращалась даже под угрозой гибели. По крайней мере, на одной колонизированной планете борьба за власть привела к гражданской войне. Война, эпидемии и потеря связи с остальным человечеством уничтожили цивилизацию этого мира.

Фантом моего сознания, бессильный помочь, призраком бродил среди выживших

варваров. Эти люди казались такими же беспомощными как и овцы, которых она разводили, — в глазах древнего механического волка космических пространств."

9. ЗНАК ВОЛКА

Темный силуэт, высотой в рост человека, возник в ночном пространстве между сторожевыми кострами. Он двигался беззвучно, как во сне. Дункан, как всегда держал под наблюдением подветренную сторону, хотя это было нелегко — усталость притупила внимание шестнадцатилетнего пастуха. К тому же в это лето Дункан познал тревогу размышлений о жизни, что для его возраста было естественно.

Дункан поднял копьё. Отпугивая волка, устрашающе крикнул. Несколько секунд глаза-угли смотрели на него, потом волк отвернулся, глухо рыкнул и пропал во тьме за границей светового круга.

Дункан перевел дух. Если бы волк напал, он, скорее всего, загрыз бы Дункана. Но при свете пламени волки нападать боялись.

Дункан чувствовал взгляд сотен поблескивающих овечьих глаз: животные сбились испуганной кучей, одна овца раза два жалобно проблеяла.

Дункан, забыв про сон и думы, начал обход стада. Легенды о Земляндии рассказывали об особых животных, которые помогали охранять овец: их называли собаками. Если собаки и вправду существовали, то люди поступили легкомысленно, покинув благословенную Земляндию.

Впрочем, времени на пустые рассуждения не было. Сейчас лучше всего было помолиться — волк приходил каждую ночь и каждую ночь задирали овцу. Дункан обратил взгляд к ночному небу. — Небесные боги, пошлите мне знак, — пробормотал он заученную формулу.

Небеса молчали. Только плавные светляки в рассветной половине неба следовали по неведомым своим тропинкам, исчезая где-то на востоке. Согласно легендам, Земляндия была где-то там, среди звезд, но молодое поколение священников толковало этот факт как чисто символический.

Несмотря на соседство волка, Дункан опять оказался во власти мрачных дум. Он прилежно молился уже два года в надежде получить мистический небесный знак, указание на будущий путь в жизни. Он слышал тихие разговоры среди других парней — оказывается, многие сами сочиняли себе знаки, не дождавшись появления знамений в реальной жизни. Вполне допустимая вещь для пастухов или даже охотников. Но как можно претендовать на большее, не пережив истинного мистического видения? Такому место среди овец, не выше. Дункана сжигал огонь жажды знаний; если бы удалось стать священником, изучать предметы, привезенные с далекой Земляндии...

Он поднял глаза и ахнул, ибо прямо над ним явился блистающий небесный знак. Сначала — ослепительная точка, потом — ярко светящееся облачко. Сжав древко копьё до боли в пальцах, Дункан забыл даже об овцах. Облачко медленно померкло и исчезло.

Корабль-берсеркер совсем недавно вынырнул из межзвездного прыжка в окрестностях планеты Дункана. Светило типа земного Солнца манило берсеркера, обещая богатую органическую жизнь на планетах. Но машина знала — многие планеты надежно охранялись, поэтому берсеркер смирил нетерпение и теперь приближался к планете по плавной осторожной кривой. В околопланетном пространстве не было военных кораблей, но телескопы корабля-крепости засекали блестящие точки оборонных спутников, то исчезающих в тени планеты, то появляющихся вновь. Компьютеры бросили пробный шар: спутник-шпион.

Шпион облетел планету и устремился к поверхности, испытывая надежность защитной сети. Низко над ночной стороной он вдруг превратился в огненное облачко.

И все же оборонные спутники не были серьезным препятствием. Он мог легко их проглотить с более близкой дистанции. Берсеркер опасался другого: на многих планетах были оборонные системы, спрятанные под поверхностью. Именно это опасение удерживало машину от немедленной атаки.

Очень странно, имея сеть оборонных спутников, сама планета казалась необитаемой — никаких городов на ночной стороне, мертвый эфир.

Со всей осторожностью эффективного механизма смерти берсеркер направился в зону, где погиб его шпион.

Утром Дункан хмуро пересчитал овец. Потом нашел то, что искал: задранного ягненка. То, что от него осталось. Итак, волк не ушел голодным. За десять дней стадо потеряло четыре головы.

Дункан пытался утешиться ночным событием. Теперь его жизнь будет полна великих свершений. Но и овцы имели значение.

Стоя над останками ягненка, Дункан увидел священника в коричневой рясе. Верхом на осле священник поднимался на поросший травой холм. Он ехал со стороны Храмового поселка и, очевидно, собирался молиться в пещере — в горе у входа в долину была пещера.

Заметив отчаянную жестикуляцию Дункана, который не мог покинуть стада, священник изменил маршрут.

— Благослови тебя Земляндия, — кратко приветствовал он Дункана. Священник был плотным мужчиной и с осла слез с явным удовольствием, потирая спину и потягиваясь. Заметив волнение Дункана, он улыбнулся.

— Тебе не по себе в одиночестве, сын мой?

— Да, святой отец. Но... прошлой ночью мне явилось знамение. Два года я ждал знака, и прошлой ночью он явился.

— В самом деле? Хорошая новость. — Священник посмотрел на солнце, прикидывая, сколько времени он может потратить на разговор. — Ну, расскажи мне об этом знамении, если желаешь.

Услышав про вспышку, священник нахмурился.

— Сын мой, этот знак прошлой ночью видели многие. Старейшины десятка поселков пришли утром в Храм и все они увидели в ночной вспышке нечто свое. Поэтому я и направляюсь в пещеру — помолиться и поразмышлять о смысле знамения.

Священник залез на осла и с жалостью посмотрел на Дункана.

— Но ты тоже оказался среди избранных. Не расстраивайся, что знак был не для тебя одного. Будь тверд в вере, регулярно молись, и новые знаки явятся тебе.

Он уехал.

Павший духом Дункан побрел к стаду. Как ему только могло прийти в голову, что вспышка, видимая над половиной мира, предназначается какому-то пастуху? Знак появился и исчез, а волк остался.

Когда солнце перевалило зенит, Дункан увидел нового гостя: кто-то от поселка шел в сторону стада. Дункан поправил пояс, пятерней причесал шевелюру с запутавшимися в ней травинками, пощупал подбородок — увы, борода практически еще не росла.

Он был уверен, что идет сама Колин, принял солидный и занятой вид, притворившись, что заметил девушку только на холме. Ветер играл каштановыми кудрями Колин, тербил платье.

— Привет, Колин.

— Здравствуй, Дункан-пастух. Отец послал меня справиться об овцах.

Дункан встревоженно пробежал взглядом по стаду, пересчитывая овец отца Колин. Слава богам неба и земли!

— Овцы твоего отца целы и невредимы! Колин подошла ближе.

— Вот тебе печенье. А как другие овцы? Какая она красивая! Но простому пастуху нечего мечтать о такой знатной девушке!

— Опять приходил волк. — Дункан развел руками. — Я стерегу, зажигаю костры, отгоняю волка. Но он все равно ухитряется зайти с другой стороны и утащить овцу.

— Нужно прислать помощника, мужчину или мальчика. Даже умному пастуху тяжело справиться с большим волком.

Он кивнул, ему было приятно, что Колин приравнивает его к взрослым мужчинам. Но тревога давала себя знать.

— Ты видела вспышку вчера ночью в небе?

— Нет, но весь поселок только об этом и говорит. Я им скажу о волке, только вряд ли кто-нибудь придет помочь. Может, через день или два. Все танцуют и говорят только о ночном знамении. — Она удивленно приподняла брови. — Смотри!

Священник, нахлестывая несчастного осла, во весь дух мчался в обратном направлении — от пещеры к Храмовому поселку.

— Наверное, повстречался с твоим знакомым волком, — предположила Колин.

— Тогда бы он оглядывался. Очевидно, в пещере он получил важный знак от богов Земли.

Они сели на траву, ели печенье и долго болтали.

— Ой, мне пора! — Колин Вскочила. Солнце висело над горизонтом, заговорившись, они не заметили, как наступил вечер.

— Боги! Ночью волк осмелеет.

Глядя вслед Колин, Дункан чувствовал, как играет в жилах кровь. Наверное, и Колин это чувствовала, иначе не обернулась бы и не посмотрела как-то странно. Потом она исчезла за вершиной холма.

Дункан собирал топливо для ночных костров. На секунду он выпрямился, глядя на закат.

— Небесные боги, помогите мне, — помолился он. — И вы, боги Земли. Волк должен вас слушаться. Если не подаете знака, то помогите хоть от волка избавиться.

Он лег на землю и прижался ухом к камню. Каждый день он просил богов, но по-прежнему...

Он услышал голос. Невозможно! Наверное, это звук водопада или где-то бежит испуганное стадо овец... Нет, сомнений не было — это действительно голос, гулкий, повелевающий, приходящий из глубины. Слова разобрать не удавалось, но это был голос подземного бога, совершенно очевидно.

Со слезами на глазах Дункан поднялся. Он забыл обо всем, даже об овцах. Замечательное редчайшее знамение и наверняка посланное только для него одного! И он еще сомневался, что когда-нибудь его получит.

Теперь самое важное — понять, что говорит бог. Дункан напряг слух. Голос бубнил глухо, без пауз, но разобрать ничего не удалось. Дункан отбежал на десяток шагов и приник к другому камню. Да, здесь слышно было лучше. Иногда доносились и понятные слова. «Отдать», потом «оборона» или что-то подобное. Правда, понятные слова произносились с непривычным акцентом.

Дункан вдруг вспомнил, что уже почти ночь и за овец он должен отвечать, должен развести сторожевые костры, без которых волк передерет овец. Но и голосу из-под земли следовало внимать. Дункан выпрямился, охваченный страхом, не зная, что делать.

В густых сумерках мелькнул силуэт. Дункан схватил дубинку и... увидел Колин.

Девушка была испугана.

— Солнце закатилось, я испугалась темноты. И решила вернуться — дорога обратно короче, чем в деревню.

Корабль-берсеркер приближался к ночной стороне планеты. Он двигался быстро, но сохраняя осторожность. Перебрав информацию о данных, накопленных за тысячелетия битв с тысячами форм жизни, машина обнаружила аналогичный случай. На той планете имелась сеть оборонных спутников, но не было городов и молчал эфир. Создатели спутниковой сети погубили цивилизацию в междоусобной войне и уже не могли управлять обороной планеты, даже забыли, где находятся пункты управления.

Возможно, жители этой планеты хотят заманить берсеркера в ловушку, в зону поражения. Поэтому он отправил вперед стаю разведчиков: прорвать сеть спутников, высадиться на поверхность, уничтожить жителей, спровоцировать ответную реакцию.

Костры горели ярко. Колин с копьём в руках следила за стадом. Волк волком, а Дункану надлежало слушаться посланного знамения. Он направился вверх по ночному склону, то и дело прижимаясь ухом к скальным выступам. И с каждым разом глас божий становился громче.

Дункан понимал, что Колин намеренно все так устроила — чтобы остаться с ним на ночь и помогать охранять стадо. И он в глубине души был ей очень благодарен. Но главное сейчас — подземный голос.

Затаив дыхание, он прислушался. Теперь голос можно было слышать даже не наклоняясь. Впереди был каменный завал, зимой здесь сошла лавина. Наверное, там есть пещера.

Когда он достиг валунов, то обнаружил, что голос грохочет прямо из-за камней.

— Атака продолжается. Жду приказов. Прошу отдать приказ номер один. Говорит

система планетарной обороны. Атака продолжается...

Кое-что Дункану было понятно. Атака, приказ, прошу... «Прошу отдать приказ номер один» — очевидно, можно загадать одно желание, как в легендах! Да, больше Дункан над легендами смеяться не будет, никогда. Ишь, умник какой выискался! Совершенно ясно, что это не шутка — никто не может кричать таким громоподобным голосом.

В пещеры разрешалось входить только священникам, но ведь Дункана привело сюда божественное знамение, именно ему был дарован сей знак!

Чувствуя скорее робость, чем страх, он протиснулся в щель между валунами и почувствовал перед ногами металл. Он оказался в металлической пещере, точно как в легенде, как во всех описаниях божественных пещер: металлическая, круглая, длинная, как коридор. На стенах горели огненные «глаза». Местами стены были повреждены и пробиты обвалом.

Голос гремел еще громче. Дункан двинулся вперед.

«Мы на поверхности», — доложили разведчики на бесстрастном языке компьютерных символов. «Разумная жизнь земного типа. Существа обитают в поселках. Уничтожено уже 839 единиц. Никакого признака серьезного сопротивления».

Берсеркер выждал еще немного, наблюдая, как растет счет уничтоженных жизней. Когда вероятность ловушки упала до исчезающе малой величины, берсеркер занялся расстрелом оставшихся спутников, еще преграждавших ему путь.

— Здесь я, — сказал Дункан, падая на колени перед металлическим предметом, издававшим громовой рев.

Здесь лежали сплетенные прутики, яичная скорлупа — когда-то сюда приносили жертвы священники, а потом забыли об этом боге, наверное.

— Здесь я, — повторил Дункан громче.

Теперь бог обратил на него внимание, потому что оглушительный рев утих.

— Понял вас. Я — оборонный пункт 9/864, — сказал бог. — Планетарная система обороны находится под управлением пункта 9/864.

Как бы попросить бога говорить понятнее?

После короткой паузы бог сказал:

— Прошу отдать приказ номер один. На всякий случай Дункан уточнил:

— Ты жалуешь мне одно желание, которое исполнишь?

— Буду исполнять приказы. Планета в опасности. Сеть оборонных спутников уничтожена на 90 процентов. Планетарные средства защиты полностью запрограммированы, активация по приказу номер один.

Дункан застыл, не открывая глаз, не поднимаясь с колен. Одно желание. Остальные слова он понял, как предостережение, — желание следовало выбирать осторожно. Бог может сделать его мудрейшим из вождей, храбрейшим и сильнейшим из воинов. Бог может подарить ему десять юных красивых жен, сто лет жизни...

Или Колин. Где Колин? Она осталась одна, в темноте, где-то рядом рыщет волк, прямо за границей света костров, следя огненным взглядом за беззащитной девушкой. Может, Колин уже кричит, зовет его на помощь. Дункан почувствовал, как сжалось сердце. Да, волк победил. Дункан останется простым пастухом. И если он мог забыть о стаде, он не мог и не хотел забыть о Колин.

— Убей волка! — выдал Дункан.

— Прошу уточнить термин «волк».

— Убийцу! Уничтожь убийцу! Это мое единственное желание!

И не в силах больше выносить присутствие бога, Дункан бросился вон из пещеры, рыдая по погибшей своей великой жизни. Он спешил на помощь Колин.

«Назад!» — взревел электронный сигнал берсеркера. — «Все назад! Ловушка!»

Рассыпавшийся отряд машин-разведчиков в тот же миг бросил смертоносную работу и на пределе ускорения устремился в небо, под защиту металлической матери. Слишком поздно и слишком медленно. Не успев достичь берсеркера, разведчики превратились в полоски раскаленного газа, испарились в брызгах траурного фейерверка.

Берсеркер не стал их ждать. Он уходил в глубокий космос. Он не стал тратить время и энергию на поиски ответа — почему люди пожертвовали столькими единицами, чтобы

заманить берсеркера. Потом он засек новую сеть силовых полей, преграждавшую путь к отступлению. Спасения не было.

Пламя охватило небо. Холмы сотрясались до основания. Верхушка горы у входа в долину исчезла, словно срезанная, и нечто могучее, почти невидимое, как поток прозрачной силы, уходило в бесконечность неба.

Дункан увидел прикинувшую к земле Колин. Она что-то кричала, но глухой подземный гул топил все звуки. В свете небесного пламени носились кругами обезумевшие овцы. Дункан увидел темный силуэт волка. Он тоже бегал кругами, перепуганный громом и огнем в небе, забыв, что он волк. Дункан подобрал дубинку и, спотыкаясь от подземных толчков, побежал на волка.

Он увидел отражение небесного огня в зрачках зверя. Волк приготовился к прыжку... Дункан взмахнул дубинкой...

Дункан победил. На всякий случай ударил еще раз, и еще.

Вдруг в небе вспыхнуло бело-голубое солнце, необыкновенное летящее солнце, через минуту ставшее красным и обратившееся в гаснущее облако. Потом земля успокоилась, и стало тихо.

Оглушенный Дункан побрел куда-то, не видя дороги, пока не наткнулся на Колин, которая пыталась успокоить овец. Дункан пришел в себя. Волк был мертв. Дункану было явлено самое чудесное знамение, бог его пощадил. Дункан побежал к Колин, чувствуя под ногами надежную неподвижность земли, казавшуюся теперь вечной.

"Я видел и вижу по-прежнему блестящее будущее сыновей Старой Земли, победивших космических убийц. Ибо на каждом витке человеческой цивилизации рождаются личности, презревшие личное благо, посвятившие жизнь чему-то большему в их глазах, чем они сами.

Вы можете победить, но я не говорю, что победите наверняка. Ибо в каждом поколении людей рождаются и те, что избирают путь служения темным богам".

10. В ХРАМЕ МАРСА

Что-то случилось с его мозгом. Все смешалось, перепугалось, расплылось. Он не понимал, кто он, где находится, как давно все это происходит и что было до этого. И он не мог сопротивляться, даже не мог определить, нравится ему или нет все то, что происходило.

Пение тяжелым ритмом било в уши, ворчали голоса дикарей.

«Был на стене нарисованный лес. В нем обитал король чудес. Деревья старые, кривые...»

Он увидел лес. Лес окружал его со всех сторон. Был ли этот лес и тянувшие песню голоса реальностью, этого он определить не мог, что-то насылало мутные волны на его мозг, сбивало с толку, не давало мыслить ясно.

«И ветви черные, нагие Ломал холодный серый вихрь. Как буря, шторм и ураган Внизу же склона, у холма Стоял храм Марса, бога битв...»

И он увидел храм из стали: его линии, закругленные и уходящие в черную почву, напоминали о жути космических пустынь — кораблях-берсеркерах. Стальные ворота входа вибрировали и гудели под напором холодного ветра, рвущегося из храма, безостановочно прочесывающего измученный этой искусственной бурей лес. Картина была выдержана в серых тонах и освещалась всполохами северного сияния.

«Полярный свет бросал лучи В ворота, разверстые в ночи. И окон не было в стенах Для глаз людских, познавших страх...»

Ему казалось, что он куда-то идет. Широким уверенным шагом победителя он миновал похожие на клыки столбы ворот и направился к входу в храм.

«А дверь была — прочней алмаза С железными цепями вдоль и сверху вниз, А крышу подпирали крепко, без отказа. Столбы стальные в бочку толщиной...»

Внутри храма крутился хаотический калейдоскоп насилия, какая-то фантазмагорическая бойня. Призрачные армии сокрушали друг друга, боевые роботы кромсали беззащитных женщин, дикие звери пожирали младенцев. И он, завоеватель, принимал этот фантом в себя, наслаждался им, хотя часть сознания понимала — все это лишь галлюцинация, которую он сам

в себе создает под воздействием песни.

Трудно сказать, как долго это продолжалось. Конец пришел внезапно — исчезли давящие на сознание волны ритма, пение смолкло. Он облегченно растянулся на земле, закрыв глаза. Было совершенно тихо, если не считать его собственного тяжелого дыхания.

Тихий стук. Он открыл глаза. Рядом с ним упал короткий меч. Он находился в знакомой, мягко освещенной комнате с круглыми стенами. Стена была покрыта бесконечной фреской, изображавшей войну, жестокость и насилие в тысяче разнообразных сцен и сюжетов. В комнате был также низкий алтарь, а за алтарем — статуя воина на колеснице, с боевым топором, с искаженным в ярости бронзовым лицом.

Все это было ему знакомо, и сейчас его заинтересовал меч. Словно магнитом, его тянула к мячу некая сила, родившаяся в только что пережитых им картинах битв и разрушения. Он пополз к мечу, отметив при этом, что облачен в кольчугу, такую же, как и у статуи бога. Его рука сжала рукоять меча и влившаяся через руку энергия заставила его встать на ноги. Он посмотрел вокруг, ожидая продолжения.

В круговой фреске образовалось отверстие — дверь, и в храм кто-то вошел. На нем была простая форма, лицо — худое и суровое. Он выглядел, как человек, но не был им, потому что кровь не появилась, когда меч вошел в тело.

Испытывая бездумную радость, он раскромсал пластикового робота на дюжину кусков и остановился над останками, чувствуя опустошение и усталость. Рукоять меча стала очень горячей, ему пришлось отпустить меч.

Все это происходило не первый раз, повторялось опять и опять.

Дверь-фреска отворилась еще раз, но теперь вошел настоящий человек, весь в черном, с пронзительными глазами гипнотизера, полускрытыми кустистыми бровями.

— Назови свое имя, — сказал человек в черном голосом, заставлявшим подчиниться.

— Мое имя Джор.

— А как меня зовут?

— Ты — Катсулос, — устало сказал Джор. — Из секретной полиции Эстила.

— Правильно. И где мы находимся?

— На борту «Нирваны-2». Мы должны доставить новый корабль — замок его величества Ногары, — к хозяину. Потом я буду развлекать его величество — убью кого-нибудь мечом, или другой гладиатор зарубит меня.

— Реакция в пределах нормы, — отметил один из людей Катсулоса, показавшись в дверном проеме.

— Да, этот всегда ворчит, — согласился Катсулос. — Но в пределах нормы. Хороший экземпляр. Ты видел запись мозговолн? — Он протянул товарищу кусок ленты.

Они обсуждали поведение Джор, а он стоял и слушал. Они его приучили вести себя как следует. И думали, что это навсегда. Но очень скоро он их проучит. Главное, успеть, пока не слишком поздно. Джор поежился от прикосновения холодной кольчуги.

— Отведи его в камеру, — приказал Катсулос наконец.

— Я буду через минуту.

Джор непонимающе смотрел по сторонам, пока его вели вниз по ступенькам. Память о только что имевшей место процедуре уже становилась смутной, и то, что он помнил хорошо, вызывало неприятные ощущения, поэтому он старался память не напрягать. Но упрямое намерение нанести ответный удар стало еще сильнее: он выберет момент и нанесет ответный удар. Он еще не знал, как, но знал, что скоро сделает это.

Катсулос, оставшись в храме, пнул ногой куски пластикового манекена, собирая их в кучу. Пластик пойдет в переработку. Он тщательно растоптал голову робота, чтобы никто не мог узнать это лицо.

Потом выпрямился, глядя в дышащее яростью бронзовое лицо Марса. Глаза Катсулоса, холодные, как лезвия ножей, вдруг ожили и потеплели.

В каюте, предназначенной для его величества лорда Ногары, еще не вступившего во владение «Нирваной-2», загудел сигнал коммуникатора.

Адмирал Хемпфил не сразу отыскал нужную кнопку на незнакомом рабочем столе.

— В чем дело?

— Сэр, курьер из Солнечной системы завершил свою миссию. Мы готовы продолжить рейс, если у вас нет каких-либо сообщений для передачи.

— Сообщений нет. Новый пассажир перешел на борт?

— Да, сэр. Соларванин, по имени Митчел Спейн.

— Я знаю этого человека, капитан. Пожалуйста, попросите его как можно скорее пройти ко мне: я хочу срочно с ним поговорить.

— Слушаюсь, сэр.

— Полицейские ищут еще на мостике?

— В данный момент нет, сэр.

Хемпфил выключил коммуникатор, откинулся на спинку роскошного кресла-трона, из которого Фелипе Ногаре вскоре предстояло обозревать владения империи Эстил. Суровое лицо Хемпфила помрачнело еще больше, он встал: роскошь каюты действовала на нервы.

На груди Хемпфила, облаченного в аккуратную скромную форму, выделялись семь ало-черных лент. Каждая означала битву, в которой был уничтожен хотя бы один берсеркер. Других наград он не носил. Он был произведен в адмиралы Лигой Объединенных Планет — союзом по борьбе с берсеркерами, куда входили все освоенные планеты.

Минуту спустя открылась дверь каюты. Вошел невысокий мускулистый человек в штатском платье. Лицо его не отличалось приятностью черт (правднее было бы сказать, что он был безобразен). Он с улыбкой пошел навстречу Хемпфилу, протягивая, руку.

— Итак, передо мной сам адмирал высшего ранга Хемпфил. Поздравляю. Давно мы не виделись.

— Спасибо, Митч. Да, в последний раз это было... У Каменного Края. — Хемпфил слабо улыбнулся уголками рта, обойдя стол и пожимая руку гостя. — Насколько я помню, ты был капитаном десантников.

Их руки сошлись в дружеском пожатии, и оба на миг предались воспоминаниям об историческом дне великой победы. Правда, радости сейчас никто не испытывал — война опять шла плохо.

— Девять лет назад, — сказал Митч Спейн. — Ну, а теперь я корреспондент агентства «Солар Ньюз». Меня послали взять интервью у Ногары.

— Я слышал, что ты уже создал себе хорошую репутацию, — сказал Хемпфил, жестом приглашая Митча в кресло. — Боюсь, на литературу и другие пустяки у меня времени не будет, как не было и до сих пор.

Митч сел в кресло и выудил из кармана трубку. Он достаточно знал Хемпфила и не обратил внимания на его реплику о литературе. Для Хемпфила не существовало важных вещей в жизни, кроме одной — уничтожение кораблей-берсеркеров. В настоящее время такой взгляд на жизнь был самым подходящим для человека в звании адмирала высшего ранга.

Спейну показалось, что Хемпфил хочет поговорить о чем-то весьма серьезном, но он не знал, как приступить к теме. Чтобы нарушить затянувшуюся паузу, Митч заметил:

— Интересно, как понравится новый корабль лорду Ногаре.

Митч обвел мундштуком трубки каюту. Покой и надежность, словно они на непоколебимом граните планеты. Ничто не выдавало работы самых мощных двигателей, когда-либо построенных сыновьями Старой Земли, мчавших «Нирвану-2» к краю Галактики со скоростью, многократно превосходящей световую. Хемпфил принял замечание как намек. Подавшись слегка вперед, он сказал:

— Это меня не заботит. Меня волнует другое: как этот корабль будет использован.

После сражения у Каменного Края левая рука Митча состояла в основном из биопротезов. Сейчас он пластиковым пальцем придавил мандариновый огонек в трубке.

— Ты имеешь в виду развлечения на борту? По дороге в эту каюту я заметил мельком арену для гладиаторов. Я Ногару никогда не встречал, но, говорят, после смерти Карлсена он стал совсем плохой.

— Я не имел в виду так называемые «развлечения» Ногары. Я веду вот к чему: вполне может быть, что Иохан Карлсен все еще жив.

Последние слова Хемпфила повисли в воздухе каюты, как фантастическое видение. На миг Митчу показалось, что он ощущает сверхсветовой полет корабля, пересекающего

пространства, чья природа превосходила возможности человеческого понимания, где время ничего не значило и где мертвые герои всех веков могут еще жить.

Митч покачал головой.

— Мы говорим об одном и том же Иохане Карлсене?

— Конечно.

— Два года назад он исчез в окрестностях гипермассы, преследуемый кораблем-берсеркером. Эти факты не соответствуют действительности?

— Полностью соответствуют, но теперь мы считаем, что его капсула вышла на орбиту вокруг гипермассы, а не упала в нее. Ты видал девушку?

— Я прошел мимо какой-то девушки, возле твоей каюты. Я подумал...

— У меня нет времени на глупости. Ее зовут Люсинда, без фамилии, такова традиция ее планеты. Она свидетель исчезновения Карлсена.

— Ах, да, я помню эту историю. Но что ты имел в виду насчет выхода на орбиту вокруг гипермассы?

Хемпфил поднялся, — так, казалось, он чувствует себя удобнее.

— Обычно гипермасса и ближайший к ней район невидимы в результате крайнего красного смещения волновых длин, вызванных притяжением гипермассы. В прошлом году ученые совершили экспедицию. Их корабль сильно уступал этому... — Хемпфил сделал паузу, словно вслушиваясь в работу безмолвных могучих двигателей, ~ но они смогли пробраться к гипермассе довольно близко. У них имелись новейшие приборы, длинноволновые телескопы, и они сделали снимки. Звезда осталась невидимой, но вот что они привезли...

Хемпфил вытряхнул из конверта несколько фотографий, и Митч разложил их на столе перед собой. На большинстве снимков были видны какие-то слегка изогнутые линии, темные на тускло-красном фоне.

Хемпфил стоял за его спиной.

— Вот так выглядит пространство вблизи гипермассы. Не забывай, при объеме, равном примерно солнечному, масса этой звезды в миллиард раз выше. Гравитация выкидывает штуки, которых мы пока не понимаем.

— Интересно. А из чего состоят темные линии?

— Это пыль, падавшая в гипермассу и скопившаяся вдоль силовых линий поля, как опилки вокруг магнита. Так мне объяснили.

— А где же тогда Карлсен?

Палец Хемпфила указал на крохотный кружочек, похожий на каплю воды в пыли.

— Предполагаем, это его капсула. Она летит по орбите с радиусом в сотню миллионов миль от центра гипермассы. Берсеркер, гнавшийся за ним, находится вот здесь, на той же силовой линии. Они надежно застряли. Обычные корабли туда спуститься не могут.

Митч смотрел на фотографии, но его мысли были поглощены воспоминаниями.

— И ты думаешь, он жив?

— У него был саркофаг-морозильник, он мог погрузить себя в глубокий анабиоз. Кроме того, время течет очень медленно. Период обращения у него три часа...

— погоди! Три часа, радиус сто миллионов миль...

Хемпфил улыбнулся.

— Я же тебе говорил, мы многих вещей пока не понимаем.

— Ладно, — Митч медленно кивнул. — Значит, есть шанс? Карлсен не из тех, кто сдается. Он дерется до последнего, а потом изобретает способ продолжать бой.

— Да, я думаю, шанс есть. — Лицо Хемпфила снова стало суровой железной маской. — Ты видел, как берсеркеры старались его убрать. Они боялись его до дрожи в металлических кишках, как никого другого. Хотя я и не понимал, почему... В общем, если его возможно спасти, времени почти не остается. Ты согласен?

— Конечно. Но как?

— На этом корабле. Таких двигателей еще не строили — уж Ногара о своей безопасности позаботился, будь спокоен.

Митч тихо присвистнул.

— Достаточно мощные, чтобы выйти на орбиту капсулы и вытащить Карлсена?

— Да, теоретически.

— И ты намерен попробовать прежде, чем доставишь корабль Ногаре?

— Потом, я думаю, будет поздно. Ты же знаешь, он хотел убрать Карлсена с дороги. На борту — секретная эстильская полиция, и план я держал под замком.

Митч кивнул. Он чувствовал поднимающееся приятное волнение.

— Ногара придет в бешенство, если мы спасем Карлсена, но будет поздно. А команда — они согласны?

— Я уже прощупал настроения капитана — он за меня. И будучи адмиралом Лиги Планет, я могу отдавать приказы на любом корабле, под предлогом военных действий против берсеркеров. — Хемпфил принялся шагать по каюте. — Меня волнует одна проблема — отделение полиции Ногары на борту. Они постараются помешать.

— Сколько их здесь?

— Человек двадцать. Не знаю, почему так много, но численно они нас превосходят двое к одному. Не считая пленных, от них мало пользы.

— Пленные?

— Сорок молодых мужчин. Для развлечений на арене, гладиаторское мясо.

Люсинда проводила время, бродя по коридорам огромного корабля, одинокая, не в силах обрести покой, и оказалась в переходе к центральной части, возле мостика и штаб-кают, когда впереди по коридору открылась дверь и вышли трое. Два человека в черной форме вели третьего, пленника в кольчужной рубахе.

Увидев черную форму, Люсинда гордо подняла голову и остановилась у них на пути.

— Обходите меня, стервятники, — ледяным тоном сказала она. На пленного она не взглянула. Горький опыт научил ее одному принципу: симпатии к пленникам Ногары только усиливают страдания последних.

Люди в черном остановились.

— Я Катсулос, — сказал полицейский с густыми мохнатыми бровями. — Кто ты такая?

— Когда-то моей планетой был Фламланд, — сказала она и заметила, как пленный поднял глаза. — Когда-нибудь она снова станет моим домом, освобожденная от стервятников Ногары.

Второй агент собирался что-то сказать, но локоть пленника выбил из него воздух, клином войдя в живот. Потом пленный, секунду назад покорный, как ягненок, ударом сбил с ног Катсулоса, бросился бежать и исчез за поворотом прежде, чем секретные агенты пришли в себя.

Катсулос быстро вскочил. Выхватив пистолет, от оттолкнул Люсинду и бросился к повороту коридора. Потом она увидела, как обмякли его плечи.

Казалось, ее радостный смех нисколько не задел Катсулоса.

— Деваться ему некуда, — сказал он. Его взгляд встретился со взглядом Люсинды, и она смеяться перестала.

Катсулос выставил вооруженные посты на мостике, в машинном отделении, у всех спасательных шлюпок.

— Этот человек — Джор готов на все. Он чрезвычайно опасен, — объяснил он Хемпфилу и Митчу. — Половина моих людей ищет его непрерывно, но корабль, сами знаете, очень большой. Прошу не уходить далеко от кают, пока мы его не поймаем.

Прошел день, но Джор не поймали. Митч решил воспользоваться занятостью полиции и обследовать арену — «Солар Ньюз» будет очень заинтересована.

Взобравшись по ступенькам, он, щурясь от яркого, хотя и ненастоящего солнца, оказался под искусственным голубым земным небом. Он находился за самым верхним рядом кресел. Всего около двухсот кресел рядами опоясывали арену, отделенную наклонными кристаллическими стенами. Арена в центре стеклянистой чаши имела около тридцати ярдов в диаметре, была покрыта чем-то, похожим на песок, но было ясно, что если откажет искусственная гравитация, покрытие не взлетит пыльным облаком.

В этом цирке, современном, как и лазерный пистолет, предполагалось предаваться пороку древнего Рима. Каждая капля крови будет отлично видна с любого места. Правда, одна деталь вносила дисгармонию: на равных промежутках друг от друга за верхним рядом мест располагались домики непонятного назначения. Архитектурный стиль явно не соответствовал стилю арены.

Митч достал карманную камеру и сделал несколько снимков. Потом направился к ближайшему домику. Дверь была открыта, и он вошел.

Сначала он подумал, что наткнулся на личный гарем Ногары, но некоторое время спустя понял, что персонажи на фресках далеко не всегда изображались в сплетении любовных объятий. Здесь были мужчины, женщины, богоподобные существа, в одеждах Древней Земли или вообще без одежд. Митч, сделав пару снимков, пришел к выводу, что все изображенные на стенах сюжеты посвящались тем или иным аспектам любви, но менее всего он ожидал столкнуться с подобным здесь, как, впрочем и в любом другом месте, созданном лично для Фелипе Ногары.

Выходя из храма через вторую дверь, он миновал статую улыбающейся богини. Обнаженное бронзовое тело наполовину поднималось над зеленой сверкающей морской волной. Он сфотографировал статую и пошел дальше.

Во втором здании фрески изображали сцены охоты и рождения. Богиня в этом храме была одета довольно скромно, в ярко-зеленое, и вооружена луком и колчаном. У ног ее замерли, готовые помчаться в погоню, бронзовые гончие.

Направляясь к третьему храму, Митч обнаружил, что ноги несут его быстрее, что-то притягивало его, как магнит железную пылинку.

Но как только он ступил в храм, накатившая волна отвращения заставила забыть обо всем остальном. Если первый храм посвящался любви, этот, несомненно, служит прославлению ненависти.

На стене сразу напротив входа какое-то пилообразное чудовище, опустив безобразную морду в колыбель, пожирало плачущего младенца. Рядом рубили друг друга в капусту одетые в тоги люди. Мужчины и женщины, дети — все они терпели на этих фресках бессмысленные мучения и погибали ужасной смертью, без проблеска надежды. Дух разрушения казался физически ощутимым, пропитывая сам воздух храма. Это было похоже на...

Митч отступил на шаг, закрыл глаза. Да, ошибки не было, он чувствовал его совершенно ясно: воздействие здесь не ограничивалось фресками и освещением.

Много лет назад, в космическом бою, он испытал воздействие ментального луча берсеркера. Люди научились экранировать корабли, защищаться от ментальных атак... Неужели теперь вражеское оружие было намеренно установлено здесь?

Митч открыл глаза. Излучение было слабым, но оно не просто лишало способности ясно мыслить: оно стимулировало центры ненависти в мозгу человека.

Он покинул храм. Снаружи, за толстыми — толще, чем у остальных храмов, — стенами эффект почти не ощущался. Интересно, если он чувствует остаточное воздействие луча внутри храма, то каково в момент работы проектора на полную мощность?

Самое важное — почему излучатель установлен здесь? Стимулировать ярость гладиаторов? Возможно. Митч посмотрел на бога войны и его бронзовую массивную колесницу, поежился. Тут что-то большее, чем простая жестокость древних римских игр.

Сделав несколько новых снимков, он вспомнил, что видел терминал интеркома возле первого храма. Он вернулся к храму богини любви, простучал код доступа к корабельному Протоколу.

Ответил голос компьютера. Митч приказал:

— Мне нужна информация о конструкции арены, а именно: о трех постройках по ее верхнему краю. Голос поинтересовался, не нужны ли чертежи.

— Нет, пока. Расскажи мне о замысле автора. Пауза в несколько секунд. Потом компьютер сказал:

— Базовый замысел принадлежит человеку по имени Оливер Микаль, ныне покойному. В программе проекта часто делались ссылки на фрагменты литературного произведения некоего Джеффри Чосера с Древней Земли. Цитируемое произведение называется «Рассказ рыцаря».

Имя Чосера мало что говорило Митчу, но затем он вспомнил, что покойный Оливер Микаль был не только лучшим экспертом Ногары по мозгостиму, но и филологом-кьяассицистом.

— Какие психоэлектронные устройства вмонтированы в эти три конструкции?

— В Протоколе корабля нет информации о названных устройствах.

Митч был уверен в существовании излучателя ментальных волн ненависти, он безошибочно распознал вторичный эффект излучения. Вероятно, если верны его подозрения, установки были смонтированы тайно.

Он приказал:

— Прочти фрагменты названного произведения, относящиеся к этим постройкам.

— Три храма соответственно посвящены Венере, Диане и Марсу, — сообщил интерком. — Отрывок, касающийся описания храма Марса, на языке оригинала выглядит следующим образом: «Там на одной стене была дубрава, Где все деревья стары и корявы, Где остры пни, ужасные на вид...» Митч достаточно разбирался в древнем языке Земли, чтобы улавливать содержание, но мысли его сейчас были не здесь. Его привлекла фраза «храм Марса». Он вспомнил о недавно возникших слухах — якобы, существует тайный культ, чьи последователи поклоняются Марсу и обожествляют берсеркеров. «А под холмом, прижат к стене откосной. Был храм, где чтился Марс Оруженосный. Из вороненой стали весь отлит: А длинный вход являл ужасный вид...» Митч услышал тихий шорох за спиной, обернулся и обнаружил Катсулоса. Катсулос улыбался, но выражение его глаз заставило вспомнить взгляд статуи Бога Войны.

— Вы знаете древний язык, Спейн? Могу предложить перевод. — И он подхватил строку, напевно и грозноритмично:

"Там мне предстал Измены лик ужасный, Все происки и Гнев багряно-красный, Как угли, раскаленные в кострах. Карманная Татьба и бледный Страх. С ножом под епанчою Лыстец проворный, И хлев горящий, весь от дыма черный.

И подлое убийство на постели, Открытый бой, раненья, кровь на теле..."

— Слушайте, кто вы такой? — сердито сказал Митч: пора назвать кошку кошкой. И еще он старался выиграть время, потому что за поясом у Катсулоса был пистолет.

— Вам то что до этого? Какая-то новая религия?

— Не какая-то! — Катсулос покачал головой, не спуская с Митча пылающих глаз. — Не мифы о забытых богах, не бледная этическая система пыльных философских кабинетов, нет, — Он шагнул к Митчу. — Спейн, времени на красноречье не остается. Скажу одно — храм Марса открыт для вас. Новый бог творенья примет вашу жертву и вашу любовь.

— Вы молитесь этой бронзовой статуе? — сказал Митч, внутренне готовясь к рывку, слегка перенося вес на толчковую ногу.

— Нет! — воскликнул фанатик. — Это наш символ, не более. Наш бог реален и достоин поклонения. Он сражается не мечом, но смертоносными лучами энергий, ракетами, и слава его ослепительна, как вспышка сверхновой звезды. Его создала жизнь, и он теперь имеет право питаться жизнью. И мы, предаваясь его власти, обретаем в нем бессмертие, хотя плоть наша испаряется в соприкосновении с богом!

— Я слышал, что есть такие, кто молится берсеркерам, — сказал Митч. — Но как-то не ждал встретиться с одним из них.

Где-то снаружи послышались крики, топот чьих-то ног. К кому спешит подкрепление? К нему или к Катсулосу?

— Скоро наши люди будут везде, — воскликнул Катсулос. — Сейчас мы берем корабль под контроль. С его помощью мы спасем часть нашего бога, попавшую в плен на орбите гипермассы. А зложизнь Карлсена мы отдадим Марсу, потом отдадим себя. И в нашем боге мы будем жить вечно!

Катсулос увидел лицо Митча, и рука потянулась к пистолету. В это мгновение Митч прыгнул на фанатика.

Катсулос попытался увернуться, и оба рухнули на пол. Митч видел дуло пистолета, медленно, как во сне, поворачивающееся на него, и поспешил нырнуть за ряд кресел. Выстрел разнес спинку в щепки. Секунду спустя, пригибаясь, зигзагами Митч уже влетал в храм Венеры, чтобы тут же выскочить через вторую дверь. Прежде, чем Катсулос успел прицелиться для второго выстрела, Митч спрыгнул, чуть не полетев кувырком вниз по лестнице.

Выскочив в коридор, он услышал выстрелы. Стреляли, кажется, где-то возле кают экипажа. Он поспешил в противоположную сторону, к каюте Хемпфила. За поворотом путь преградил агент в черном, направил ему в живот ствол пистолета, но Митч, не теряя и десятой

доли секунды, атаковал, используя преимущество внезапности. Пистолет выстрелил, Митч успел ударить по руке стрелявшего и всей своей массой сбить противника с ног. Оседлав агента, Митч нанес несколько ударов в голову, кулаком и локтем, пока противник не потерял сознание. Потом, захватив пистолет в качестве трофея, Митч поспешил к двери Хемпфила, которая скользнула в сторону прежде, чем он успел постучать, и заняла свое место, едва он успел впрыгнуть в каюту.

Мертвец в черной форме сидел на полу. Вся грудь его была усеяна дырами от пуль.

— Добро пожаловать, — сухо сказал Хемпфил. Он стоял, положив левую ладонь на консоль пульта, выдвинутого из потайного отверстия в рабочем столе. В правой руке он небрежно сжимал большой пистолет-автомат.

— Кажется, обстановка сложнее, чем мы предполагали.

Люсинда сидела в полумраке каюты, служившей Джору тайником, смотрела, как он ест. Сразу после побега Джора она принялась обходить коридоры и переходы корабля, шепча его имя, пока Джор ей не ответил. После этого она тайком приносила ему еду и воду.

Он был старше, чем ей показалось вначале, — примерно одних с ней лет, с тонкими морщинками возле настороженных глаз. Самое парадоксальное: чем больше она ему помогала, тем подозрительнее он относился к ее помощи.

Проглотив очередной кусок, Джор спросил:

— Что ты намерена делать, когда мы прибудем к Ногаре и этот корабль вывернут наизнанку, чтобы меня найти? Они меня найдут рано или поздно.

Она хотела рассказать Джору о плане спасения Карлсена. Как только Карлсен окажется на борту «Нирваны-2», Ногара будет им не страшен. Но поскольку Джор проявлял явное недоверие, она не решалась выдать ему секрет.

— Но ты же знал, что все равно поймут, — сказала она. — Зачем же убегал?

— Ты не представляешь, что это такое: быть у них пленником.

— Я знаю, что это такое.

Он не обратил внимания на возражение.

— Они меня тренировали драться на арене, вместе с другими пленными. Потом выделили, стали готовить к чему-то еще худшему. Теперь им стоит только нажать на специальную кнопку, и я начинаю убивать, как берсеркер.

— Что ты хочешь сказать? Он закрыл глаза, забыв о еде.

— Кажется, они готовят убийство одного человека моими руками. Каждый день они отводили меня в храм Марса, доводили до умопомрачения, потом впускали робота-манекена этого человека. Всегда в одной и той же форме, с одним и тем же лицом. И я убивал его ~ мечом, из пистолета, голыми руками. Они нажимают на кнопку, и я теряю контроль над собой. Они опустошили мой мозг, заполнили его искусственной ненавистью. Они безумцы. Я уверен, они сами ходят в храм и перед бронзовым идолом купаются в волнах ненависти.

Раньше он так много никогда не говорил. Она не знала, правда ли это, но чувствовалось, что сам он во все рассказанное верит. Она дотронулась до его руки.

— Джор, я знаю, что это за люди. Я потому и помогаю тебе. И я видела других, со стертым сознанием. Не бойся, на самом деле они не разрушили твой мозг, и ты сможешь выздороветь.

— Они хотят, чтобы я выглядел, как нормальный человек. — Джор открыл недоверчивые глаза. — А почему ты оказалась на корабле?

— Потому что... Два года назад я встретила Йохана Карлсена. Да, того самого. Всего десять минут, но... если он еще жив, он наверняка забыл меня, но я... влюбилась в него.

— Влюбилась! — фыркнул Джор и принялся ковырять в зубах.

Или я так думала, сказала сама себе Люсинда. Глядя на Джора, стараясь понять его мрачное недоверие, она обнаружила, что не может вызвать в памяти лица Карлсена.

Джор, чьи нервы находились в постоянном напряжении, вдруг вскочил и осторожно выглянул из каюты в коридор.

— Что за шум? Слышишь? Похоже, где-то дерутся.

— Итак, уцелевшие члены экипажа забаррикадировались в каютах, — сказал Хемпфил еще более мрачным, чем обычно, голосом. — Атака не прекращается. Эти чертовы поклонники

берсеркеров держат мостик, машинное отделение. Корабль практически в их руках, не считая вот этого. — Он похлопал по пульта, выдвинутому из обширного рабочего стола лорда Ногары. — Я знаю Фелипе Ногару и, когда увидел агентов полиции на борту, решил поселиться в его каюте, где наверняка должно было найтись что-то подобное.

— А что это за пульт? — сказал Митч, вытирая руки. Он только что отволол убитого в кладовую. Катсулос совершил серьезную ошибку. Ему не следовало посылать всего лишь одного человека к адмиралу Хемпфилу.

— Полагаю, этот пульт может блокировать любые команды с мостика или машинного отделения. С его помощью я могу открывать почти все двери и люки на корабле. А этот небольшой экран соединен с сотней потайных камер. Берсеркеролюбы, если не выкурят нас отсюда, не смогут управлять кораблем.

— Боюсь, мы тоже мало что сможем сделать, — вздохнул Митч. — Ты не знаешь, что с Люсиндой?

— Нет. Возможно, она и Джор на свободе, но рассчитывать на них не стоит. Смотри, Спейн. — Хемпфил показал на экранчик.

— Это помещение под ареной. Если все эти камеры заняты, тогда здесь заключено до сорока пленников.

— Хорошая идея. Они тренированные бойцы и, думаю, нежных чувств к черным мундирам не должны испытывать.

— Я мог бы обратиться к ним прямо отсюда, — задумчиво сказал Хемпфил. — Но как нам их освободить и вооружить? Замки отдельных камер мне не подконтрольны, хотя я могу на время изолировать эту зону от противника. Как это все началось? Расскажи мне.

Митч рассказал Хемпфиду все, что ему было известно.

— Просто смешно. У заговорщиков баш план, аналогичный нашему: захватить корабль, но спасти не Карлсена, а берсеркера. Карлсена они; естественно; хотят отдать берсеркеру. — Он покачал головой. — Полагаю, Катсулос лично отбирал сектантов для этой операции. Их, должно быть, больше, чем мы думали.

Хемпфил пожал плечами. Наверное, он хорошо понимал фанатиков в черных мундирах. Он сам был фанатиком с другим, полярным знаком.

Люсинда теперь не отпускала Джор от себя. Как преследуемые животные, они пробирались по коридорам, которые Люсинда, пока искала Джор, успела изучить. Они обошли зону, откуда слышались выстрелы.

Джор заглянул за угол.

— Никого, — прошептал он. — Возле комнаты охранников пусто.

— Но как ты войдешь? И возможно, кто-то из стервятников затаился внутри. У тебя нет оружия. Он беззвучно засмеялся.

— А что мне терять? Жизнь? — И исчез за поворотом.

Пальцы Митча крепко сжали ладонь Хемпфила.

— Смотри! Это Джор! У него та же идея, что и у тебя. Скорей открой ему дверь.

Стены храма Марса были уже освобождены от большей части панелей с картинами. Два техника в черных мундирах работали с показавшимися из тайника частями механизма, а Катсулос сидел возле алтаря, наблюдая за маневрами Джор на собственном сканирующем экране. Когда Джор и Люсинда проникли в комнату охраны, Катсулос хищно подался вперед.

— Быстро, сфокусируйте на нем луч! Вскипятите ему мозги! Он перебьет их всех, а мы успеем справиться с остальными.

Два помощника принялись спешно выполнять приказ, подключая кабели и разворачивая направленную антенну. Один спросил:

— Это тот, кого готовили для покушения на Хемпфила?

— Да. Его ритм-карта в машине. Фокусируйте луч, живее!

— Освободи их и вооружи! — приказал Хемпфил с экрана в комнате охранников. — Слушайте меня, бойцы! Сражайтесь на нашей стороне, и я обещаю освободить вас, как только корабль будет под нашим контролем. И я обещаю, что с нами будет Йохан Карлсен, если он не погиб!

Обещание свободы вызвало восторженный рев пленников, а имя Карлсена — еще один

взрыв восторга, не менее мощный.

— С ним мы отправимся даже на Эстил! — крикнул один из заключенных.

Луч поймал Джора в тот момент, когда он искал нужные ключи. Никто другой его не почувствовал — остальные пленники не проходили специальной обработки и были слишком возбуждены.

Джор понимал, что происходит, но был бессилен. В приступе слепой ярости он отшвырнул ключи, схватил автомат со стеллажа. Первая очередь разнесла экран с изображением Хемпфила.

Частью сознания, которая еще принадлежала ему, Джор испытывал агонию тонущего: он знал, что сопротивляться бесполезно.

Когда очередь из автомата превратила экран в осколки, Люсинда поняла, что происходит с Джором.

— Нет, Джор! Не надо! — Она упала на колени перед ним. На нее смотрело ожившее лицо Бога Войны, и ничего более страшного она в жизни еще не видела. Но она закричала в бешеное лицо Марса:

— Джор! Остановись! Я люблю тебя!

Марс засмеялся — или попробовал засмеяться, но автомат не поднялся. Джор, напрягая все силы, боролся за власть над своим сознанием и телом.

— И ты любишь меня, Джор, я знаю. Если даже они заставят тебя убить меня, знай об этом!

Джор, цепляясь за последнюю соломинку ясного сознания, почувствовал поток энергии, исцеляющий, дающий защиту от ужасного воздействия Марса. В его мозгу танцевали картины, виденные однажды в храме Венеры. Конечно же! Там должен находиться ментальный излучатель противоположного знака, и кому-то удалось его включить и сфокусировать луч.

Он сосредоточился, напрягся. Он сам не знал, что способен на такое усилие. А потом, глядя на лицо Люсинды у своих ног, напрягся еще раз.

Он воспарил над океаном темно-красной ярости, как пловец, уже задыхающийся, выныривает из волн. Он посмотрел на автомат в своих руках. Он заставил пальцы разжаться. Марс кричал, понукал, принуждал все громче, но и сила Венеры увеличивалась. Автомат упал на пол.

После того, как гладиаторы были выпущены из камер и вооружены, бой быстро кончился. Никто из сектантов не пытался сдаться.

Катсулос и двое помощников заперлись в храме Марса и сражались до последнего, включив на полную мощность излучатель ненависти, распевая свой гимн. Возможно, Катсулос еще надеялся привести атакующих в состояние самоубийственной ярости или это была жертва их богу.

Какова бы ни была причина, но трое сектантов в храме испытали полный эффект на себе. Митч всякое видел в жизни, но когда они, наконец, ворвались в храм, ему пришлось на несколько секунд отвернуться.

Зато Хемпфил был удовлетворен концом культа берсеркера на борту «Нирваны-2».

— Сначала проверим мостик и машинное отделение. Потом нужно будет здесь прибраться.

Митч с радостью покинул храм, но по дороге был остановлен Джором.

— Это вы включили контр-проектор? Если так, то я ваш должник... Вы спасли не только мою жизнь. Митч уставился на Джора, ничего не поняв. ~ Контр-проектор? О чем речь?

— Но ведь должен же быть...

Митч поспешил за Хемпфилом, а Джор остался на арене, озадаченно глядя на тонкие стенки храма Венеры, где невозможно было спрятать тайный излучатель. Потом он услышал голос девушки и, покинув арену, поспешил на зов.

Над ареной повисла тишина.

— Режим тревоги отменяется, — произнес голос станции интеркома, обращаясь к пустым рядам кресел. ~ Протокол корабля вернулся в нормальный режим функционирования. Последний вопрос был о замысле конструкции храма. В произведении Чосера относительно храма Венеры сказано:

"Мне все равно, как мы закончим борьбу:

Они меня или я их поборю.
Лишь деву мне бы сжать в тисках объятий!
Ведь сколь ни властен Марс, водитель ратей,
Но в небе ты владеешь большей силой.
Коль ты захочешь — завладею милой."

"Люди всегда проецировали свои убеждения, верования или чувства на окружающий мир. Машины могут видеть более широкий спектр электромагнитных волн, могут точно определять частоту колебаний, равнодушные к любви, ненависти, страху.

И все же глаза людей видят больше, чем линзы объективов."

11. ЛИК БЕЗДНЫ

Прошло пять минут, и, кажется, ничего не произошло. Карлсен понял, что если он и погибнет, то не сейчас. Постепенно его сознание свыклось с этой мыслью, и он осмелился, открыл глаза, взглянуть на окружающее пространство.

Некоторое время после этого он был не в силах шевельнуться: ему казалось, что он сойдет с ума.

Он летел в хрустальном пузырьке шлюпки, имевшей примерно двенадцать футов в диаметре. Прихоть войны забросила его сюда, в глубочайший гравитационный колодец Вселенной.

На дне этого колодца спряталось невидимое солнце такой гигантской массы, что ни один квант света не мог вырваться из тяжелого плена его притяжения. Прозрачная капелька шлюпки, убегая от берсеркера, свалилась в бездну за какую-то минуту. Эту бесконечную минуту падения Карлсен провел в молитве, и ему даже удалось успокоиться — он считал себя фактически мертвым.

И вдруг падение прекратилось. Похоже, капсула вышла на орбиту — орбиту фантастического свойства.

Капсула мчалась над полем битвы: гроза вела войну с закатом. Половину неба занимали кипящие грозные тучи: источником появления этих «туч» была звезда-гипермасса, в миллиард раз превосходившая весом Солнце.

«Тучи» состояли из межзвездной пыли, притянутой гравитацией невидимой звезды. Падая на дно гравитационного колодца, облака ПЫЛИ накапливали статический электростатический заряд, порождавший почти непрерывные вспышки молний. Ближайшие вспышки казались Карлсену сине-белыми. Но большей частью молнии были далеко внизу, и свет доходил до Карлсена уже красно-мрачным, усталым от тяжелого подъема вверх по гравитационному обрыву.

Капсула-капля, в которой находился Карлсен, была снабжена автономным генератором гравитации, поддерживавшим ориентацию капсулы, создававшим иллюзию верха и низа, поэтому Карлсен наблюдая за световой битвой сквозь прозрачный пол палубы, на котором покоились его ступни в космических ботинках. Он сидел в массивном универсальном кресле в центре капли. В кресло были вмонтированы пульт и системы жизнеобеспечения. Сквозь палубу виднелись два непрозрачных темных объекта — собственные искривители пространства капсулы, ее двигатели. Все остальное, куда бы ни бросил Карлсен взгляд, состояло из прозрачайшего кристалла, предохранявшего от радиации, но не защищавшего глаза и душу человека от зрелища лика бездны снаружи.

Когда Карлсен более-менее пришел в себя, он попробовал включить двигатели. Как и следовало ожидать, даже их полная мощность ни на йоту не изменила позиции капсулы, с таким же успехом он мог крутить педали велосипеда.

Любое изменение в положении капсулы он заметил бы сразу, потому что каким-то образом шлюпка зависла рядом с узким поясом мелких метеоритов и пыли, лентой охватывавшим пространство оптического горизонта. Впрочем, лента сливалась с другой, образуя более широкую пылевую полосу уже на некотором расстоянии от шлюпки. Эта широкая полоса, в свою очередь, вплеталась в еще более обширный пояс и так далее, уровень за уровнем, и лишь на расстоянии несколько тысяч (или миллионов?) миль просматривалась

заметно выгнутая секция титанической кольцевой структуры. Эта дуга, сверкая вспышками молний, словно радуга, исчезала за умопомрачительным горизонтом пылевого одеяния гипермассы. Фантастические очертания пылевых туч на горизонте вырастали прямо на глазах Карлсена — такова была скорость капсулы.

Радиус орбиты, по грубым оценкам Карлсена, не уступал радиусу земной. Но судя по скорости смещения облачных масс, ему предстояло завершить полный оборот минут за пятнадцать. Безумие! Невозможно превысить скорость света в обычном пространстве. А ленты, нити и пояса из пыли и мелких камней наводили на мысль, что гравитационное поле образовало нечто наподобие силовых линий, как у магнита.

Ленты пыли над головой Карлсена имели меньшую скорость движения, чем его капсула. В пронсящих под ногами потоках он различал отдельные камешки, мелькавшие, словно зубья мотопилы. Масштаб, скорости, формы — все здесь было чересчур огромным для нормального восприятия.

Он сидел и смотрел на далекие звезды над головой. Может, время обратилось вспять и он молодеет? Карлсен не был ученым-физиком или математиком, но решил, что едва ли даже здесь возможна такая шутка Вселенной. Другое дело, что на этой орбите он будет стареть намного медленнее, чем остальные люди.

Он вдруг заметил, что, как напуганный ребенок, сидит съезжившись, а пальцы в перчатках мертвой хваткой вцепившись в ручки кресла, затекли. Думая об обычных, рутинных вещах, Карлсен заставил себя расслабиться. Он выбирался из ситуаций и похуже.

Еды, воздуха, воды, энергии для цикла очистки было в избытке: генераторы двигателей для этой цели сгодятся.

Карлсен занялся изучением силовой линии, державшей в плену капсулу. Наиболее крупные обломки камня, достигавшие сравнимых с капсулой размеров, сохраняли относительно постоянную позицию. Фрагменты поменьше дрейфовали в разных направлениях с очень небольшими скоростями.

Он выбрался из кресла, повернулся; один шаг — и он уперся в выпуклую стеклянную стену. Карлсен пытался обнаружить врага. Корабль-берсеркер наверняка был где-то здесь, втянутый на орбиту той же силой, что поймала в ловушку и капсулу Карлсена. Сканеры берсеркера сейчас обращены на пузырек капсулы, фиксируя каждое движение человека внутри: берсеркер знает, что он жив. И если сможет, доберется до Карлсена. Компьютеры берсеркера равнодушны к благоговейному созерцанию грозной красоты вокруг.

Словно подтверждая верность догадки, с берсеркера ударила вспышка луча. Но луч казался странно-серебристым, и сквозь пыль и каменное крошево он пробился всего на несколько ярдов, а потом рассыпался безвредным фейерверком. Туча пыли перед берсеркером стала, казалось, еще гуще. Возможно, это был не первый выстрел берсеркера, но здешнее ненормальное пространство оказалось нетерпимым к энергетическому оружию. Что теперь — ракеты?

Да, ракеты. Он увидел, как берсеркер запускает снаряд.

Карандаш ракеты метнулся в сторону капсулы пламенной стрелой и вдруг исчез. Куда она пропала? Упала в гипермассу? Если да, то скорость падения сделала ее невидимой.

При вспышке второго залпа Карлсен машинально обратил взгляд на нижние уровни, заметил быстрый всплеск пыли на пронсящей под ногами пылевой ленте: у мотопилы вылетел один зубец. Карлсен проводил исчезающий снаряд взглядом, обнаружив, что воспринимает присутствие врага не как угрозу, а скорее, как облегчение, как повод отвлечься от... всего этого.

— О Боже! — вздохнул он, поднимая лицо вверх. Это была мольба, а не знак раздражения. Далеко за пределами медленно тлеющего бесконечного горизонта вздыбились чудовищные тучи-драконы. На фоне черноты пространства их головы мерцали перламутром, словно материализуясь из ничего: они тянулись к гипермассе. Вскоре шеи драконов нависли над миром, истекая радужными волокнами вещества, падавшими в гипермассу жемчужными нитями. А потом возникли туловища драконов, плотные тучи, пульсирующие сине-белым светом молний, зависли над зловеще-красной утробой ада.

Обширное кольцо пыли и осколков, захватившее Карлсена, несло его к пылевым

протуберанцам. Должно быть, думал Карлсен, они размерами превосходят тысячу планет, таких, как Земля и Эстил. Пылевая лента, казалось, будет раздавлена, попав в промежуток между тучами, но, приблизившись, Карлсен понял, что расстояние до пылевых образований все еще велико.

Карлсен устало закрыл глаза. Если люду и осмеливались молиться, если у них и хватало духу воображать Создателя Вселенной, то лишь потому, что они не в состоянии представить миллионную долю... нет, не существовало слов, сравнений, чтобы выразить впечатление от окружающего Карлсена.

А что было бы с людьми, верящими только в себя, или вообще ни во что не верящими? Что произошло бы с ними здесь?

Карлсен открыл глаза. Он верил в большую значимость любого самого ничтожного человеческого существа по сравнению с самыми грандиозными солнцами и прочими чудесами Вселенной: он принял решение оседлать собственный суеверный страх..

Тем не менее ему пришлось нелегко, особенно когда он обратил внимание на поведение звезд. Скорость капсулы позволяла видеть заметный глазам параллакс бело-голубых игл — так выглядели все звезды снаружи гравитационного колодца.

Карлсен вернулся к креслу, сел и пристегнулся. Он хотел отвлечься от окружающего, заглянуть в себя. Ну ничего... По крайней мере, у него есть объект для борьбы. Это лучше, чем сидеть и ждать неизвестно чего. Сначала позаботимся о простых потребностях тела. Он напился — вода была хорошая; он заставил себя немного поесть. Если он отсюда выберется, то не очень скоро.

А теперь приступим к делу. Он развернулся в направлении полета капсулы. В полудюжине метров перед ним неподвижно висел обломок скалы солидных размеров его цепко держала та же силовая линия-орбита. Карлсен тщательно осмотрел обломок, оценил его размеры и вес, потом перенес внимание на следующий. Размеры осколков не превышали размеров капсулы, и, словно прыгая по кочкам, Карлсен добрался взглядом до места, где цепочка терялась, сливаясь с другими силовыми орбитами вокруг гипермассы, — грандиозная и ужасающая демонстрация местных титанических масштабов.

Сознание Карлсена балансировало на грани срыва, как у человека, повисшего над обрывом на кончиках пальцев, как у ребенка, впервые вскарабкавшегося на огромное дерево и увидевшего, что лабиринт сучьев, веток, листьев и лиан — это целая сеть дорог, по которым он должен научиться путешествовать.

Теперь он занялся нижней полосой, — «зубьями мотопилы». Карлсен стал изучать ползущие по небосводу «неподвижные» звезды, его восприятие глубины достигло планетарных масштабов.

Но усталость от пережитого до и после падения в гипермассу взяла свое и Карлсен уснул. Он проснулся рывком, охваченный страхом. Берсеркер не собирался сдаваться. Два серворобота-андроида возились снаружи, у стеклянного люка капсулы. Карлсен нащупал пистолет. Пользы от маленького пистолета мало, но пальцы покрепче сжали рукоятку. Карлсен ждал. Ничего другого не оставалось.

Смертоносные машины за стеной стекла выглядели странно — их корпуса покрывала серебристая мерцающая пленка, похожая на иней. Отличие заключалось в том, что «иней» образовался только на лицевой части корпуса и сопровождал движение машин тающими в пространстве нитями и хвостами, как на фотографиях с большой выдержкой. Но роботы были достаточно вещественны. Их молот колотил в крышку люка... Стоп! У них ничего не получалось с люком. Серебристая паутина местного пространства сковывала их движения, гасила энергию их лазеров, глушила заряды взрывчатки.

Испытав все способы, но так и не проникнув в капсулу, роботы удалились, прыгая от камня к камню, в направлении металлической матери. Серебристые световые нити тянулись за ними, как знак позорного поражения.

Карлсен радостно сопровождал их отступление парой оскорбительных выражений. У него появилась идея открыть люк и выстрелить по ним из пистолета — на нем был скафандр, и если роботы смогли выйти из берсеркера, он сможет открыть люк капсулы тоже, — но потом он передумал. Не стоит зря тратить заряды.

Подсознание подсказывало Карлсену, что в сложившейся ситуации о времени лучше всего не думать. Он не нашел изъянов в этом решении, и вскоре потерял счет часам, дням... неделям?

Он делал упражнения, брился, ел и пил, и испражнялся. Замкнутый цикл системы обеспечения работал прекрасно. И с ним был саркофаг, он мог в любой момент вернуться в долгий ледяной сон — нет уж, спасибо! Его не покидала надежда на спасение. Он понимал, что в момент его падения в гравитационную пропасть не существовало еще кораблей, способных спуститься за ним и вернуться обратно. Но корабли постоянно совершенствовались. День или неделя его личного времени могли означать месяцы или годы для остальной Вселенной. Он знал, что там остались люди, и при малейшей возможности они попытаются его вытащить.

Его внутреннее состояние менялось. От паралича восприятия к восхищению, от восхищения — к скуке. Теперь сверкающие чудеса снаружи не слишком его занимали, и он много спал.

Во сне он увидел себя самого, одиноко стоящего в пространстве. Карлсен смотрел на себя как бы со стороны и с очень дальнего расстояния, на котором фигурки людей превращаются в палочки и точки. Он помахал себе рукой на прощание и ушел в направлении бело-голубых звезд. Он едва разбирал шагающие движения ног, а потом вообще ничего уже не было видно и его фигурка исчезла на фоне лика бездны.

Вскрикнув, Карлсен открыл глаза. В прозрачную стенку капсулы ткнулась спасательная шлюпка, толчок разбудил Карлсена. Сейчас шлюпка покачивалась в нескольких футах от капсулы. Он узнал модель: буквы и цифры на панцире металлического яйца были ему знакомы. Итак, он выдержал. Его нашли. Все позади.

В боку шлюпки открылся люк, и наружу выплыли две фигуры в скафандрах. Они тут же покрылись серебристым «инеем», как те роботы с берсеркера, хотя сквозь забрала шлемов можно было разобрать лица и глаза людей. Они смотрели прямо на Карлсена и ободряюще улыбались.

Они смотрели на него, ни на секунду не отводя глаз.

Они постучали в люк, улыбаясь, пока он застегивал скафандр. Но он не спешил их впускать — он вытащил пистолет.

Улыбки исчезли, теперь люди озабоченно хмурились. Шевельнулись губы, и Карлсен мог догадаться по движению губ о том, что они говорили. «Открой люк!» Он пощелкал регулятором радиоконтакса — ничего.

Погодите, — просигналил он, подняв руку. Он вытащил из гнезда в кресле стилус и блокнот, потом написал:

«ПОСМОТРИТЕ ВОКРУГ!»

Наверное, они решили, что он спятил. И чтобы успокоить его, принялись вертеть головами, глядя по сторонам. Над бушующим краем мира поднималось новое войско драконьих голов. Хмурясь, люди посмотрели на драконов, на пролетающие внизу зубья «пилы», на радужные ленты и полосы, заглянули в смертоносный красный ад под ногами, подняли головы к медленно ползущим иглам бело-голубых звезд.

Потом оба, продолжая озадаченно хмуриться, посмотрели на Карлсена.

Он сидел и ждал, с пистолетом в руке. У берсеркера на борту были такие же шлюпки, как эта. Берсеркер умел лепить манекены, внешне очень похожие на людей. Эти двое едва не провели его.

Люди в скафандрах — если это были люди, — откуда-то достали пластиковую дощечку и стилус.

— «МЫ ПРИКОНЧИЛИ БЕРСЕРКЕРА, ЗАШЛИ С ТЫЛА, ВСЕ В НОРМЕ. ВЫХОДИ.»

Карлсен обернулся. Берсеркера не было видно за тучей пыли. Если бы он мог убедиться, что это в самом деле люди...

Они продолжали писать, сопровождая послание энергичными жестами.

— «КОРАБЛЬ ЖДЕТ ЗА ОБЛАКОМ. ОН СЛИШКОМ БОЛЬШОЙ, ДОЛГО НА ЭТОМ УРОВНЕ НЕ ПРОДЕРЖИТСЯ.»

Пауза.

— «КАРЛСЕН, ВЫХОДИ! ЭТО ТВОЙ ШАНС НА СПАСЕНИЕ!»

Карлсен закрыл глаза и стал молиться. Он не хотел смотреть и читать послания. Он

боялся, что не выдержит и поверит, бросится в металлические объятия и будет разорван в куски. Когда он открыл глаза, шлюпка и две фигуры исчезли.

Немного спустя — как показалось Карлсену, — внутри пылевой тучи, скрывшей берсеркера, замигали световые вспышки. Бой!? Кто-то нашел оружие, действующее в местном пространстве? Или новая попытка обмануть его? Посмотрим.

Он настороженно следил за приближением второй шлюпки, очень похожей на первую. Шлюпка замерла рядом с капсулой. Наружу выплыли две фигуры в скафандрах, обернутые в серебристые нити и серебристую изморозь.

Записка была уже готова.

— «ПОСМОТРИТЕ ВОКРУГ!»

Словно стараясь не сердить его, они завертели головами. Наверное, они решили, что он спятил, но он был полностью в здравом рассудке. Прошла минута — но они продолжали смотреть. Один не мог оторвать глаз от ползущих бело-голубых звезд, второй застыл, глядя на проходившую мимо драконью голову. Постепенно страх и робкий восторг сковали их движения: они приникли к прозрачной стене.

Тридцать секунд спустя — нужно было проверить скафандр и шлем, — Карлсен открыл люк, воздух ринулся наружу.

— Добро пожаловать, парни, — сказал он в микрофон шлема. Ему пришлось поддержать одного из них за руку. Но они справились.